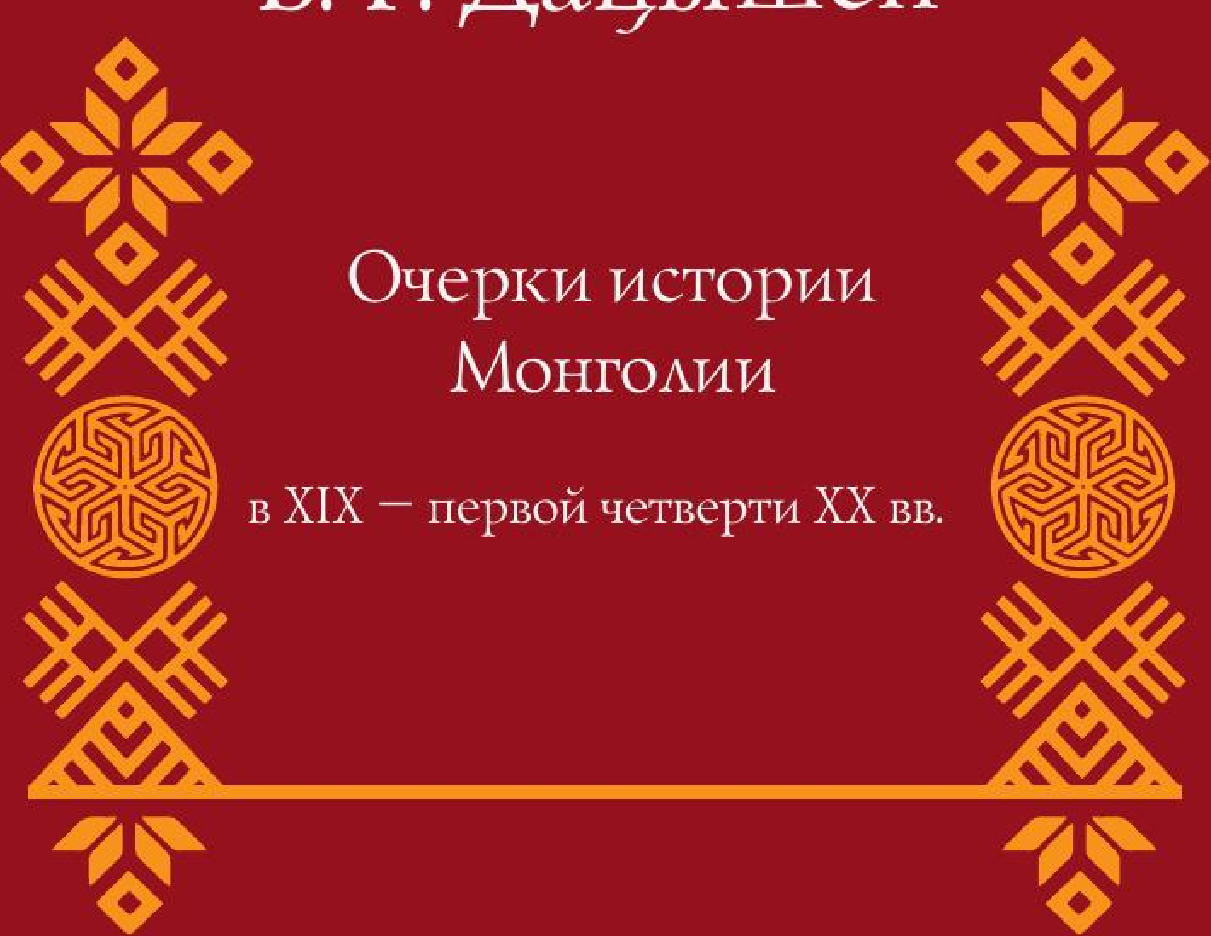

В. Г. Дацышен

Очерки истории Монголии

в XIX — первой четверти XX вв.

В. Г. Дацышен

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

в XIX — первой четверти XX вв.

Монография

Москва-Берлин
2014

УДК 94.517
ББК 63.3(5Мон)
Д21

Дацышен, В. Г.
Д21 Очерки истории Монголии в XIX — первой четверти XX вв.: монография / В. Г. Дацышен. — М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. — 231 с.

ISBN 978-5-4475-2527-9

Данная монография является результатом многолетних исследований красноярского востоковеда-историка, автора около 350 научных работ по истории различных регионов Азии. В ней собраны и проанализированы как уже опубликованные документы, так и вновь выявленные материалы в различных архивах России, а для обобщений и выводов привлечены исследования отечественных и зарубежных исследователей. В центре работы — проблемы Монголии в системе международных отношений в Центральной и Восточной Азии. Представленные в данной монографии результаты исследований частично уже были введены в научный оборот в различных докладах и статьях, опубликованных в научных сборниках в Иркутске, Барнауле, Москве и Улан-Баторе[1].

Издание адресовано преподавателям вузов, научным сотрудникам, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей Монголии и международных отношений в Азии.

УДК 94.517
ББК 63.3(5Мон)

ISBN 978-5-4475-2527-9

Оглавление

Введение

В XVII—XVIII вв., одновременно с утверждением России в Центральной и Восточной Сибири, монгольские земли в Восточной и Центральной Азии вошли в состав Цинской империи. С этого времени Монголия для России было «воротами» в Китай, монголоведение стало отправной точкой и фундаментом всего русского китаеведения. В Цинской империи именно монголы «отвечали» за связи с Россией. Поскольку значительная часть российских границ приходилась на приграничные с населенными монголами земли, то Монголия оказалась в центре внешней политики России, международных отношений и противоречий.

В середине XIX в., после поражения Цинской империи в Опиумных войнах, международные отношения в Центральной и Восточной Азии вступили в новую эпоху. Переход на принципы «Самоусиления» во внутренней политике Цинского Китая и качественные изменения всей во всей системе русско-китайских отношений с 1860-х гг. оказали большое влияние на развитие Цинской Монголии. Завершающий этап истории Цинского Китая, эпоха «Новой политики» 1901—1911 гг., явился особым периодом в истории монгол. Синьхайская революция 1911—1912 гг. привела к ликвидации Цинской империи и дала начало новому этапу истории монгольских народов и монголо-китайских отношений. Тяжелейший и крайне противоречивый период истории Восточной Азии в годы Китайской Республики и становления Советского государства сопровождался глубинными противоречиями во всей системе международных отношений в регионе.

Данная монография является результатом многолетних исследований автором истории международных отношений в Центральной и Восточной Азии. В ней собраны и проанализированы как уже опубликованные документы, так и вновь выявленные материалы в различных архивах России, а для обобщений и выводов привлечены исследования отечественных и зарубежных исследователей.

Представленные в данной монографии результаты исследований частично уже были введены в научный оборот в различных докладах и статьях, опубликованных в научных сборниках в Иркутске, Москве и Улан-Баторе.

Глава 1
Монголия в составе Цинской империи во второй половине XIX в.

Монгольские кочевья занимали огромные территории в северной части Цинской империи. С севера на юг их земли тянулись от российских границ до Великой Китайской стены, а с запада на восток — Тяньшаня до Хингана. В популярной российской литературе начала XX в. так говорилось о Монголии и монголах: «Точно установленных границ Монголии и Китая нет, так как чем ближе сливаются границы их, тем теснее они сходятся и языком, и характером, и этнографическими видами. Но, выделяя страну, с народностью имеющую общую религию и грамоту, говорящую на одном монгольском наречии, с одной историей в прошлом и объединенную однородной культурой и образом жизни, можно, по заключению некоторых исследователей, пределы прежней вассальной Монголии ограничить горами: с севера Алтаем, Саяном и Кентеем; с востока — Большим Хинганом; юго-востока — Иншанем и юга-востока (вероятно опечатка, надо — «юго-запада» — В.Д.) — цепью продолжения Алтая, так называемым Монгольским Алтаем. На юге, более точно, граница установлена — Великой китайской стеной»[2].

Российские военные исследователи обычно ограничивали территорию Монголии Улясутайским цзянцзюньством (генерал-губернаторством) и хошунами Внутренней Монголии. В работе полковника генерального штаба А.А. Баторского в составе Монголии указаны следующие территории: Халха, состоявшая из 4 аймаков и 86 хошунов; Внутренняя Монголия, включая Ордос (49 хошунов), состоявшая из 6 «отдельных княжеских сеймов», хошун Алашаньских или Нинься

монголов, а также отдельно устроенных 8 чахарских хошунов и кукухотские монголы (тумэты); Кобдинский округ, состоявший из 20 хошунов, объединенных в 2 сейма[3]. Несколько отличную картину в это время давал военный исследователь З.Л. Матусовский: «1) Северная Монголия, или Халха; 2) Южная, или Внутренняя Монголия; 3) Ниньсяский округ, или Алашаньские монголы; 4) Сининские, или Кук-норские монголы; 5) Кобдоский округ; 6) Илийский округ; 7) Чахарские монголы и 8) Куку-хотоские монголы»[4]. Следует отметить, что оба исследователя не включили в свои списки Барги (Хулуньбуира), входившей в состав провинции Хэйлунцзян.

При описании Монголии, расхождения обычно касались так называемой Внутренней или Южной Монголии. Исследователь Н. Алтанцэзг указал следующие сеймы и хошуны Внутренней Монголии: 8 Хулуньбуирских хошунов; 50 хошунов 6 сеймов (Чжирэмского, Чжосутского, Цзу-Удаского, Слингольского, Уланцабского и Иэхэ-цзуского); Алашанский элёт и Эзний торгут хошуны Ситаоских монголов; 29 хошунов Хухэнурских монголов; 8 Чахарских хошунов; 2 Тумэтских хошуна Гуйхуачэна[5].

Говоря о монгольском населении Цинской империи, известный российский исследователь З.Л. Матусовский справедливо отметив, что «смешение монгольских племен составляет необходимый результат тех перекочевок, которые маньчжуры заставляли совершать монголов», показал «деление населения Монголии по племенам»: «А) Первую и главнейшую часть населения составляет монгольское племя, к которому относятся: А) Собственно монголы, занимающие всю Халху, Южную Монголию и Ордос. Б) Урянхаи, кочующие по Алтаю от вершин реки Кобдо до вершины реки Булгуна. В) Ойратские поколения, к коим причисляют-

ся: дурбэты, живущие на границах Кобдинского округа, около озера Убса; торгоуты, кочующие в Кобдинском округе... а также в Кук-норе, и хойты, обитающие частью в Кобдоском округе, среди дурбэтов и частью в Кук-норе. Г) Баитские поколения, живущие в Кобдоском округе, к востоку от дурбэтов по хребту Тухтугэннуру. Д) Дархатские поколения, занимающие в Кобдоском округе долину реки Шишкита, в истоках Енисея»[6]. Говоря о племенном составе «собственно монголов», военный исследователь пишет: «если в Халхе теперь уже совершенно утрачены все родовые названия, то они ревниво охраняются в Южной Монголии. Собственно внутренние монголы разделяются на следующие 14 поколений: Хорчин, Чжалаит, Дурбэт, Хорлос, Харачин, Тумэт, Аохань, Наймань, Баринь, Чжарут, Ару-хорчин, Онют, Кэшиктэн и Халха»[7]. Хорчины составляли большинство населения Чжэримского и Чжосутского сеймов.

Российские востоковеды по поводу населения западно-монгольских земель писали: «Кобдинский округ образуют монгольские и собственно Олетские поколения Дурбэтов и Хойтов... разделяясь, как и все Монголы, на отдельные Хошуны... образуют один Сейм: Сайин-Цзаягату из 16 Хошунов (два хошуна Хойтов и 14 Дурбэтов: 11 Правого Крыла и 3 Левого). Далее, в ведении Кобского же Хэбэй-Амбаня находятся: 1) Аймак Захачинов, 2) Аймак Мингат, 3) Хошун Олетов... Кроме того, в ведении Кобдского Хэбэй-Амбаня находились также: 1) Аймак Новых Торгоутов, 2) Аймак Новых Хошотов, 3) Аймак Алтайских Урянхайцев...»[8]. Русский переселенческий чиновник С.Н. Велецкий писал о монголах Илийского края: «Кочевому населению, по численности принадлежит первое место и его составляют киргизы и калмыки... Калмыки принадлежат к монгольской расе. Они делятся на четыре рода; чахары,

кочующие по р. Бороталы; б) торгоуты и в) хошоты, кочующие в долинах обоих Юлдузов и в верховьях Кунгеса и г) олеты, кочующие по р. Текесу и по северному склону хребта Боро-хоро от перевала Нилха до р. Каша. По Текесу же кочуют те 748 юрт калмыков рода Цзурган-суммы, которые в 1866 году искали спасения от таранчей в Верненском и Пржевальском уездах и в 1883 г. возвратились в китайское подданство»[9].

Российские исследователи говорили о сохранении в Цинской империи аймачного устройства в разных формах. З.Л. Матусовский писал: «Халха в административном и военном управлении подразделяется на четыре корпуса, имеющие четыре отдельные сейма князей и составлявшие в прежние времена столько же аймаков отдельных ханов. Так как маньчжуры, уничтожив в Монголии прерогативы ханской власти, тем не менее, не уничтожили ханского титула... Поэтому-то каждому корпусу и усвоено еще название аймака отдельного хана, а именно А) Первый халхаский корпус (чугулган), называемый Хан-ула, от имени горы (около города Урги), при котором собираются князья этого корпуса... называется еще тушету-хановским аймаком... Хан-ульский сейм образуют следующие 20 хошунов или дивизий... В) Второй халхаский корпус называется Керулэн-барс-хотоским... называется еще Цецен-хановским аймаком... Этот сейм состоит из следующих 23-х хошунов... С) Третий корпус, называемый Цецерликским. По имени местности, в котором собираются на сейм... носит еще название Соин-ноиновского аймака... 24-х хошунов... Д) Четвертый халхаский корпус носит название Цзак-голского, по имени реки... называется еще Цзасакту-хановским аймаком... 19 хошунов»[10]. В начале XX в. русские востоковеды писали: «Аймак — старинное монгольское

название княжеского удела, группа нескольких княжеств, составляющих наследие одного княжеского рода... С подчинением Монголии ныне царствующей в Китае Маньчжурской династии, значение Аймаков и их правителей пало. В Халхе Аймаки как административная единица, заменены Сеймами, власть Хана — властью Председателя Сейма; в остальной Монголии на принадлежность княжеств к одному Аймаку указывает сохранившаяся одноименность их названий»[11]. Современные исследователи пишут: «Особое место среди южномонгольских знамен занимали знамена «внутренних подданных» (нэйшу), которые были созданы на территории суйюаньских и чахарских монголов, аймака тумэтов и хулунбуирских монголов. Они были лишены управления наследственного дзасак-нойона и подчинялись напрямую военным представителям Цинской администрации, дутунам и фудутунам знаменных войск... К числу «внешних вассалов» (вайфань или мэнгуфань) относились 49 южномонгольских знамен... маньчжурское правительство объединило их в 6 сеймов или чуулганов (кит. мэн ци)»[12].

Говоря об административном устройстве монгольских территорий на востоке Внутренней Монголии, русский военный исследователь писал: «Административное устройство восточной Монголии в настоящее время выразилось в чрезвычайно сложных формах, в виду совершенно мирного захвата этого края Китаем. Это — страна, аннексия которой давно уже подготовлена экономическим путем, и недостает только одного акта, которым с карты Азии будут вычеркнуты три сейма: Чжасатусский. Чжоудасский и Чжэримский и присоединены будут без каких-либо внутренних осложнений к Маньчжурии»[13].

Монгольское население в Цинской империи было неоднородным как в этнокультурном, так и в сословно-правовом отношении. Но всех монголов объединяла языковая и религиозная общность, все говорили на диалектах монгольского языка и были буддистами-ламаистами. В сословно-правовом отношении все монголы относились к различным категориям неподатного привилегированного населения империи. Монгольский язык был вторым официальным государственным языком Цинской империи, а глава «монгольской церкви» — тибетский далай-лама, был духовным наставником маньчжурского императора.

По данным российских исследователей, население Внешней и Внутренней Монголии (без Барги) во второй половине XIX в. составляло около 2,5 млн. человек, в том числе более 1,7 млн. чел монголов[14]. В российской литературе о численности населения говорилось следующее: «При необычайных границах обширной разнохарактерной страны, народонаселение Монголии чрезвычайно ничтожно. Переписи его не было и наличность не поддается никакой статистике. Но исходя из некоторых соображений и выводов, во всей стране старой Монголии исследователи определили от 1.500.000 до 2.500.000 душ обоего пола, а в отпавшей теперь от китайского владычества от 500—700 тысяч душ... Кроме указанной народности, во всей Монголии живут 400 тыс. китайцев, по статистике Поднебесной империи 1911 года. Причем они, преимущественно занимаясь торговлей, сконцентрированы в 50% около городов и монастырей, а остальные, по большей части хлебопашцы — главным образом по долинам рек»[15].

Монгольские земли входили в различные административно-территориальные образования в Цинской империи, в той части империи, что традиционно назы-

валась «Внешний Китай» (кит. — Вайчэн). Российский исследователь писал: «В административном отношении высшим государственным местом управления Монголией является Ли-фань-юань, или Инородческий Приказ, в Пекине. Учреждение это делится на 6 экспедиций и 7 отделений... Представителями китайской власти в самой Монголии служат два цзянь-цзюня (военные губернаторы); один из них, назначенный собственно для северной Монголии, или Халхи, имеет свое постоянное местопребывание в городе Улясутае; другой, ведению которого подлежит Южная Монголия, вместе с Ордосом и Кук-нором, живет в Гуй-хуа-чэне»[16].

На севере, в приграничных с Сибирью районах, все территории Цинской империи были объединены в единую территориально-административную единицу под властью Улясутайского цзянцзюня (генерал-губернатора). Эта территория, имевшая особое административное устройство и известная как Внешняя Монголия, объединяла Халху и Северо-Западную Монголию. Резиденция цзянцзюня находилась в районе города Улясутай (монг. — Улиастай; кит. — Улиясутай). Описание китайской столицы Внешней Монголии накануне падения Цинской династии дано в донесении русского разведчика: «Китайские власти в Улясутае — Дзянь-Дзюнь и два Амбаня — помощника Дзянь-Дзюня, один из них китаец, другой монгол, квартира их в крепости от города 1½ версты. В городе находится банк, который свои операции производит только с монголами, беря с них 36% годовых. На одном краю города полицейское Управление, у ворот которого висят две большие плети и доски — колодки для заковывания преступников, на другом конце города храм и казарма для солдат, казарма маленькая человек на 10—15, здесь живут два-три солдата караульщика, здесь стоят две статуи /два человека и два коня/

изображающие каким должен быть кавалерист, может быть по-китайски или по-монгольски эта поза очень хороша и молодцевата, но я в выпученных глазах и длинной одежде не нашел ничего красивого и хорошего, здесь же находятся десятка два ружий... Несколько желтых трехугольных с красными полосками по краям флачком на коротких древках — палочках прикрепленных к некоторым домам указывают, что здесь живет солдат, таких флачков по городу висит штук 10... Улясутайская крепость находится на восток от города, в 1½ верстах от него, это правильный четырехугольник, стены которого сложены из дерна, толщиною у основания 14 шагов, вышиною аршин 6. Снаружи стен заставлены лесом, хотя есть много мест не заставленных; изнутри стены имеют уступ так что в разрезе стена получится такой формы. Ворот в крепости трое, с восточной, южной и западной сторон, с северной нет, над воротами и по углам деревянные башни в которых стоят пушки, говорят, что из пушек можно пугать только воробьев, ворота сделаны из лиственничных плах толщиною вершка два, снаружи обиты жестью и гвоздями, имеющими громадные шляпки, одни наружные в полукруглой стене, другие внутренние в прямой стене, устройство тех и других одинаковое, крепость окружена рвом наполняющимся водою, теперь во рву — ширины вверху 12 шагов, глубины аршина 3, от стен крепости ров проходит на расстоянии 10 сажен. Из западных ворот крепости устроена хорошая широкая дорога в город. Помещения для солдат в крепости фанзы деревянные обмазанные глиной, некоторые разваливаются, производят впечатление беспорядочно построенных лачужек, солдат видел в крепости человек 5, два — должно быть часовые караульщика ходят около башен на стенах крепости два-три внутри крепости /один караульщик

тюрьмы, другой церкви/, говорят, что в крепости есть училище, где учится около 60 человек, но где это училище я не мог узнать, не видел также учащихся. С восточной стороны в крепости проведена канава с водой. Каждая стена крепости будет длиною 250 саж. Между городом и крепостью течет р. Загастай, через которую устроен хороший деревянный мост, повыше города и коло города берега речки укреплены плотниками — вероятно для того чтоб город не заливало водой»[17].

Улясутайское цзянцзюньство делилось на три округа: на востоке — Кулунь (русск. — Урга, монг. — Их-Хурэ), в центре — Улясутай, на западе — Кобдо (монг. — Ховд). В округах имелись специальные чиновники — баньшидачэнь (амбань), которые были в двойном подчинении — цзянцзюню и правительству в Пекине. Амбани, формально считавшиеся помощниками цзянцзюня, в Урге и в Кобдо во многом были самостоятельны. Следует отметить, что кроме цинских знаменных амбаней в этих городах были и вторые амбани, должности которых занимали представители местной монгольской знати. Русский исследователь, посетивший Ургу в 1899 г., писал, что там давно жил и исполнял должность монгольского амбаня Цэцэн-хан[18]. Британский политик и исследователь М.Ф. Прайс писал, что амбанями обычно были китайцы (Chinamen), но иногда и монгольские ханы и принцы: «Оба амбаня в Урге, китайский и монгольский, имели специальное назначение — наблюдать за великим духовным сановником Хутухтой-ламой»[19].

В ведении Улясутайского цзянцзюня находился и Урянхайский край (Тува), имевший особый статус в составе Цинской империи. Территория Тувы состояла из 4 хошунов, объединенных под властью местного амбын-нойона. Кроме того, на ее территории был Бэйсэ

хошун, принадлежавший Саин-нойоновскому аймаку Халхи и два отдельных сумона, Маады и Чооду, принадлежавшие Цзасакту-хановскому аймаку.

После получения Внешней Монголии автономии в составе Китайской республики, Тува попала под протекторат России.

Самым восточным монгольским районом в Цинской империи был пограничный с Забайкальем Хулуньбуирский округ (Барга), с центром в Хайларе. Большинство населения этого округа составляли монголы-баргуты. Территория округа Хулуньбуир делилась на 17 хошунов по военно-территориальному признаку. Округ входил в состав провинции Хэйлунцзян с центром Цицикаре. Во главе округа стоял амбань (фудутун), назначаемый военным отделом Цицикарского ямыня, обычно из числа маньчжуров. Китайская сторона приравнивала фудутуна к русскому военному губернатору, по российским законоположениям равным фудутуну считался русский пограничный комиссар. Российские исследователи отмечали наличие оборудованной и охраняемой границы между Хулуньбуиром и Халхой [20]. Во главе провинции Хэйлунцзян находился цзянцзюнь, состоявший в двойном подчинении — напрямую Пекину, а также и Фэнтяню (Мукден, Шэнцзин, Шэньян).

Монгольские кочевья занимали значительную часть провинции Синьцзян. Синьцзян вместе с Ганьсу и Шэнси входили в состав генерал-губернаторства с центром в Ланьчжоу, где находилась резиденция цзунду. На границах с Россией имелись два особых округа — Или во главе с цзянцзюнем, и Тарбагатай с хэбэй-амбанем (цаньцзань дачэнь, подчинявшийся Илийскому цзянцзюню). Илийский цзянцзюнь имел резиденцию в Хуйюаньчэне (Курэ), но историческим центром округа была Кульджа. Тарбагатайский амбань имел ре-

зиденцию в Дурбульджине, но экономическим центром округа был город Чугучак, находившийся в 20 верстах от русского пограничного укрепления Бахты. Цзянцзюнь и хэбэй-амбань в начале XX в. одновременно подчинялись сюньфу (губернатор в Урумчи), цзунду и Пекину. Вообще, формально статус цзянцзюня был выше сюньфу, но реально его власть распространялась лишь на немногочисленное знаменное население Кульджинского края.

О монгольском населении Синьцзяна говорят данные штатной численности войск в провинции в конце XIX в. Знаменных войск, укомплектованных по большей частью монголоязычными группами, было 15494 чел., а монгольской милиции — 5219 чел.[21] По данным российского консульства в Кульдже в составе военно-служилого населения (взрослое мужское) Илийского края было 28 тыс. монгол (олеты и чахары)[22]. По другим данным в Илийским крае к началу XX в. имелось 16 сумонов по 200 юрт чахаров и 20 сумонов «калмыков-элютов»[23].

Русский военный исследователь З.Л. Матусовский писал: «Илийский округ составляют монгольские и собственно Олётские поколения Старых торгоутов и хошутов...», указывая, что олёты образуют собою два сейма — Унэн-суцзукту (9 хошунов) и Бату-сэтхильту (3 хошуна)[24]. Другой военный исследователь в конце 1880-х гг. указал, что в общем числе населения Табагатайского округа 64 тыс. чел. — 25 тыс. составляли монгольские народы: каракалмыки, чахары, ольша-монголы и торгоуты[25].

Говоря о кочующих южнее Тарбагайского круга монголах, исследователь писал: «Часть описываемой ныне Чжунгарской территории (т. е. по южному склону Монгольского Алтая) занимают три племени западных монголов и три племени Халха. О двух племенах

западных монголов: о торгоутах... и об Уранга или Урянхайцах, кочующих севернее... уже было сказано выше. Теперь прибавим, что к кочевьям торгоутов к востоку примыкают родственный им хошун Цзахачинов. Сами себя жители этого хошуна называют олетами. Хошун расположен как по северной, так и по южной стороне Монгольского Алтая... Хошун управляется князем гунном... За цзахачинами вдоль Алтая живут в пределах Чжунгарии три хошуна племени Халха, принадлежащие к аймаку Дзасакту-хана, а именно: хошуны энке-дзасык, тачжин-урянхай и мани-дзасык...»[26].

Большая часть южно-монгольских земель объединялись под властью Суйюаньского (Суйюаньчэнского) цзянцзюня, имевшего резиденцию в городе Гуйхуа (Гуйхуачэн, монг. — Хух-хото). З.Л. Матусовский отмечал: «тот же порядок управления ведется и в Южной Монголии. При Кук-хотском цзянь-цзюне также точно состоят хэбэй-амбани, жительствующие в городах Калгане, Куку-хото и Синине, а при амбанях особые управления цзаргучеев и чжиса»[27]. Российские востоковеды писали: «Гуй-хуа-чэнские (Кук-хотоские) Тумэты разделяются на два Хошуна... Кочевья их располагаются к северу от гор. Гуй-хуа-чэн или Куку-хото провинции Шань-си»[28].

Город Гуйхуа, лежавший в 590 верстах от Пекина, играл особую роль и в системе монголо-китайских торгово-экономических связей, и в структуре территориально-административной системы пограничной полосы между Внутренним и Внешним Китаем. Кроме административного центра монгольских земель, он еще являлся административным центром китайского приставства (чжилитин) в составе провинции Шаньси. Город имел значительное население, около 200 тыс. человек, был окружен крепостной стеной и имел цитадель с воинским гарнизоном.

Юго-восточные монгольские территории находились в ведении генерал-губернатора столичной провинции Чжили, которую в начале XX в. возглавлял Чжилийский цзунду (генерал-губернатор) Тин Юн. Этому цзунду подчинялись Жэхэский дутун Сэ Лэнъэ, Чахарский (Калганский) дутун Куй Шунь и Чахарский фудутун Куй Фу. Российские востоковеды в начале XX в. писали: «Чахарские Монголы отличаются от остальных монгольских племен тем, что совершенно утратили у себя родовое правление. Кочевья их располагаются по Великой Стене за границами областей Сюань-хуа-фу Чжилийской и Да-тун-фу Шаньсийской провинций. В административном и военном отношениях они разделяются на восемь Знамен...»[29]. Русский военный исследователь В.Ф. Новицкий писал: «Чахарские хошуны управляются не наследственными князьями, а монгольскими чиновниками, назначаемыми Калганским «дутуном» на 6 лет, при этом непременно из чиновников другого хошуна»[30].

Говоря о восточной части Внутренней Монголии, следует привести мнение одного русских военных исследователей «В действительности, восточная граница Монголии проходит на юг по бывшей когда то «ивовой изгороди»... граница проходит от г. Цинхэмыня... к г. Факумыню, отсюда граница идет на северо-восток и восток, пересекая реку Ляохэ у Тунцзяна и линию Маньчжурской железной дороги по середине между станциями Кайюань и Чантуфу; далее, граница, имея направление на северо-восток, проходит вдоль линии железной дороги, в 10—15—20 и 25 верстах восточнее ее до р. Сунгари и по этой реке почти до Харбина (Южный и Северный Горлосы)... Чжасатусский сейм расположен в южной части восточной Монголии и граничит на юге с Собственным Китаем, на севере с Чжоудасским и Чжэримским сеймами, на востоке с

хошуном Сурук. Сейм состоит из 7 хошунов: 1) Монгольчжин-хошигу, 2) Барун-Тумэт-бэйсэин-хошигу, 3) Харчин-ван-хошигу... 7) Халха-хошигу... Чжэримский сейм, расположенный в северо-восточной части Монголии, занимает огромную площадь, граничащую... с севера — с Хэйлунцзянской провинцией, с востока и юго-востока — с Гиринской и Мукденской провинциями. Сейм составляют следующие 10 хошунов (с юга на север): 1) Бинту-ван... 10) Дурбет»[31].

Алашаньские монголы на юго-западе были в ведении цзянцзюня Нинся. Город Нинся, расположенный в долине Хуанхэ, между Ордосом и Алашанем, одновременно был административным центром одноименной области провинции Ганьсу. Резиденция одного из амбаней — город Синин, была одновременно административным центром одноименной области в провинции Ганьсу.

Монгольское население Цинской империи до начала XX в. находилось в привилегированном положении по отношению к простому китайскому (ханьскому) населению страны. Значительная часть монгольского населения была включена в состав наиболее привилегированного военно-служилого восьмизнаменного сословия. К знаменному сословию были приписаны все монголы-чахары, отличавшиеся с XVIII в. преданностью маньчжурской династии. Все коренное монгольское население Хулуньбуирского округа состояло в знаменном сословии и составляло 17 хошунов. О баргутах русские писали: «Войска Хулунбуира, или как их принято называть в виду их свирепости в разговоре — баргутские войска, до последнего времени считались наилучшими из провинциальных войск Китая... Выдающиеся боевые качества хулунбуирские войска приобрели благодаря постоянному пребыванию под знаменами и участию в ежегодных общих смотрах в

Хайларе, где они тренировались... они существовали далеко не номинально, не на бумаге, как это целыми столетиями наблюдалось в провинциях Китая, в Монголии и в особенности в Халхе...»[32].

В Синьцзяне, кроме переселенных туда чахар, в состав восьмизнаменного сословия были включены олёты или кара-калмыки. Восьмизнаменное население и армия делилось на 24 корпуса, по 3 (маньчжурский, монгольский и китайский) в каждом из 8 знамен. В конце XIX в. в монгольских частях цинской гвардии на действительной службе было около 20 тыс. человек[33]. Восьмизнаменные монголы несли службу в Маньчжурии, в Халхе и Кобдо, в Синьцзяне, а также в крупных городах почти всех провинций Внутреннего Китая, включая Пекин.

Не включенные в состав восьмизнаменных войск монголы, в том числе халха, так же находились на особом положении, имея самоуправление, отдельную систему гражданской и военной службы, особую судебно-правовую и налоговую системы. Современные исследователи пишут: «все мужское население Халхи, кроме лам, в возрасте от 18 до 60 лет считалось не только военнообязанным, но и находящимся на военной службе. Монголия, разделенная по военно-территориальному признаку на аймаки, включала в себя более мелкие войсковые соединения — хошуны, объединявших несколько полков, каждый из которых состоял из пяти-шести сомонов — пятнадцать десятков конников...

В мирное время... хошунские военные формирования выполняли полицейские функции и лишь частично были вооружены стрелковым оружием. Полноценными же воинами являлись маньчжурские части...»[34].

Монголы в Цинской империи несли службу на границе с Россией. В Монголии на границе с Россией имелись постоянные посты и караулы, в которых проходили службу монголы из ближайших хошунов, по 3—6 месяцев. Кроме караулов, где монголы несли службу определенный срок (мори-харул), были караулы, где солдаты жили постоянно, с семьями (гэрь-харул).

Исследователь А.А. Баторский в 1889 г. перечислил 31 китайский (монгольский) пограничный караул на линии от Абагайту до Шабинь-дабага[35]. Он указал на 10 караулов между Кяхтой и Шабинь-дабага, но позднее отмечалось, что только вдоль южного хребта Танну-Ола от оз. Косогол (Хубсугул) до оз. Убса имелось 16 пограничных караулов, на которых находилось в 1900 г. 370 монголов и 3 китайца. Численность наиболее важных караулов достигала 30 человек, командовал пограничной линией цинский офицер, находившийся на карауле Дзинзилик.

На разных участках границы система наблюдения и охраны была различной. На одних участках в обязанности монгол входило ежегодное посещение линии границы, обычно под руководством маньчжурских чиновников. В качестве примера можно привести участок на стыке Саяна и Алтая, от перевала Богосук до знака Шабин-дабага. В документе под названием «Разменный лист выданный Великого Дайцинского государства от командированных Улясутайскими Цзян-цзюнем и Хэбэй Амбанями, для осмотра пограничных знаков: письмоводителя Силингэ и двух поручиков Куй-юй и Гэнгэ-нэнь» за 1898 г. говорится: «Ныне во исполнение поручений сего года пятой луны двадцать второго числа (июня двадцать восьмого) мы прибыли на место Даоланьтологай и встретились там с командированным русским чиновником Влади-

миром Архиповым, откуда к северу от хребта Богосук, до хребта Шабин дабага, нами были по порядку осмотрены пограничные знаки. По осмотру, никаких повреждений не оказалось и недоразумений между обоими государствами также не было, а потому обе стороны обменялись составленными протоколами»[36]. Далее, на восток, имелась сплошная линия постоянных караулов, но по границе, отделявшей собственно Монголию от Танну-Тува Урянхай. Из Усинского пограничного округа в начале XX в. сообщали: «Зиму караулы по хребту Таннуола простояли на старых местах. Состав караулов: Начальник /Тузлакчжи/ из военных, при нем 30 простых монгол, не обученных военному делу; вооружение было — фитильные гладкоствольные ружья... караулы были в распоряжении Улясутайского Дзян Дзюня/ На некоторых караулах за начальника не военный и не обученный военному делу монгол с содержанием в половину получаемого Тузулакжином и титулуется уж «Тайчи»»[37]. Линия монгольских пограничных караулов отделяла также Халху от Хулуньбуира. К началу XX в. монгольское ополчение не было сколько-нибудь значительной силой, которую цинская власть могла бы использовать для решения своих внутри и внешне политических задач. Монгольские караулы выполняли задачи охраны и защиты интересов собственных этноплеменных групп, а не государства в целом.

Пекин для поддержания своей власти во Внешней Монголии и демонстрации силы перед соседней Россией содержал в Улясутае, Кобдо и Урге небольшие цинские гарнизоны. Правда, численность регулярных войск в Монголии была незначительной, восьмизнаменный гарнизон в Кобдо, например, к концу XIX в.

был менее трехсот человек офицеров и солдат. В других городах численность регулярных войск была еще меньше.

Таким образом. Монголия в составе Цинской империи имела сложное территориально-административное устройство, в котором сочетались феодально-родовые и государственно-бюрократические институты. Монгольское население Цинской империи отличалось этно-племенным и культурным разнообразием, усиливаемым делением по военно-сословному принципу. При этом, сохранилось определенное этнокультурное и государственно-административное единство всех монгольских земель, в основе которого была языковая, религиозная, хозяйственно-экономическая и культурно-историческая общность всех монголоязычных народов Цинской империи.

Глава 2
Чахар-монголы в истории Цинской империи

Различные монгольские народы в составе империи имели не одинаковый политико-правовой статус, различалось их место в общеимперской системе, по-разному шли процессы социально-экономического, административно-политического и культурного развития. Особое место в политической и социально-экономической системе Цинской империи занимали чахар-монголы. Монгольское этнополитическое образование Чахар (Цахар, 察哈爾) было активным участником событий рождения Цинской империи. Именно правитель Чахарского ханства Лигдан, будучи старшим из потомков монгольской династии Юань и наследником последнего всемонгольского хана Даяна, был конкурентом лидеру этнополитического образования маньчжуров в деле создания новой империи на Дальнем Востоке. В 1636 г. большинство князей Южной Монголии признали Абахая богдо-ханом (великим ханом), сын Лигдан-хана получил от Абахая титул циньван (князь 1-й степени, титул, следующий сразу на ханом, обычно давался сыновьям или братьям императора) и его дочь в жены. В 1640-х гг. наследники Лигдан-хана вновь вступили в борьбу против цинов, но, в конечном итоге, потерпели поражение и были уничтожены маньчжурами с частью чахар-монгольского народа. Однако с включением монгольских земель в состав маньчжурской империи, этнополитическое образование Чахар не исчезло, а сохранилось на протяжении всей истории Цинского Китая, и даже пережило саму империю.

На начальном этапе истории Цинской империи, состав чахар-монголов в этнокультурном отношении

претерпел серьезные изменения за счет значительных подвижек населения, принудительно проведенных имперской властью. На основании монгольских летописей об этом, в частности, писал А. Позднеев: «в Халхе снова начались последовательные восстания урянхаев, плененных маньчжурами и халхасами в период войн с олетами. Первый пример таких восстаний подал цзайсан Лубсан-шараб (по происхождению урянхаец), который… в последнем году правления Канси был переселен маньчжурами из урочища Хан улы в чахарские кочевья»[38]. А в XVIII в. значительная часть чахар-монголов была переселена в предгорья Джунгарского Алатау на северо-западе Синьцзяна, обретя там новую родину. С этого времени на территории Китайской империи сложилось два района развития этнокультурной и этнополитической группы чахар-монголов — собственно чахары и так называемые чахар-калмыки.

Чахар-монголы, вошедшие в состав маньчжурского государства еще до оформления Цинского Китая, в 1635 г. были включены состав восьмизнаменного сословия, составив значительную часть монгольских корпусов Цинской гвардии. Административным центром управления чахарских военных знамен был город Калган (Чжанцзякоу), где имелась резиденция дутуна. Рядом с городом располагался военный поселок для восьмизнаменных, три огороженных стенами военных лагеря. Таким образом, в Цинской империи была учреждена отдельная военная административно-территориальная единица — Чахарское дутунство.

Территория отдельного монгольского аймака Чахар включала значительные территории, с севера прилегающие к Великой Китайской стене в районе Пекина. Все чахарское население было объединено в восемь сумонов во главе с цзасаками, напрямую подчинявшимися дутуну. Все чахар-монголы были отнесены к во-

енно-служилой категории, получали содержание от правительства, обязаны нести военную или иную службу. Особое место чахар-монголов в системе военно-политической организации Цинской империи подтверждается особым статусом их округа, существовавшим вне института цзянцзюней, а также и тем фактом, что должности чахарских дутунов часто занимали «желтознаменные» маньчжуры[39].

Выдающийся русский исследователь З.Л. Матусовский писал во второй половине XIX в.: «Чахарские монголы различествуют от всех выше исчисленных монгольских племен тем, что в настоящее время они уже совершенно утратили у себя родовое управление. Кочевья чахаров располагаются по великой стене за границами областей Сюань-хуа-фу и Да-тун-фу. В административном и военном отношениях чахары разделяются на 8 знамен, в свою очередь подразделяющихся на два крыла — западное и восточное. Казенные земли, находящиеся в пределах чахарских кочевьев, а равно дела по торговым сношениям чахаров с китайцами и дела тяжебные и уголовные сосредоточены у управлениях (тин) четырех знамен, а также в дистанциях (тин), находящихся в укреплениях Ду-ши-коу, Чжан-цзя-коу (Калган), Фын-чжень-тине и Нин-юань-тине. Собственно знаменные дела в чахарском ведомстве решаются Ду-тунами, назначаемыми китайским правительством, а главное управление чахарами принадлежит в Ли-фань-юане департаменту Дань-шу-сы»[40].

В XVIII в. чахар-монголы были разделены цинскими властями. Переселенные в Джунгарию, или, как тогда назывался этот район, Тяньшань бэй лу (Область к северу от Тяньшаня) чахар-монголы были переданы под власть Илийского цзянцзюня. Часть чахарской конницы вместе с тунгусо-маньчжурскими частями сразу же была размещена в Илийской долине.

Непосредственное руководство чахарским населением[41] осуществлял специальный военный чиновник — линдуй дачэнь и его заместители — цзунгуани. Чахармонголы на новой родине сразу же занялись производительным трудом. На это, в частности, указывает тот факт, что они, в отличие от маньчжур, не получали натурального довольствия, а только денежное — 12 лан серебром, что, в свою очередь, было ниже денежного довольствия и китайских солдат в Синьцзяне[42].

В Синьцзяне чахарское население, наряду другими монголоязычными и тунгусо-маньчжурскими народами, было опорой Цинской власти и противостояло местным тюрко-исламским народам. В связи с этим, в истории чахар-монголов имеется опыт временного перехода под власть России. Русские очевидцы писали, что после начала восстания мусульман в Синьцзяне в 1860-х гг.: «Пограничные к нашим пределам Китайцы и Калмыки убежали в Киргизскую степь Сибирского ведомства, где проскитавшись более двух месяцев, — истощенные и изнуренные, в рубище и лохмотьях, с растреснувшею кожей от жару, поту и пыли, с начала весны стали прибывать в станицы и передовые посты в Копальском и Алатавском округах... »[43]. В числе беженцев были и чахар-монголы. Цинские власти, по свидетельству современников, еще как-то заботились о маньчжурах, а семьи монгольских солдат были брошены на произвол судьбы. Беженцы вынуждены были обратиться за помощью к русской власти, а некоторые даже согласиться на переход в русское подданство. Например, около 800 человек из числа прибывших в 1867 г. в Копал 4 тыс. семей калмыков, чахар-калмыков, дауров, солонов, сибо, манчжуров и китайцев приписали к станице Сарканской и расселили в четырех верстах от поселка[44]. К 1870 г. русское подданство приняли 8240 «кочевых калмыков»[45].

Часть беженцев, включая и чахар-монголов, приняли крещение. В 1868 г. епископ Томский Алексей крестил в Копале 19 беженцев из Китая, в числе которых были монголы дауры и китайцы. Всего в 1868 г. в Копальском уезде было крещено 588 человек, а в последующие годы число крещенных беженцев из Синьцзяна достигло 721 человек, из которых китайцев и маньчжур было только 24 человека[46]. По данным миссионера В. Покровского, в 1874 г. в Сарканском приходе числилось 98 новокрещенных чахар-монголов[47]. Всего, по данным Верненского комитета, православие приняли 600 «калмыков»[48].

Опыт пребывания под русской властью монгольских беженцев оказался не продолжительным. По мере восстановления Цинской власти в Синьцзяне в 1870-х гг. семьи знаменных войск возвращались на родину, а кроме того, бежали из русских станиц и новокрещеные казаки, так и не принятые русским казачеством в свое сообщество. Тем не менее, в Семиреченском казачестве, вероятно, осталось некоторое число бывших монгольских беженцев, и в середине 1890-х гг. среди этих казаков встречаются калмыки, наряду с татарами и солонами, жившие преимущественно в станице Сарканской[49]. По данным переписи 1897 г. в Лепсинском уезде Семиреченской области 46 мужчин и 43 женщины православного вероисповедания указали в качестве родного языка монгольские языки, к той же категории отнеслись 28 человек в Верненском и 7 человек в Копальском уездах.

Вернувшись в Синьцзян, чахар-монголы продолжали нести службу на границе. В «Журнале военных и политических событий и слухов на границе Семиреченской и Семипалатинской областей с провинцией Западного Китая за 1884 год» отмечалось: «охранительную службу у китайцев несут сибинцы, солоны и

калмыки, вооруженные стрелами и палками, вполне несоответственно. Днем и то не всегда проедет два три человека по границе до соседнего поста, заедут иногда на наши посты обменяться приветствиями и возвращаются обратно в свои инпаны, а с наступлением ночи запираются в них до утра»[50].

К концу XIX в. по данным российского консульства в Кульдже военно-служилое население (взрослое мужское) Илийского края включала 28 тыс. монгол (менее половины из которых приходилось на собственно чахар)[51]. По данным российского офицера в 1900 г. в приграничной с Россией долине реки Боротола находилось 16 сумонов чахарского населения по 200 юрт в каждом сумоне[52]. Для пограничной службы чахарское население выставляло две сотни солдат[53].

После свержения гибели Цинской империи чахар-монголы, утратившие привилегированный статус военно-служилого сословия, перешли в категорию нацменьшинств, проживавших на окраинах Китайской республики. Ликвидация военно-административной организации привела к усилению процессов сближения с родственными и проживавшими по соседству этнокультурными группами монгольского населения. При этом в Синьцзяне чахар-монголы оказались в составе «западно-монгольской» этнокультурной общности. Заведующий переселенческим делом в Семиречье С.Н. Велецкий писал: «Кочевому населению, по численности принадлежит первое место и его составляют киргизы и калмыки… Калмыки принадлежат к монгольской расе. Они делятся на четыре рода: а) чахары, кочующие по р. Бороталы; б) торгоуты…»[54].

Несмотря на новую ситуацию, чахар-монголы сохранили характерные особенности своей группы в новой политической реальности, они оставались наиболее лояльной по отношению к пекинской власти

частью монгольского населения Китая. Например, в 1921 г., согласно воспоминаниям Ф. Оссендовского, китайский комиссар Улясутая Ван Сяоцун направил в Туву, «на завоевание сойотов», именно отряд чахар, отличавшийся жестокостью и бесстрашием [55]. Этот факт был зафиксирован и советской разведкой. Следует признать, что чахар-монголы активно не поддержали борьбы халха-монголов за независимость от Китая. Подобная ситуация была обусловленная тем фактом, что на протяжении почти трех веков чахар-монголы находились в составе единой «корпорации» восьмизнаменного сословия совместно с тунгусо-маньчжурскими народами и военнознаменными ханьцами.

Таким образом, чахар-монголы сыграли важную роль в истории международных отношений в Центральной и Восточной Азии. При этом, высокий уровень вовлеченности в политические процессы развития Китайской империи обусловили вхождение их в состав Китайской Республики, и не позволил чахар-монголам создать собственное государство или присоединиться к Автономной Монголии.

Глава 3
Монголия во время военного конфликта между Россией и Цинской империей 1900 г.[56]

Начало XX в. международные отношения на Дальнем Востоке встретили в состоянии тяжелого кризиса, вызванного антииностранным восстанием в Китае. Кризис перерос в прямое военное противостояние между Цинским правительством и иностранными государствами. Летом 1900 г. Пекинский двор объявил войну России, а Санкт-Петербург направил в Цинскую империю войска общей численностью до 100 тыс. человек.

Кризис в русско-китайских отношениях напрямую не был связан с русско-монгольскими отношениями. Но монголы были обязаны военной службой Цинскому двору, а часть монгольского населения входила в состав военно-служилого восьмизнаменного сословия, из которого формировалась цинская гвардия. Кроме того, монгольские земли находились на приграничных с Российской империей территориях. Таким образом, война 1900—1901 гг. не могла не затронуть Монголии и русско-монгольских отношений.

Летом 1900 г. почти вся Монголия оказалась в «окружении войны». От Калгана до Хайлара вдоль ее восточных границ шли боевые действия. На территории примыкавших с юга к Монголии китайских провинций Шаньси и Чжили (Хэбэй) ихэтуане и части Цинской армии воевали против объединенных сил 8-ми держав.

Не спокойно было и на других границах Монголии, в Сибири и Приамурье русское правительство провело полномасштабные мобилизационные мероприятия. 9 июня 1900 г. было принято решение о переводе

войск Приамурского военного округа, в состав которого входило все Забайкалье, на военное положение, а так же о призыве 12 тыс. запасных из Сибирского военного округа. Мобилизация началась 11 июня 1900 г. и явилась первым полномасштабным мероприятием подобного рода на границах с Цинской империей. 8 июля 1900 г. было принято решение о переводе на военное положение войск Сибирского военного округа и Семиреченской области Туркестанского военного округа.

Российские власти летом 1900 г. срочно занялись укреплением всей линии границы с Монголией. В Саянах и Алтае были проведены мероприятия по организации самообороны местного населения. Например, населению Сибирского казачьего войска было отпущено по 25 винтовок с патронами на каждый степной поселок. Среди казачьего населения Енисейской губернии были организованы три специальных дружины, населению было роздано 200 винтовок и 10 тыс. патронов.

Летом 1900 г. Пекин планировал использовать силы Монголии в конфликте с Россией. Тем более, именно Монголия прикрывала Пекин с севера от возможного наступления российской армии. Уже 5 июня[57] Цзюньцзичу (высший военный орган власти Цинской империи) направил Чахарскому дутуну Сян Лину приказ проверить слухи о наступлении русской конницы с запада, провести разведку и сообщить об этом в соседние территории[58]. Через несколько дней приказ был повторен, но уже с требованием срочно укрепить район и постоянно держать под контролем северное направление [59]. В июне Суйюаньчэнский цзянцзюнь (генерал-губернатор Южной Монголии) Юн Дэ, согласно приказа из Пекина, отправил на север, в Монголию по шести направлениям разведку.

В это же время на границу Монголии в Калган была отправлена из Шаньси армия Вань Бенхуа[60].

Собственно маньчжуро-китайских войск на монгольских землях было не много. На территории Внешней Монголии имелись небольшие цинские гарнизоны в годах Улясутай, Кобдо и Урга. В Кобдо, например, в 1900 г. маньчжурских знаменных войск было немногим более 270 человек офицеров и солдат[61]. В Урге в 1900 г. имелось до 250 китайских солдат. Но кочевое монгольское население только Халхи в случае мобилизации могло выставить многочисленную конницу, 26400 человек (по 75 человек от сумона).

В июне 1900 г. во Внешней Монголии были проведены некоторые военные мероприятия. К Улясутаю выступил отряд в 700 чел. знаменных войск, а местный цзянцзюнь Лянь Шунь попросил прислать из Пекина дополнительно 2 тыс. чел. войск. 26 июня 1900 г. Улясутайскому цзянцзюню был отправлен императорский указ, предписывающий ему и Ургинскому амбаню (Кулуньский баньшидачэн) Фэн Шенъэ оставаться на местах и защищать районы от возможного русского наступления. В Пекине считали, что «российских войск очень много, поэтому они обязательно приедут по разным путям»[62]. Цинским чиновникам приказывалось сообщить главам халхаских аймаков, чтобы те подобрали самых сильных мужчин и подготовили их для защиты границ. Подобные указания были отправлены и в Кобдо, амбаню Жуй Сюню предписывалось действовать совместно с руководством провинции Синьцзян и остановить наступление врагов. В документе говорилось, что «было бы хорошо, если бы они смогли сковать врагов»[63], хотя и не детализировалось это пожелание.

С другой стороны, Пекин планировать усилить воюющую против иностранцев в столичном районе армию за счет монгольского ополчения. Улясутайский цзянцзюнь собрал до 4 тыс. человек монгольской конницы, но Лянь Шунь, докладывал о их низкой боеготовности. Ургинский амбань призвал на службу 2 тыс. монголов и расположил их вокруг города. Амбань Кобдо приказал мобилизовать монголов и организовать их обучение. Были отданы распоряжения о запрещении экономических отношений с русскими, выделены деньги для монгольских лидеров, которым было приказано провести мобилизационные мероприятия. Однако Жуй Сюнь не верил монголам, он докладывал: «Я еще боюсь, что Монголия думает только о выгоде ... я боюсь, что они нарушат приказ»[64]. Как и предполагалось, монголы не были настроены на войну с русскими, это подтвердили события в Кобдо, где призванные всадники взбунтовались, перебили маньчжурских офицеров и разбежались.

Движение ихэтуаней нашло поддержку лишь среди китайского населения Монголии. В Улясутае летом 1900 г. было собрано до 1 тыс. китайцев-торговцев, для которых были организованы учебные стрельбы. Из местных чиновников наибольшую активность в деле подготовки обороны вверенных территорий проявили глава Кобдо и Улясутайский цзянцзюнь. Амбань Жуй Сюнь установил связь с Синьцзяном, и попросил отправить несколько тысяч маньчжурских солдат на защиту Кобдо, он просил, чтоб император поддержал это решение своим приказом. Цзянцзюнь Лянь Шунь просил у Пекина два батальона конницы и батальон пехоты. 12 июня 1900 г. консул Я.П. Шишмарев доносил из Урги, что монголы пассивно воспринимали события в Чжили,

агитацию вели лишь китайцы. Монгольские власти не выполнили указ императора о закрытии Монголии для горнопромышленной деятельности иностранцев. Правда, Я.П. Шишмарев позже все же отправил несколько телеграмм о развитии напряженности в Урге.[65]

Мобилизационные мероприятия затронули районы Южной Монголии, тем более, там монголы входили в состав восьмизнаменного войска. Суйюаньченский цзянцзюнь Юн Дэ отмобилизовал восьмизнаменные войска, приступил к военным учениям и наметил пути их движения на встречу возможного русского наступления. Однако Юн Дэ полагал, что сам он с частью войск должен был идти к Пекину. Фудутун Жэхэ Сэ Лэнъэ, наоборот, не выполнил приказ отправить все войска в Тяньцзинь.

Из всех монгольских территорий полномасштабные военные действия затронули только Баргу, входившую в состав провинции Хэйлунцзян. 28 июня 1900 г. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков приказал образовать отдельный отряд под командованием генерал-майора Н.А. Орлова для занятия Хайлара. Этот отряд, численностью в 5 тыс. чел., 12 июля перешел границу и вышел на станцию Далайнор. 13 июля отряд штабс-капитана Бодиско захватил в плен 50 монголов. Первый крупный бой произошел за станцию Онгунь 16—17 июля, где русским войскам противостояло до 10 тыс. чел., в основном монгольской конницы. Вскоре цинские войска в Барге были полностью разбиты, и русский отряд продолжил наступление по КВЖД в сторону Цицикара.

В начале июня 1900 г. антииностранное движение достигло границ Южной Монголии, создав угрозу не только русским интересам, но русскому населению на «Кяхтинском пути». 3 июня 1900 г. командующий

войсками Квантунского полуострова доложил в Санкт-Петербург, что не в состоянии помочь калганцам. Через день телеграфная станция в Калгане была закрыта, все русские вынуждены была оставить этот город. Начальник Забайкальского почтово-телеграфного округа докладывал: «Заведующий Калганской конторой Сленцевич телеграфирует из Уддена, расположенного на полпути между Ургой и Калганом, что, вследствие грозящего настроения китайцев, возбужденных расклеенными объявлениями, в ночь на 4 июня вся русская колония вместе... с почтами, не достигшими Пекина, выехали в Ургу»[66]. 21 июля консул Я.П. Шишмарев сообщал: «Сильное впечатление произвел здесь разгром всего Русского Калгана... К ущербу величия России послужит в глазах монголов всякая неудача наша в Урге»[67]. В конце июня 1900 г. русский консул уже докладывал: «Монголия призывается к оружию... Вообще положение здесь становится серьезным. Экстренная присылка консульству казачьего конвоя при орудии необходимо»[68].

Антииностранное движение в Китае не достигло Халхи, и русская армия в 1900 г. боевых действий на этой территории не вела. Однако военные события в Цинской империи отразилась на общей ситуации в регионе. В Монголии были зафиксированы случаи отобрания долговых расписок у русских купцов, отказа принимать российские деньги. Пытались китайские власти воспрепятствовать эвакуации русских торговцев из Кобдоского округа. На одном из пограничных караулов даже было зачитано предписание задерживать русских и отправлять в Улясутай. Однако в августе 1900 г. все русские торговцы благополучно выехали из Западной Монголии.

Для наступления на Ургу и Калган по приказу Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова создавался специальный Селенгинский отряд. Однако, благодаря настойчивости русского консула в Урге Я.П. Шишмарева, посылка войск в Монголию была ограничена двумя сотнями, и то в качестве консульского конвоя, остальные войска остались в Троицкосавске. 5 июля 1900 г. помощник начальника российского Главного штаба телеграфировал в Хабаровск и Читу: «Высочайше повелено командировать две сотни в Ургу, снабдив четырьмя комплектами патронов и двухмесячным запасом продовольствия»[69].

Отряд казаков под командованием Н.Ф. Домелунксена 25 июля 1900 г. встал на бивак недалеко от российского консульства в Урге. Многие в России полагали, что ситуация диктовала необходимость ввода более значительного воинского контингента в Монголию. Н.И. Гродеков писал 26 июля начальнику Главного штаба: «...признаю необходимым поспешить занять Ургу целым 2-м Верхнеудинским казачьим полком... пассивное сидение в Урге только 2-х казачьих сотен не принесет пользы, и цель занятия Урги не будет достигнута» [70]. Петербург не поддержал этой инициативы, в Ургу формально российские войска вводить не стали. Однако дополнительные казачьи части были введены в Тунку, Минусинск и станицу Алтайскую. По поводу отправленных в Ургу казаков цзянцзюнь считал: «На этих русских солдат, которые приехали в Кулунь защищать торговцев, надо тоже обращать внимание»[71].

О сложности ситуации в Монголии можно судить по донесению Я.П. Шишмарева министру иностранных дел от 1 августа 1900 г.: «Подозрение маньчжурским правительством, здешними маньчжурскими властями и проживающими в Урге китайцами Монголии

в симпатиях к России с каждым днем растет. Между китайцами же быстро растет пропаганда боксеров. Они начали носить боксерские значки и стараются избегать сношения с русскими из боязни кого-то. Много китайцев уехали в Калган... Оставшиеся здесь собираются по домам и упражняются в фехтовании... До тех пор пока войны нет, соглашение мое с маньчжурским амбанем заключается в том, чтобы сделать все зависящее от нас к удержанию порядка... Присылаемые в Ургу казачьи сотни должны, по соглашению моему с здешними властями, составлять строго консульский конвой. Нарушение такого соглашения могло бы привести к осложнениям и нежелательным нам последствиям по отношению Монголии»[72]. В Западной Монголии ситуация была еще сложнее, не без проблем произошла эвакуация русских торговцев, их лавки тут же разграбили, на границе произошло небольшое столкновение с казаками, но развертывания русско-китайского конфликта не произошло.

В Китае летом 1900 г. серьезно опасались, что развитие конфликта приведет к оккупации Халхи, об это говорилось в телеграмме Цзюньцзичу от 19 июля[73]. Улясутайский цзянцзюнь Лянь Шунь заявлял: «Мы не должны верить русским» и говорил о необходимости недопущения ввода новых русских войск[74]. 10 августа 1900 г. Ургинский амбань Фэн Шенъэ докладывал в Пекин: «Кулунь находится не далеко от русской границы, ходят слухи, что русские могут начать наступление на этом направлении. Мы должны тщательно готовиться к обороне и вести разведку... Хулуньбуир уже захвачен русскими Я опасаюсь, что русские войска перейдут границу и войдут на нашу территорию. Прошу выслать 1000 монгольских солдат для защиты границы»[75].

Ситуацию в монгольских кочевьях могли дестабилизировать беженцы из Маньчжурии. Остатки разбитой русскими войсками армии из Барги бежали в Дунмэн (Восточное знамя).

Вскоре, после разгрома Цинской армии, в монгольские степи было организовано отступление войск из всех 3-х провинций Маньчжурии. Хэйлунцзянский цзянцзюнь Шоу Шань, покончивший с собой после падения Цицикара, в завещании приказал своим соратникам Чен Дэцюаню и Са Бао увести остатки армии на запад. Тело самого Шоу Шаня жена увезла в монгольские кочевья, к себе на родину. Перед вступлением русских войск в Мукден из древней маньчжурской столицы в Монголию выехали с казной и императорскими святынями все руководство провинции. Шэньцзиньский фудутун Цзинь Чан докладывал в сентябре в Пекин, что округ Цзитунюй стал центром антирусского сопротивления.

После взятия иностранными войсками столицы руководство Китая пересмотрело свое отношение к происходящим событиям. Лянь Шуню императорским указом запрещалось «вступать в конфликт с русскими солдатами, пришедшими защищать торговцев», но предписывалось продолжать обучение войск «на всякий случай»[76]. В августе, после получения известия о том, что Двор покинул Пекин, Ургинский амбань доложил, что реальной угрозы наступления русских войск в Монголию нет. Войска в районе Кяхты, по данным разведки, не планировали наступления, а между Халхой и Мукденской провинцией лежала безводная пустыня, препятствующая передвижению войск. Амбань просил прощения, что не прибыл в Пекин раньше и просил разрешения сопровождать императора в его вынужденной поездке.

Не смотря на прекращение военных действий в Чжили, русское командование не исключала возможности возникновения конфликтов с Монголией. В сентябре Военное министерство обращало внимание Омского командования на развитие антирусских настроений в Кобдо. 2 сентября начальник Главного штаба запрашивал Омск: «Как готовитесь к возможным конфликтам на границе с Монголией»[77].

Присутствие казачьего отряда в Урге не осложняли российско-китайские отношения в регионе. Во многом это было связано с тем, что в российском отряде несли службу буряты, сохранившие родственные связи с китайскими монголами. В октябре 1900 г. русский отряд в Урге был усилен сотней казаков и двумя артиллерийскими орудиями.

Таким образом, все монгольские территории в большей или меньшей степени были втянуты в российско-китайское противостояние, цинская администрация везде провела мобилизационные мероприятия и пригласила войска из других провинций, но монгольское население вместе со своими лидерами, за исключением Хулуньбуэра и Цзитуньой, не поддержало антироссийских военных приготовлений. Власти Монголии готовились к обороне, но все единодушно признавали ее слабость и беззащитность в случае русского наступления. Пекин отводил важное значение Монголии в деле обороны страны от иностранной агрессии, но не выделил ни денег ни войск для укрепления этой территории, приказав изыскать резервы на месте. Война не коснулась почти всей территории, населенной монголами, отправка российского отряда в Ургу не была воспринята как акт вторжения или часть военной компании.

Редактор газеты «Восточное обозрение» записал: «В 1900 г. война шла около Пекина, на Амуре и в Маньчжурии, а в Кяхте продолжалась торговля и отношения между кяхтинцами и маймаченцами не оставляли желать лучшего. И кяхтинцы, и маймаченцы были уверены, что война до них не дойдет, и они продолжали свои торговые операции. И действительно, война до них не докатилась»[78]. Тем не менее, все монгольские территории в большей или меньшей степени были втянуты в российско-китайское противостояние. «Сибирская торговая газета» в августе 1900 г. отмечала: «Деятельное участие русских в прискорбных китайских событиях явно нарушила добрые соседские отношения туземцев с русскими в Маньчжурии и отчасти замутила их в Монголии»[79].

В конечном итоге, события 1900 г. в Монголии не имели серьезных последствий для развития русско-монгольских отношений.

Глава 4
Монголия в составе Цинской империи в период «Новой политики» и Синьхайской революции 1911—1912 гг.

С 1901 г., после поражения антиевропейского восстания в Цинской империи[80], руководство Цинского Китая начинает проводить так называемую «новую политику». С этого времени начинается новый этап истории Монголии. Данный рубеж российские исследователи отметили уже в начале XX в.: «Монголия до китайских беспорядков 1900 года представляла из себя полусамостоятельное государство, связанное с Китаем единством династии... Монголия не есть провинция Китая, а его вассальное автономное государство...»[81]. Подобная ситуация пришла в противоречие с наступившей эпохой наций-государств.

Необходимость новых реформ в Цинской империи вызывалась внутренними проблемами, незавершенностью предыдущих преобразований, а начались под прямым давлением иностранных держав, оккупировавших в 1900 г. Пекин. Возглавляла Китай и, соответственно, проводила в жизнь «новую политику» императрица Цыси. В январе 1901 г., находясь в «самоизгнании» в Сиани, от имени императора она издала эдикт о реформах. Всем высокопоставленным чиновникам было предложено решить, какие из законов, регламентирующих традиции династий, управление государством, ведение дел чиновниками, систему учебных заведений и экзаменов, военные дела и финансы, следует оставить, а какие — изменить. Другим лидером, стоявшим у власти и руководившим проведением реформ в стране, был князь Цин (И Куан), возглавивший в апреле 1901 г. Комитет по делам правления (Дубань чжэнъучу). Китайский «бюрократический клан»,

бывшую «империю» Ли Хунчжана, возглавил также сторонник либеральных реформ Юань Шикай, занимавший в начале XX в. должности генерал-губернатора столичной провинции Чжили.

В самом начале реформ была ликвидирована правовая обособленность всех монгол, которые, независимо от сословной принадлежности, были уравненным в правах и обязанностях между собой и по отношению к другим этническим группам Цинской империи. В 1902 г. было введено правовое равенство между различными этно-сословными группами, специальным указом отменялся закон, запрещавший браки между ними.

Победа имевшей конституцию Японии, в войне с абсолютистской Россией привела к тому, что различные политические силы Цинского Китая пришли к общему убеждению о преимуществах конституционного устройства. Комиссия по изучению государственного строя была преобразована в Комиссию конституционных реформ (Сяньчжэн бяньчагуань), осенью 1907 г. было издано четыре указа о «подготовке конституции» и объявлено о принятии конституции к 1916 г. В 1909 г. от имени только что поставленного на престол малолетнего императора было объявлено о созыве Совещательных конституционных комитетов, что-то вроде провинциальных предпарламентов. В этом же году началось формирование новых органов местного самоуправления на местах.

Монгольское население Цинской империи было крайне слабо вовлечено в процессы создания представительных органов власти. Например, в Суйюане (Гуйхуачэн) председателем местной Совещательной палаты стал хозяин торгового дома «Лунмао янхан» («Иностранная фирма «Лунмао»») Фан Сяогун, его заместителем — чиновник Чэн Синьчжи, членами — представи-

тели местного бизнеса и китайской интеллигенции[82]. Последними маньчжурскими «генерал-губернаторами» Южной Монголии были И Гу, Синь Цинь и Кунь Сю. Последним цинский знаменным областным начальником (фудутуном) в Суйюане (Гуйхуа) был маньчжур Линь Шоу.

Цинские власти в Монголии в целом полностью поддерживали проводимую Пекином политику. К началу XX в. высшие военно-административные должности во Внешней Монголии занимали: Улясутайский цзянцзюнь Лянь Шунь, Улясутайский цаньцзань дачэнь Куй Хуань, Кулуньский (Ургинский) баньши дачэнь Фэн Шенъэ (до 1903 г.) и Кобдинский цаньцзань дачэнь Жуй Сюнь (до 1904 г.). Цинский двор часто проводил ротацию высших маньчжурских чиновников в Монголии. Не стали исключением и последние годы существования империи. Улясутайского цзянцзюня Лянь Шуня к началу 1905 г. сменил Куй Шунь. Уже летом 1905 г. пост цзянцзюня почти на три года занял Ма Лян, а после него до 1911 г. сменилось еще два цзянцзюня. Последним генерал-губернатором Внешней Монголии был Куй Фан, сменивший в 1910 г. Кунь Сю, переведенного из «столицы» Внешней Монголии, в «столицу» Внутренней Монголии. Куй Фан, как и Кунь Сю, был маньчжуром, только принадлежал к желтому знамени, в отличие от принадлежавшего к белому знамени предшественника. Прежние цзянцзюни, Куй Шунь и Лян Шунь, были маньчжурами, принадлежавшими к синему с каймой знамени. Лишь Ма Лян был ханьцзюнем (знаменным китайцем), принадлежавшим к желтому знамени.

Последним Улясутайским цаньцзань дачэнем, с осени 1909 г., был маньчжур Жун Энь. В Урге же после двухлетней административной «чехарды» должность

Кулуньского баньши дачэня летом 1905 г. занял Янь Чжи (синее с каймой маньчжурское знамя), которого осенью 1909 г. сменил Сань До (белое монгольское знамя). Монгол Сань До прибыл с прежнего места службы в Суйюаньчэне в Ургу в начале 1910 г., это был высокообразованный монгол, но он не смог найти взаимопонимания с местной элитой, в первую очередь с духовенством. Исследователь С.Л. Кузьмин пишет: «Он происходил из хошуна Шулун-Цаган около г. Хух-Хото... Среди его предков были монголы, но он с детства получал китайское образование... Саньдо интересовался историей и археологией Монголии, писал китайские стихи, которые публиковались»[83].

В начале XX в. из состава Улясутайского цзянзюньства ушла одна территория. В 1904 г. Кобдоский амбань получил распоряжение от Улясутайского цзянцзюня выехать на Алтай и образовать там самостоятельный пограничный округ. Исследователи зафиксировали: «Алтайский Округ был в 1907 году (см. Указ от 7-го Января, в ответ на доклад Кобдоского Хэбэй-Амбаня Лянь Куй и его Помощника Си Хэн) выделен из Кобдоского, при чем в состав его вошли... 1) два Хошуна Новых Торгоутов, 2) один Хошун Новых Хошотов, 3) семь Хошунов Алтайских Урянхайцев, 4) Военно-Пахотные колонии у г. Булуньтохой и 5) часть Киргизов»[84]. Алтайский округ с центром в Шара-Сумэ был выведен из состава Внешней Монголии, власти Синьцзяна считали его составной частью провинции, но Пекин дал особый статус округу, хотя и предполагал его зависимость от Урумчи.

Из административных нововведений в начале XX в. можно отметить увеличение числа должностей. В частности, дополнительно к должности Кобдинского цаньцзань дачэнь добавилась должность Кобдинский

баньши дачэнь. К началу 1911 г. должности Кобдинских цаньцзань и баньши дачэней занимали Пу Жунь и Чжун Жуй[85].

Осенью 1910 г. правительство созвало в Пекине Национальную ассамблею (Верховную совещательную палату — Цзычжэнюань) — своеобразный предпарламент, в котором было представлено население не всех «внешних территорий». По проекту 1909 г. избирательные права представлялись лишь «населению во Внутренней Монголии в тех местах, где уже существуют уездные управления, ограничив цензом в виде обязательного умения изъясняться по-китайски и обладания известной стоимостью и имуществом»[86]. Тем не менее, в работе предпарламента в Пекине участвовали около дюжины представителей Внутренней и Внешней Монголии. Среди них были ургинский министр Пунцагцерен и князь Цецен-хановского аймака Дорчпалам.

В первые годы реформ были упразднены старые ведомства, а вместо них были созданы 10 министерств европейского образца. В 1906 г. вместо Биньбу (Военного министерства), было образовано Луцзюньбу (Министерство сухопутной армии), в 1907 г. был образован независимый от министерства Генеральный штаб. Все полевые войска вскоре были выведены из полного подчинения местным властям и подчинены напрямую Луцзюньбу, лишь местные войска, сюньфандун, остались в ведении губернаторов. Согласно программе военных реформ, к 1913 г. в Китае должно было быть создано 36 дивизий полевой армии (луцзюнь), вооруженных и обученных по западному образцу.

Большие планы и надежды были связаны с военным строительством в Монголии. В 1907 г. амбань Кобдо Си Хэ, в ответ на запрос из Пекина о средствах укрепления северных и западных границ империи, предложил

сформировать по одному полку монгольской конницы в Урге, Улясутае, Кобдо и Алтайском округе. Цзасак (князь) Харачинского хошуна предлагал обучить военному делу и вооружить винтовками хотя бы тысячу монголов. Сановник Чжан Цихуай в докладе правительству предлагал создать несколько дивизий из монголов, снабдив их современным оружием. В 1910 г. в Ургу прибыл полковник Тан Цзайли для проведения военной реформы и создания новых воинских частей. Однако в приграничных районах Синьцзяна и Монголии китайцам не удалось собрать значительные воинские силы, в Монголии, например, по русским данным весной 1911 г. гарнизон Кобдо насчитывал 160 человек, а Улясутая — 80 человек. В донесении разведчика Усинского Пограничного начальника из Улангома от 16 мая 1911 г. говорилось: «5 мая утром был на Борхугутайском карауле... Вооружение старое — копья и ружья — угодные в музей древностей»[87].

Офицер штаба Иркутского военного округа писал в 1911 г.: «Монгольский театр, включая в себе Кобдоскую область и Северную Монголию, или Халху, в пределах от Алтайского хребта на западе до Хингана на востоке, отделен от прочих районов Монголии и Вн. Китая пустыней Гоби... Китайских войск в пределах театра нет за исключением двух инов, расположенных в Урге. Контингенты, которые обязаны выставлять монгольские хошуны, не обучены и не имеют оружия... вместе с тем разработаны проекты формирования из монголов регулярных частей, преимущественно конных, пунктами расквартирования которых намечены Кобдо, Улясутай, Урга и Кэрулен. Для подготовки офицеров и инструкторов для монгольских войск при Пажеском корпусе в Пекине открыто отделение для сыновей монгольских князей; кроме того, при гвардейской дивизии сформирован монгольский

дивизион, из которого выйдут первые инструкторы будущих монгольских кавалерийских полков»[88].

В 1911 г. во Внешней Монголии военные реформы не дали видимых результатов. На это указывает донесение русского разведчика: «В Улясутае числится 500 ч. солдат, но на действительной службе состоит только 30 человек, и что это за солдаты, немолодые, тощие с бледными лицами они похожи скорее на только что выпущенных из тюрьмы арестантов, длинная китайская одежда, соломенная шляпа, сверху безрукавная куртка с нашитыми красными буквами — вероятно название части войск и бамбуковая тросточка в руках вот вся форма китайского солдата, говорят, что где-то в Шара Сумо солдат одевают и учат по Европейски но здесь еще нет ничего»[89].

В деле военного укрепления Внутренней Монголии цинские власти делали ставку на китайско-маньчжурские воинские части. Русский военный исследователь писал накануне Синьхайской революции, что во всех сеймах Восточной Монголии были размещены китайские отряды, например: «В Чжасатусском сейме расположены войска в количестве 8 инов пехоты и кавалерии под командой тунлина Хэн, штаб-квартира которого находится в г. Чаояне»[90]. В Маньчжурии военные преобразования проводись более последовательно и успешно, но «монгольская составляющая» там была незначительной[91]. Согласно сообщениям Российской дипломатической миссии в Пекине цинские власти к 1911 г. разработали программу введения всеобщей воинской повинности для всех монгол[92].

В конечной итоге, цинские военные реформы начала XX в. мало, что изменили в Монголии.

Лифаньюань, которое монголы традиционно называли Ih Jurgan[93], Императорским указом от 24 октября 1906 г. было преобразовано в Лифаньбу (Министерство

зависимых территорий или Министерство колоний). Исследователи отметили: «Особенностью Министерства Колоний, отличающею его от остальных Министерств, является: 1. Э-вай ши-лан — Сверхштатный Товарищ Министра, на каковую должность назначается обыкновенно один из Монгольских Князей»[94]. Министерство колоний во многом сохранило структуру своего предшественника: «Следующие 6 Департаментов, входившие в состав Палаты Внешних Сношений, оставлены без изменения и в Министерстве Колоний: 1) Ци-цзи-сы — Департамент Внутренней Монголии... 2) Дянь-шу-сы — Департамент Внешней Монголии и Чжунгарии; заведует делами Внешних Монголов. Чжунгарии, кукнора и Тибета; 3) Ван-хуй-сы — Департамент по Приему Владетелей Внутренней Монголии... 4) Жоу-юань-сы — Департамент по Приему Владетелей Внешней Монголии... 5) Ли-син-сы — Департамент Судебных Дел; заведует гражданскими и уголовными делами, возникающими во Внутренней и Внешней Монголии»[95]. В 1910 г. пост цинского министра колоний занимал Шоу Ци , его заместителем был Да Шоу. Летом 1911 г. министром колоний был назначен бывший министр внутренних дел князь Су.

Министерство колоний выработало программу развития своего ведомства: «Согласно проекту, выработанному Министерством Колоний и 21-го Декабря 1905 года Высочайше утвержденному, в названном Министерстве предположено учредить со временем два Департамента: 1) Чжи-чань-сы — Колонизационный, который будет заведовать: делами по колонизации Монголии, охране лесов... 2) Бянь-вэй-сы — Департамент Охраны Границ, который будет заведовать обучением войск из монгол и тибетцев, распространением просвещения, развитием торговли и проч.»[96]. В Министерстве колоний так же были созданы такие

структуры: «Инь-ку — Казначейство, которое производит выдачу кормовых денег приезжающим в Пекин монголам по делам службы... 4) Ла-ма Инь-ву-чу — Ламайское Управление. 5) Мын-гу-фан — Переводческое отделение для Монгольского Языка, которое занимается переводом на маньчжурский язык всякого рода бумаг, написанных на монгольском языке... Чжибянь сюэ-тан — Учебное Отделение Монгольского и Тибетского Языков...»[97].

Фактически, в результате реформ начала XX в. Монголия была оформлена в колонию Китайской Республики, ставшей национальным государством китайцев-хань. Российские синологи писали: «К числу колониальных владений Китая, управляемых на совершенно особых основаниях, чем 19 провинций и Маньчжурия, относятся: 1) Мын-гу — Монголия, 2) Цин-хай — кукунор и 3) Си-цзан — Тибет... Мын-гу»[98]. При этом от Лифаньбу поступило на имя императора предложение: «преобразовать шесть аймаков Внутренней Монголии и Чахар, Барун Тумед и Алашань... в две восточную и западную провинции... китайцев и монголов объединить под одной администрацией...»[99].

В обязанности Лифаньбу входили не только управление, но разработка дальнейших реформ в Монголии. Из этого министерства были разосланы монгольским князьям письма с просьбой высказать свое мнение относительно реформ. Маньчжурский князь (цинван) Сун прибыл в 1906 г. в Монголию, и после ознакомления с общей ситуацией составил программу освоения Монголии из 8 пунктов. Вскоре Сун-циньван разослал опросник из 14 пунктов, с требованием как можно быстрее его заполнить и вернуть. Собранные данные позволили составить обобщающее исследование Монголии, вылившееся в шестисотстраничную публикацию. На основе данного исследования были составлены

новые программы китайского освоения Монгольских земель. Монгольские исследователи утверждают, что «согласно плану 1906 г. Тибет, Халунь Гол и Цахар во Внутренней Монголии, и Улясутай, Кобдо Алтай во Внешней Монголии были преобразованы в провинции, с оформлением провинциальных административных структур»[100].

С 1905 г. началась реформа территориально-административной системы в Маньчжурии. Уже на следующий год военно-административная система в Маньчжурии была упразднена, в трех провинциях была введена общая для Китая система гражданской власти, во главе провинций стали сюньфу — китайские гражданские губернаторы. Однако в Хулуньбуире не было введено гражданское китайское управление, а было оставлено военное управление. В этом монгольском районе был учрежден специальный округ-даотайство, во главе которого на некоторое время для управления знаменными сохранилась должность фудутуна.

Строители нового китайского национального государства проводили политику стимулирования роста численности населения в стране. Националисты требовали запретить вывоз из Китая рабочих, агитировали за возвращение на родину эмигрантов. Эта политика коснулась и пограничного монгольского населения. В апреле 1910 г. в Пекинской газете (Бэйцзин жибао) сообщалось: «Министр иностранных дел отвечает Российскому посланнику, что отныне в делах пограничных между Китаем и Россией будут применяться ныне опубликованные законы о подданстве, так как до сего времени монголы, жившие на границе и занимавшиеся торговлей с русскими, часто, когда это им было выгодно, меняли подданство...»[101].

Накануне Синьхайской революции Пекин начал демонстрировать политику вовлечения населения Мон-

голии в «общенациональное строительство». В собранных Пекинской дипломатической миссией «Материалах к деятельности Министерства Колоний и Комитета колонизационного дела» приводились следующие факты: принятие программы введения в Монголии всеобщей воинской повинности; увеличение штата полиции в Улясутае на 50%; «На полицию возложена обязанность поощрять распашку земель и образование обществ торговых и самоуправления»; открытие в Улясутае учительской семинарии, в котором обучалось 40 человек; «на совещании у председателя Совета министров было решено ввести общеимперский порядок управления в Кобдо, Урге и Синине»[102].

В начале XX в. многие монгольские земли подверглись китайской (ханьской) земледельческой и торгово-ростовщической колонизации. Китайская экспансия в Монголию шла с юга на север, соответственно, наиболее заметным было китайское присутствие в землях южных монголов. Российские исследователи писали в начале XX в.: «За последние годы Китайское Правительство обратило серьезное внимание на колонизацию, которая ныне производится им: по всей северной границе провинции Шань-си, Чжи-ли, Шэнь-си, Гань-су; в Маньчжурии; во Внутренней Монголии (особенно в Чжэримском Сейме); около Синина (на границе с Кукнором)... В провинции Шань-си (кочевья Куку-хото'ских Туметов) колонизация началась примерно с 1902 года... Затем колонизация проникла в пр. Чжи-ли, где было основано: Ча-ха-эрр Цзо-и Кэнь-ву Чжан-цзя-коу Цзунь-цзюй — Главное Колонизационное Управление Чахарского Левого Крыла в гор. Калгане...»[103]. Офицер штаба Иркутского военного округа в 1911 г. сообщал: «С юга со стороны Калгана китайские поселения поднялись на Монгольское нагорье, продвинулись верст на полтораста вдоль

дороги Калган-Урга (до ст. Цициртай) и дальше не идут за отсутствием мест, годных для земледельческой культуры»[104].

Вообще, первой под влияние китайской материальной и духовной культуры попадала монгольская элита, но эти процессы были неоднозначными и противоречивыми. Русский военный исследователь В.Ф. Новицкий писал: «мы шли опять по чахарским землям... По пути мы посетили ставку начальника хошуна Хуботуцаган и провели здесь два дня... Хошунное управление и здесь, как и в хошуне Гули-хуху расположено в великолепном китайском импане, состоящем из прочных кирпичных фанз, большая часть которых совершенно пустует, потому что начальник хошуна с семьей и челядью предпочитает жить круглый год в юртах» [105].

С 1901 г. китайские власти стали проводить новую колонизационную политику в приграничных районах Внешнего Китая, и в первую очередь в Барге, которая получила официальное название «меры по укреплению границы». В декабре 1901 г. исполнявший обязанности Хэйлунцзянского цзянцзюня Са Бао подал доклад о необходимости заселения китайцами района железной дороги до Хайлара. Этот проект был утвержден императором весной 1902 г. и Хэйлунцзянский цзянцзюнь разослал по всем провинциям Китая объявления с приглашением переселенцев. Мукденскому чиновнику Чжоу Мяню удалось договориться с монгольскими князьями об уступки земель кочевников для китайских крестьян-переселенцев.

В начале XX в. имели место попытки со стороны России поддержать монголов Хулуньбуира в противодействии китайской колонизации. Примером тому является «Доклад о мерах воспрепятствования китайской колонизации вдоль линии ж.д. и отношение к ней монголов» [106] русского военного комиссара Цицикарской

провинции от 22 октября 1902 г. Вообще, вопрос о поддержке монгольских князей против китайской колонизации был сложным и запутанным, в докладе дипломатического чиновника в Маньчжурии Г.А. Плансона от 2 октября 1903 г. отмечалось, что противодействовать заселению китайцами Харчинского княжества путем выдачи монголам ссуды «быть может не лишено смысла, но... сколько бы миллионов Россия не затратила на ссуды монголам, упомянутого движения остановить не удастся»[107]. В конечном итоге, русским не удалось создать серьезных препятствий для китайской колонизации восточно-монгольских земель.

Уже в начале XX в. значительным было китайское присутствие и в Северной Монголии. Полковник В.Ф. Новицкий, исследовавший северные районы Халхи, писал о китайском земледелии: «Порядок пользования землей в Монголии определяется китайским Уложением 1845 года... Уложение, разнообразными и стеснительными узаконениями, всячески затрудняет приобретение чужестранцами земельных участков в Монголии, а также арендование таковых... несмотря на это, земледелие, преимущественно китайское, постепенно разрастается в Кентейских горах и в настоящее время во многих местах по течению рр. Иро, Баингола и Хаара-гола можно встретить китайские хутора, окруженные обширнейшими пастбищами. Эти китайские земледельцы, это — те колонисты, которые получили здесь земельные участки до 1845 года и за которыми их права на землю были закреплены упомянутым Уложением, но с тем, чтобы площадь этих земледельческих колоний не увеличивалась. Однако вследствие сильно развитого в Китае взяточничества, а также неудержимого стремления китайцев к земле, площадь китайских пашен постепенно расширяется»[108].

В самые отдаленные от Пекина районы Монголии китайская экспансия продвигалась отчасти посредством «военных поселений». Например, еще в конце XIX в. зеленознаменные солдаты, в число которых набирались проживавшие во внутренних районах Китая вольнонаемные ханьцы, были отправлены в Кобдо для занятия земледелием. Способствовало китайской колонизации монгольских земель и русское освоение приграничных районов Цинской империи. Тысячи рабочих были завезены в Баргу с началом строительства КВЖД. В меньших масштабах то же происходило и в Халхе. Военный исследователь В.Ф. Новицкий писал: «при впадении в р. Иро ручья Борал находятся золотые прииска, разрабатываемые русским акционерным обществом «Монголор». Прииска привлекают к себе значительное количество пришлого люда, как русского, так и китайского... русские и китайские рабочие живут совершенно обособленно, причем китайцы составляют и более трудолюбивый, и более постоянный элемент приискового населения»[109].

Большие китайские поселения в начале XX в. имелись при ставках князей и ханов, а также рядом с монастырями в Северной Монголии. Полковник В.Ф. Новицкий, посетивший ставку Цецен-хана в начале XX в., написал: «Несколько в стороне от хошунного управления имеется большой китайский квартал, составляющей торговую часть этого своеобразного степного города»[110]. Активно китайские мастеровые привлекались к строительству монастырей в разных районах Монголии. Разведчик Усинского пограничного начальника в начале 1911 г. писал: «Перехожу к описанию жизни в Уланкоме. На степи, на правой стороне, по течению небольшой речушки раскинулась «хуря», и около нее китайские постройки, еще далее русские. В правильном четырехугольнике, обнесенном глиняной стеной до

трех аршин высотой и с воротами на все четыре стороны, разбиты маленькие келейки монахов лам. В самом центре «хуре» — «Дуган» /кумирня/, по бокам кумирни возводятся в настоящее время китайскими мастерами две кумирни из кирпича... Мастера приглашены еще в прошлом году найоном хошуна Ван из Пекина»[111].

Картина китайского присутствия в Цинской столице Внешней Монголии накануне Синьхайской революции дана в донесении разведчика Усинского пограничного начальника «Поездка в Улясутай» в августе 1911 г. В документе говорилось: «Улясутай стоит среди больших гор... дома в городе китайские фанзы-мазанки, с бумажными окнами и потолками, ограда — частокол из лиственничного не толстого леса, улица узкая, торговцев около 50 фирм, из [которых] 10 крупные, остальные мелкие, около 20 мастерских, скорняки, портные, шубники, серебряники, кузнецы и столяры. Китайцы ведут крупную торговлю — большие запасы чая, черного и зеленого, талембы, табаку и проч. монголо-саетских товаров — указывают это, русских торговцев в Улясутае немного... торбаганьи шкурки в Россию идут, остальное шкурье в Китай, в настоящее время я видел у торговцев китайцев лисиц около 6 тысяч штук, но это говорят остатки, на самом деле их бывает много больше... из Китая идет чай, табак, талимба, мука пшеничная, рис, шелковые ткани, ханшин... Китайских товаров продается в Улясутае на несколько миллионов рублей, а русских едва ли и на один миллион... На запад от города, невдалеке от него видны поля и огороды, сеют овес, из овощей же капусту, земледелие развито очень слабо, да кажется и нельзя его развить — нет удобных мест для посева и кроме овса и ячменя едва ли какой хлеб дозреет — убьют ранние морозы»[112].

В работе офицер штаба Иркутского военного округа в 1911 г. было зафиксировано: «В окрестностях Урги имеется пока только несколько мелких поселков, основанных китайцами-рабочими на золотых приисках... В конце минувшего 1910 года состоялся Высочайший указ, которым отменяется старый закон, воспрещавший китайцам селиться в пределах Сев. Монголии, и таким образом последняя отныне открыта для китайской колонизации; приняты меры для сближения китайцев с монголами»[113].

Китайская колонизация монгольских земель усилилась после окончания Русско-японской войны. Эти процессы стимулировались и направлялись властями Цинской империи. В обобщающей работе по истории Монголии утверждается: «В первом десятилетии XX в. цинское правительство, поддерживая колонизаторские устремления китайских ростовщиков... провело ряд экстренных мер по завершению полной колонизации Внешней Монголии. Особое бюро по переселенческим делам Монголии, учрежденное в 1906 г. в Пекине, провело в 1909 г. перепись населения, скота и земель Внешней Монголии, учло пахотные земли, наметило «план колонизации» и составило проект соглашения с монгольскими князьями. Соглашение и план подписали хошунные дзасаки Внешней Монголии: Зоригту-хан, Ноинт-вани др., специально вызванные для этого в Пекин. По соглашению, подписанному ими, в се земли, пригодные для земледелия, отчуждались в фонд цинского правительства, с условием уплаты 50% стоимости земли хошунным дзасакам. После утверждения «плана колонизации» торгово-ростовщические фирмы захватывали земли за долги, использовали их под пашни, огороды и пастбища...»[114]. Исследователь С.Л. Кузьмин продолжает: «Выполняя эти

решения, Саньдо учредил в Их-хурэ Бюро по колонизации халхаских земель китайцами»[115].

Таким образом, основным направлением «Новой политики» в Китае стало создание нового национального государства, формирование в империи новой нации буржуазного типа. Основу этой нации должны были составить китайцы-ханьцы, что создавало потенциальную угрозу для сохранения монгольского этноса. Кроме того, буржуазные реформы и меры по укреплению государства ухудшали социально-экономическое положение монгольского населения Цинской империи.

Китайская экспансия в Монголии в условиях общего кризиса Цинской империи вела к росту монголо-китайских противоречий и конфликтов. В популярной российской литературе монголо-китайским отношениям в начале XX в. давалась такая характеристика. «Автономные права монгольских князей из года в год урезывались правительством Поднебесной империи; традиционные обычаи их, иной раз, попирались всевластными китайскими амбанями, налоги увеличивались, частная задолженность монгол перед китайскими купцами росла как гидра, пожирающая своими дикими процентами жизненные соки страны»[116].

Действительно, различные слои монгольского населения попали в экономическую зависимость от китайского торгово-ростовщического капитала. Систему так называемого «Китайского хошунного кредита» в начале XX в. описал британский ученый М.Ф. Прайс[117], показав всему миру механизмы закабаления монгольской элиты и простых аратов. Советские исследователи 1920-х гг. в характерной для эпохи манере писали: «Необычайная прибыльность торговли в долг побуждала китайцев стремиться всячески расширять свои кредитные операции. Лесть, обман, опаивание водкой, когда опьяневшим покупателям-монголам всучивалось

большое количество совершенно ненужных им товаров, мелкое жульничество в виде обмеривания, обвешивания... все это было постоянным спутником китайской торговли в Монголии.... Наряду с торговлей почти все китайские фирмы в Монголии занимались отдачей денег в рост, а две из них Да-Шен-Ку и Тянь-И-Де, специализировавшиеся на ростовщичестве, сделались богатейшими банкирскими конторами... К 1911 году во Внешней Монголии только несколько хошунов не были в долгу к Да-Шен-Ку или Тянь-И-Де... Да-Шен-Ку ежегодно получала в виде процентов по долгам и выгоняла в Китай до 70000 лошадей и 500000 баранов. В среднем каждый хошун имел задолженность в 100000 лан. Задолженность отдельных хошунов достигала 400000 лан, что составляет более 540 лан на одно хозяйство. Общая задолженность хошунов Внешней Монголии Китаю составляла около 11000000 лан или 15000000 довоенных рублей»[118].

К концу первого десятилетия XX в. российские исследователи отметили: «По-видимому, Южной Монголии суждено постепенно превратиться в обыкновенную китайскую провинцию с общеимперским управлением. Уже теперь три восточных Сейма почти целиком вошли в состав провинций Чжилийской (Сеймы Чжосотуский и часть Чжу-удаского)... Колонизация китайскими поселенцами земель, входящих в состав названных Сеймов, идет вперед быстрыми шагами, и китайцы захватывают все большую и большую власть над бывшими прежде почти самостоятельными монгольскими Князьями и их подданными. В пунктах, куда уже успело проникнуть китайское влияние, но не произошло еще присоединения к одной из ближайших провинций, прежде всего учреждается должность Тун-пань, который не только берет в свои руки заведывание судом и сборами податей с населения Княже-

ства, но даже получает право ревизии делопроизводства в канцелярии Правителя Княжества»[119].

Накануне Синьхайской революции цинские чиновники не изменили своего отношения к монголам даже в Халхе. Разведчик Усинского пограничного начальника писал в 1911 г.: «Приехавший новый Губернатор строгий, сердитый, к русским относится внимательно, особенно при взыскании долгов русскими с монголов, не хочет ли он этим восстановить монгол против русских... Отношение Дзянь Дзюня к Монголам и Саетским Нойонам такое как к своим лакеям, Нойоны перед ним не имеют права стоять на ногах или сидеть, а должны стоять на коленях. На этих днях новый Дзянь Дзюнь едет проверять караулы от Кобдо до караула Чичаргана на Ирсыне, на каждом карауле ему должны платить 765 лан серебра /дать содержание ему и его свите — около 100 человек, дать лошадей 400 на каждом станке...»[120].

Антикитайские настроения части монгольской элиты южных монгольских земель были вызваны самыми разными обстоятельствами. Показательный случай приведен в письме российского посланника в Пекине И.Я. Коростовца к А.Н. Селиванову. В документе, в частности, говорилось: «... проживающий в Кяхте Харацинванский мейрень Ву Юй-ту, он же Хайсан, один из бывших советников Харациньского князя Гонбо-Дорчжи. В 1901 году во время волнений секты цзиндань-хуй, вспыхнувших в сопредельных с Китаем землях юго-восточной Монголии, Ву Юй-ту стоял на стороне китайских правительственных войск... В 1900 году... Ву Юй-ту снова самым энергичным образом выступил против боксеров... Боксерские главари... подкупили всю канцелярию Жэ-хэского Дутуна и придали делу совершенно иной оборот: теперь Ву Юй-ту стал обвиняемый киатйскими властями в превышении

власти... Ву Юй-ту, хлопотавший много в Пекине через бывшего Министра Колоний Князя первой стпепени Су, при поддержке Императорской Миссии бежал в Харбин... Князь Су и сам Харацинван отнеслись к Ву Юй-ту безучастно... почти одновременно с Ву Юй-ту уехал в Харбин и дугой чиновник Харацинванского хошуна Алмаз-очир, не сочувствовавший Князю в его японофильстве. Лишенный возможности вернуться в свои кочевья, Хайсан сделался крайним русофилом и вместе с Алмаз-очиром проповедовал союз Монголии с Россией. Стараясь агитировать в этом смысле среди монголов. Результатов эта агитация до сих пор никаких не дала... Факт сближения Хайсана с русскими, конечно же, не прошел незамеченным для китайцев, которые стали ныне с большим вниманием следить за своими пограничными вассалами. Сам Харцинван подпал совершенно под влияние Пекина, оставлен здесь и получил придворную должность, а делами хошуна управляет жена Князя сестра упомянутого выше Князя первой степени Су, ныне Министра Внутренних Дел»[121].

Описываю восточную часть Внутренней Монголии русский военный исследователь в 1911 г. написал: «наружное спокойствие монголов и их терпение, с которым они переносят открытый захват у них земель китайцами — обманчивы. Среди низших классов монгольского населения идет скрытое медленное, но упорное брожение. Выражающее крайнее недовольство населения, как против политики Китая, так и против слабости своих князей и чиновников. Это брожение идет упорно, оно не находило пока поддержки у властей, но пропагандируется осторожно ламами. Отдельно от этого брожения идет таковое же среди князей, их соправителей, чиновников и лам высших классов»[122]. О ситуации в Хулуньбуире пишет исследователь А.П. Тарасов: «Административный гнет в Барге

со стороны китайских властей и войск, появившихся здесь для охраны китайских купцов и колонистов, стал причиной осложнения китайско-монгольских отношений»[123].

Араты активно защищали свои интересы в Халхе, в обобщающей работе по истории Монголии приводится такой пример: «Когда в хошуне Батор-вана Тушэтуханского аймака хошунным князем была передана одной китайской фирме хошунная земля, возмущенные араты подали коллективную жалобу в аймачное управление, а затем, не добившись толку, изгнали представителей этой фирмы из своего хошуна»[124]. О тех же явлениях на западе Монголии докладывал разведчик Усинского пограничного начальника: «Дурбеты все и чиновники и ламы и простой народ восстановлены против китайцев... Чи Ван ездил в Пекин с жалобой на китайских торговцев. Китайские торговцы своей бесцеремонностью обращения, своими дикими процентами, прямо дневными грабежами — поселили ненависть в сердцах дурбетов. Просьба Чи Вана уважена. Из Улясутая прибыл «Цурган»... На моих глазах были разрушены две китайские фирмы, сами же китайцы, по настоянию «Цургана» и торговцы должны возвратиться на родину. По последним слухам это выселение китайцев угрожает Чи Вану неприятностью. Китайцы вышли на стачку между собой и «Цурганом» предъявляют свои долги к хошуну, просят уплатить за постройки и остатки товаров»[125].

Еще до начала революции 1911 г. в Монголии были отмечены случаи вооруженных столкновений между монголами и Цинской армией. Дальневосточный историк С.И. Мшанецкий пишет: «Первым независимым национальным формированием Внешней Монголии можно считать возникший в годы русско-японской войны партизанский отряд Тогтохо-Тайджи,

действовавший на территории Цэцэн-Ханского аймака и нанесший несколько поражений китайским воинским подразделениям. В конце 1906 г. маньчжурские власти вынуждены были предпринять против повстанцев крупную карательную акцию, в ходе которой отряд Тогтохо-Тайджи рассеялся. Тем не менее, антикитайские выступления продолжались, и зимой 1910 г. в Урге произошло столкновение между аратами и отрядами маньчжурских солдат»[126]. В 1920-х гг. русские исследователи писали: «Еще с осени 1910 года царская Россия стала принимать подготовительные меры к оккупации Внешней Монголии. Когда Баир-Токтохо — дворянин монгол из Барги, поднявший партизанскую борьбу против китайцев, перешел русскую границу, для его отряда было отведено 2 тысячи десятин земли около Нерчинска, откуда он делал частые набеги в Монголию, убивал и грабил китайцев, и вел пропаганду за отделение от Китая»[127].

В популярной российской литературе так охарактеризовали монголо-китайские отношения накануне Революции 1911 г.: «Внутренние неурядицы в Китае с 1910 г. принудили правительство Поднебесной империи отодвинуть защиту своих интересов в Монголии на последний план. Китайская администрация в Монголии... стали неаккуратно получать из Пекина деньги, и в свою очередь принуждены были затягивать уплату жалования охране, вызывая тем среди солдат неудовольствие; дабы смягчить своих подчиненных, им разрешалось амбанями на свое содержание изыскивать средства среди мирных монгол, что они и делали насильственным путем, не стесняясь самыми жестокими средствами»[128].

Таким образом, к 1911 г. не только созрели предпосылки к началу борьбы монгол за независимость, но монгольская элита осознала и возглавила движение за независимость. Летом 1911 г. по инициативе Саин-

нойон-хана Намнан-Суруна и под председательством Богдо-гэгэна Джебцзун-дамба-хутухты в Урге прошло тайное совещание князей, принявшее решение об отделении Монголии от Китая. Для поддержки этого решения в Петербург была тайно направлена делегация во главе с князем Ханда-Доржи и даламой Цэрэн-Чимод. Однако летом 1911 г. Монголия еще не в состоянии была начать борьбу за независимость Решительные действия амбаня Сань До остановили выход Халхи из состава Цинской империи, однако военная демонстрация со стороны России предупредила возможные репрессии в отношении «сепаратистов».

Конституционные реформы в Цинской империи не смогли остановить развитие кризиса. Радикальные политические силы требовали скорейшего принятия конституции, не ожидая завершения переходного периода. В конце 1910 г. императорским указом срок подготовки созыва парламента сокращался, но объявлялся окончательным — 1913 г., а не 1911 г., как того требовали радикалы. В регионах, несмотря на запрет, продолжилась кампания давления на центральную власть, выражавшаяся в подаче петиций правительству. Показательно, что наиболее активно в поддержку идеи продолжения петиционной компании выступили общественные организации Маньчжурии.

В конце 1908 г. умерли император Гуансюй и старая императрица Цыси. Формально во главе Китая встал двухлетний император Сюаньтун (Пу И) и его отец, князь-регент Чунь (Цзай Ли). С князем Чунем конституционалисты связывали свои планы ускорения реформ, и действительно, Цзай Ли немедленно сместил генерал-губернатора Шэньси-Ганьсу Шэн Юня, подавший доклад трону с осуждением конституционных преобразований. Отстранение всесильного генерала Юань Шикая так же объяснялось тем, что он препятствует

проведению в жизнь конституционных реформ. Но реальная власть осталась у слывшего консерватором князя Цина, правительство было сформировано в основном из маньчжур. В 1910 г. резко ухудшилось экономическое положение в стране. Поиски дополнительных средств на реформы, в первую очередь на создание новой армии, привели к росту налогов и сборов. Центральные районы Внутреннего Китая пострадали от сильнейшего стихийного бедствия. Окончательный взрыв народного недовольства был спровоцирован национализацией в 1911 г. железных дорог и соглашением о займе с иностранным банковским консорциума.

Началом Синьхайской революции стало Уханьское восстание 10 октября 1911 г., спровоцированное взрывом в русской концессии в Ханькоу. Вскоре революционеры провинции Хубэй провозгласили Китайскую Республику и сформировали военное правительство. Всего в течение октября-ноября 1911 г. 14 провинций объявили о своей независимости от Пекина. Что касается севера, 29 октября 1911 г. две дивизии «Новой армии», размещавшиеся на границе монгольских кочевий в Шицзячжуане, вышли из повиновения маньчжурам, генералы У Лучжэнь и Чжан Шаоцзэн потребовали прекращения боевых действий против восставших в долине Янцзы и введения конституции.

1 ноября 1911 г. в Пекине был распущен кабинет министров во главе с князем Цином, новое правительство было предложено сформировать Юань Шикаю. После кратковременной и во многом успешной для Пекина гражданской войны представители южных провинций предложили Юань Шикаю пост президента страны. 26 ноября 1911 г. регент при малолетнем императоре принес присягу на верность конституции. 29 декабря 1911 г. делегаты 17 провинций

(при одном голосе против), собравшись в Нанкине, избрали временным президентом республики Сунь Ятсена. 1 января 1912 г. временный президент прибыл в Нанкин и приступил к исполнению своих обязанностей.

Южно-монгольские княжества не поддержали революционеров и остались верны Пекину. Цзянцзюнь Суйюаня сохранил контроль над армией, отмобилизовал и привел в полную готовность военные силы. Кунь Сю дал распоряжение командиру 1-го (маньчжурского) батальона Лу Чуньсю, организовать оборону Нового города, командирам 2-го (монгольского) батальон Фа И и Фу Тану было предписано готовиться к боевым действиям. Вновь были приглашены на службу отстраненные раннее от должностей выходцы из старого офицерства. Цзянцзюнь Кунь Сю совместно с тунчжи Фань Эньцином использовал случай с поджогом мечети как повод для привлечения на свою сторону мусульман, была учреждено «мусульманское миньтуань» (народное ополчение). В разгар Синьхайской революции Суйюаньскому цзянцзюню, опиравшемуся на союз консервативных сил китайского общества и национальных групп, включая монголов, удалось сохранить на вверенной ему территории порядок и спокойствие.

Монгольское общество Суйюаня не было едино. Среди монгольских военных не было сторонников революционной партии Тунмэнхуй, а войска монгольского сомона Тумэт (Тумэд) вместе с маньчжурами остались верны старой власти. Но часть учащейся монгольской молодежи города Салаци вступили в Баотоу в революционную армию Янь Сишаня. Современные исследователи отмечают: «именно монгольские части были брошены на восточное направление на борьбу с приближающейся армией Янь Сишаня. На борьбу с революцией их благословлял буддийский лама, каждому

солдату вешал на шею красный шнурок для кос. Командиры и бойцы считали, что это их оберег, который оградит их от смерти и ранений, преисполненные веры в победу они шли в бой»[129]. В феврале 1912 г. наступавшие на резиденцию цзянцзюня силы революционной армии были остановлены 2-м монгольским батальоном. Революционным войскам во время гражданской войны в конце 1911 — начале 1912 гг. так и не удалось свергнуть власть Суйюаньского цзянцзюня. Монгольские войска во время Синьхайской революции в данном районе действовали совместно с маньчжурами, мусульманами и войсками Юань Шикая, и, более того, сыграли решающую роль в победе над революционной армией Янь Сишаня.

Говоря об успешной обороне Суйюаня монголами совместно с маньчжурами и мусульманами от китайских революционеров-националистов, можно отметить, что в округе Или местному цзянцзюню не удалось сохранить власть, цзянцзюнь Чжи Жуй в январе 1912 г. погиб в боях с восставшими мусульманами. Но при этом сторонники Синьхайской революции в Или выбрали главой революционного правительства (дуду) бывшего цзянцзюня монгола Гуан Фу. В Хулуньбуире же, как и в Суйюане, местная власть не допустила победы сторонников республики.

В противовес ханьским националистам и с целью самозащиты от революционного террора представители маньчжурской и монгольской элиты создали в Китае свою политическую партию Цзуншэдан (Партия предков). В числе основателей партии был цинский наместник в Сиане монгол Шэн Юнь. Эта Партия предков была против отречения цинского императора и провозглашения республики. 26 января руководитель маньчжуро-монгольской партии Цзуншэдан Лян Би был убит в Пекине. На следующий день командование

Бэйянской (Северной) армии направило на имя императора требование отречься от престола за подписью 42 генералов. Организатором этого демарша был Юань Шикай, а телеграмму направил Дуань Цижуй, наиболее сильный и авторитетный генерал цинской армии.

12 февраля 1912 г. монархия была упразднена, Юань Шикаю от имени отрекающегося от престола императора было предписано сформировать республиканское правительство. 15 февраля Национальное собрание избрало президентом Китая Юань Шикая, который 10 марта по телеграфу принес присягу Нанкинскому национальному собранию. В этот же день Национальное собрание в Нанкине приняло Временную конституцию Китайской Республики, закреплявшую основные буржуазные права и свободы. В мае 1913 г. Китайская Республика была официально признана США, а в октябре 1913 г. республику признали Россия, Япония, Германия, Англия и Франция.

После победы Синьхайской революции в Китае была объявлена «Республика пяти национальностей». Символом единства стал пятицветный государственный флаг. Каждая полоса соответствовала одной из национальностей: красная — ханьцы, желтая — маньчжуры, синяя — монголы и т.д. Поскольку все национальности считались равноправными, то термин «зависимые территории» (фаньшу) упразднялся, а Лифаньбу было преобразовано в Бюро по делам Монголии и Тибета (Мэн-Цзан шиуцзюй), с прямым подчинением сначала министру внутренних дел, а затем — премьер-министру. Просуществовав три года, Мэн-Цзан шиуцзюй было преобразовано в Управление по делам Монголии и Тибета (Мэн-Цзан юань) и перешло в прямое подчинение президенту. Управление возглавлялось председателем, должность которого замещалось монголом. Равноправие народов Китая было закреплено

законодательно, однако в программных документах политических партий, таких как Гоминьдан, говорилось о слиянии всех национальностей в одну на основе ханьской культуры. В конституции 1912 г. провозглашалось равноправие «всего народа Китайской республики без различия расы, сословий и религии».

Власти Китайской республики попытались ликвидировать и традиционное национально-территориальное деление. Если в конституции 1912 г. еще говорилось, что территорию Республики составляли «22 провинции, Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет и Цинхай», то в конституции 1913 г. определялось лишь, что «территория Китайской республики наследует все границы бывшей империи».

Синьхайская революция привела к ликвидации не только правовой базы, но и физической возможности осуществления власти Китая над частью Монголии. Монгольское население Цинской империи, за редким исключение, не участвовало и не поддержало Синьхайской революции в Китае. Более того, параллельно с развитием китайской национальной (ханьской) революции в Китае, в Монголии произошла монгольская национальная революция, приведшая к изменению государственного устройства и провозглашению независимости Монголии от Китая.

Власть Пекина над Монголией была упразднена, а представители бывшей администрации вместе со своими гарнизонами без сопротивления покинули все города Халхи. После состоявшегося 18 ноября 1911 г. совещания князей и лам Монголии, провозгласивших создание независимого государства, Ургинскому амбаню Сань До было предложено покинуть Монголию, что и было сделано через три дня. 15 декабря 1911 г. без сопротивления покинул свою резиденцию и Улясутайский цзянцзюнь со своим окружением. 1 декабря

1911 г. в Урге было обнародовано воззвание князей и лам четырех халхаских аймаков к монголам о создании самостоятельного государства. В воззвании говорилось: «Мы, монголы, искони составляли особую народность. Теперь, согласно древним порядкам, надлежит установить свое национальное, независимое от других, новое государство. Отныне мы, монголы, перестали подчиняться маньчжурским и китайским чиновникам, они немедленно лишаются власти и должны вернуться на свою родину». Богдо-гэген Джембцзун-дамба-хутухта VIII был провозглашен ханом Халхи и Дюрбэтии.

Пекин в декабре 1911 г. попытался договориться с восставшими монголами. В работе исследователя Е.А. Белова отмечается: «план этот сводился к тому, чтобы послать китайского сановника, бывшего цзянцзюня в Улясутае Куй Фана и находящегося в Пекине монгольского князя Цзасан Доржи-паламу в Ургу для переговоров»[130]. Исследователь С.Л. Кузьмин отмечает: «Зимой 1911 г. пекинские власти послали в Северо-Западную Монголию Дамби-Джанцана (Джа-ламу), а в Восточную — Егоцзур-хутухту (Югоцзур-хутухту) Дж. Галсандаши (монашеское имя — Агван-Лувсан-Данзан) Им поручалось уговорить монголов не отделяться от Китая. Но оба поддержали борьбу монголов за независимость. Егоцзур-хутухта боролся с китайцами в Восточной Монголии... скрывал повстанцев в своем монастыре... Монастырь Егоцзур-хутухты находился близ южной границы Халхи с Внутренней Монголии»[131].

В 1912 г. в Халхе окончательно оформилась теократическая монархия во главе с богдо-гэгэном Джембцзун-дамба-хутухтой. Правительство Внешней Монголии возглавил Саин-нойон-хан, воспитанный при Цинском дворе. Одним из самых влиятельных политических деятелей был министр иностранных дел Ханда-цин-ван. В Урге был собран монгольский

парламент, состоявший из 3-х палат, первая сессия которого состоялась в апреле 1914 г. Монгольский парламент был законосовещательным органом, палаты его собирались и распускались по велению богдо-гэгэна. Ургинский хутухта также формировал и распускал правительство Монголии. Вся полнота власти на местах осталась в руках владетельных князей — хошунных цзасаков. Место цинских амбаней в Улясутае и Кобдо заняли наместники богдо-гэгэна (сайты).

Вскоре на всей территории Улясутайского цзянцзюньства цинская власть была ликвидирована. В Халхе прежняя администрация уступила власть без сопротивления, а в западной части Внешней Монголии цинские силы были разбиты. В Кобдо позиции Пекина были более прочными, чем в Халхе, и китайская власть там была свергнута вооруженным путем. Цинская администрация Западной Монголии надеялась на помощь из соседнего Синьцзяна, да и западные монголы не были единодушны в стремлении отойти от Китая и присоединиться к Халхе. В декабре 1911 г. китайское население проявило решимость защищаться от восставших монголов и тувинцев. В письме торговца А.В. Бурдукова к востоковеду В.Л. Котвичу говорилось: «Из хошунов китайские торговцы побросав все бегут в город. В г. Ховдо китайские власти с завтрашнего дня начинают раздавать оружие солдатам и китайским торговцам... везде монголы страшно боялись и были страшно перепуганы письмом, что скоро должны из Ховдо прийти китайские солдаты зеленого знамени и усмирить грабителей урянхайцев, которые разграбили китайских торговцев в Ховдском округе. Но в Ховдо хотя и есть 160 человек китайских солдат, но это жалкие дон-кихоты, это насобранный разный сброд огородников и праздношатающиеся выбросы китайского населения…»[132].

Политическое противостояние в Западной Монголии привело к вооруженному конфликту. Амбань Пу Жунь отправил семьи китайских чиновников и часть торговцев, около 100 человек, в Россию, а сам вместе с основной частью китайской колонии Кобдо остался защищать административный центр Западной Монголии. В августе 1912 г. цинская крепость в Кобдо была захвачена монгольскими войсками, которыми командовал Максаржаб. В штурме столицы Западной Монголии приняли участие и тувинские отряды из трех хошунов, всего 675 человек. Китайцы, более 600 человек во главе с амбанем, под русской охраной выехали в Кош-Агач и далее в Китай. В декабре 1912 г. столичная газета «Бэйцзин жибао» сообщила: «При взятии г. Кобдо торговавшие там купцы — уроженцы Шаньсийской провинции — понесли убытки, на сумму не менее миллиона. Поэтому Главная Торговая Палата городов Гуй-хуа-чэна и Суй-юань-чэна обратилась к Правительству с просьбой возместить купцам эти убытки»[133].

В соседней с Кобдинским округом Джунгарии монгольское население, в силу своей малочисленности и разобщенности не сразу смогло объединиться под национально-освободительными лозунгами. В Синьцзяне 80% всего населения составляли уйгуры, а наиболее организованной частью были новые войска, руководимые прибывшими из Центрального Китая ханьцами. Но монголы так же принимали участие в политических событиях Синьхайской революции. Первоначально монгольские войска или соблюдали нейтралитет в борьбе революционеров против маньчжурской администрации, или принимали участие в борьбе против оставшихся верными Пекину войсками. Однако в начале 1912 г. ситуация изменилась. Специалист по Синьцзяну В.И. Петров писал: «Глава

ламаистской церкви Монголии ДЗАНЦАН-ДАНБИ хутухта обратился с посланием к монголам и калмыкам, в котором призывал образовать в северной части Синьцзяна независимое монгольское государство. Поэтому торгоуты Юлдуса, дербеты, олеты, чахары Илийской долины, вышли из повиновения революционному комитету и объявили об отделении от Китая. Монгольские части покинули революционные войска и стали нападать на них. Кобдоский торгоутский князь Тохто (Тохтохо), пользовавшийся поддержкой российских дипломатов, пытался объединить под своей властью Илийский, Тарбагатайский и Алтайский округа и присоединить их к Монголии. Революционный комитет приступил к подавлению сепаратизма монголов и калмыков, часть из них (чахары) бежали в Россию»[134].

В 1912 г. объявила независимость Барга с центром в Хайларе. В январе 1912 г. китайские чиновники и солдаты были изгнаны из этого района. Российские исследователи писали: «Более крупные события разыгрались в Барге, а затем и на юге Монголии. Барга, в которой к тому времени монгольское население казалось совершенно подавленным китайцами, в 1911 году решила образовать самостоятельное государство и сформировать свое войско. Под угрозой силы, даотай — китайский правитель Барги, был вынужден удалиться»[135]. Избранный главой Барги даур Шэн Фу послал богдогэгэну телеграмму с просьбой о принятии баргутов в подданство. В мае эта просьба была удовлетворена, а местные русские власти поддержали движение баргутов за независимость от Пекина.

Самопровозглашенная независимость не никем не была признана, но долгое время фактически сохранялась. Трехсторонние русско-монголо-китайские переговоры не привели к признанию вхождения Барги в состав Внешней Монголии. Россия, не признав незави-

симости Барги или включения ее в состав Халхи, все же оказала содействие ее фактически самостоятельному существованию, по русско-китайской договоренности Хулуньбуир так и остался фудутунством. 6 ноября 1915 г. было подписано русско-китайское соглашение, по которому Барга (Хулуньбуир) объявлялась «особой областью, непосредственно подчиненной центральному правительству Китайской республики». Фудутун назначался президентом из числа местных жителей, охрана области осуществлялась местной милицией, все налоги, кроме соляного сбора, оставлялись в местной казне, приобретать земли китайцам в области разрешалось лишь на правах временной аренды.

Большая часть южных монгольских хошунов поддержала Халху в борьбе за независимость. В Ургу своих представителей направили все хошуны Чахара, Ордоса, 24 хошуна Кукунора, монголы Синьцзяна и 35 из 49 хошунов шести сеймов (аймаков) Внутренней Монголии. Однако китайцам удалось подавить сепаратистские устремления данных этнических групп монголов. Российские исследователи в начале XX в. писали: «освободительное движение разлилось по всем областям Монголии. Наибольшей силы это движение достигло после опубликования состоявшегося в октябре месяце 1912 года русско-китайского соглашения по монгольскому вопросу... Договор этот, безусловно, не мог удовлетворить южную, Внутреннюю Монголию — она не меньше Халхи мечтала об автономной Монголии и она именно остро чувствовала и переживала гнет Китая... Часть южных князей послала делегации в Ургу, высказывая свое желание присоединиться к Халхе. Хутухта, из боязни лишиться полученной автономии, медлил с ответом. Движение это, естественно, встретило противодействие со стороны Китая и, в конце концов, вылилось в вооруженное столкновение в конце

1914 года. Партия объединенной Монголии потерпела поражение и была изгнана из пределов Внутренней Монголии за Хинган»[136].

Современные исследователи так же пишут: «Весной 1913 г. особенно накалилась обстановка в Барге и Внутренней Монголии, где из 49 хошунов о добровольном присоединении к Халхе заявили 35. В ответ на просьбы о помощи правительство Богдо-гэгэна выслало туда свои воинские части. Первую половину 1913 г. между монгольскими войсками, представлявшими чаще всего импровизированные отряды, и китайскими регулярными войскам частями велись ожесточенные бои»[137]. В современных работах указывается на активное участие в борьбе с китайцами монголов-харачинов: «В 1911—1912 гг. харачины под предводительством Бабучжаба состояли на службе у Ургинского правительства и помогали ему в военных действиях против китайцев… Во время заседания Кяхтинской конференции 1914—1915 гг. харачины просили отвести им постоянные территории для проживания. Их просьба была отвергнута. Обиженные, харачины покинули Халху и поселились во Внутренней Монголии, на границе Мукденской провинции, где и предавались грабежам»[138].

Часть монгольской элиты, будучи экономически, политически и культурно связанной с Китаем, приняла участие в создании Китайской Республики. В состав временного парламента Китайской республики, первая сессия которого открылась 29 апреля 1912 г., вошли 11 депутатов от Монголии. Депутаты внесли законопроект о предоставлении населению Монголии особых прав и преимуществ, состоящий из 11 пунктов. Этот законопроект, дававший монгольским землям определенную автономию и самоуправление, был одобрен с некоторыми поправками Юань Шикаем, и затем при-

нят парламентом. Правда, уже через несколько лет монгольские хошуны в Китайской Республике лишились остатков своей автономии.

Реальная самостоятельность Монголии от Китая в тех условиях могла быть обеспечена лишь поддержкой со стороны Российской империи. Сразу же после провозглашения монголами независимости Россия предложила свои услуги по предотвращению монголо-китайского конфликта. Но в январе 1912 г. китайский посланник Лу Чжэнсян сообщил министру иностранных дел С.Д. Сазонову об отказе от посредничества России. Через месяц после отречения Пу И от престола Юань Шикай ликвидировал автономию Монголии, однако Пекин не мог пойти на открытый конфликт с Россией. Монгольский исследователь пишет, что, начиная с 1911 г.: «Монголия рассчитывала на поддержку России в получении полной независимости Внешней Монголии»[139]. И действительно, Петербург поддержал Внешнюю Монголию в борьбе против попыток Пекина восстановить свою власть на отложившихся землях бывшей Цинской империи. Русские гарнизоны в монгольских районах были усилены вдоль всей границы, от Кульджи до Хайлара. Русский контингент в Урге был усилен двумя казачьими сотнями еще в сентябре 1911 г. В 1912 г. в Шара-сумэ была направлена полусотня 3-го Сибирского казачьего полка, а в Кобдо — 1 Верхнеудинский казачий полк. В 1913 г. воинские контингенты в Алтайском и Кобдоском округах были усилены. Постепенный вывод войск начался лишь в 1914 г., в апреле Томский губернатор сообщил Бийскому уездному исправнику: «Согласно Высочайшего соизволения, приступить к выводу из состава Кобдоского отряда нижних чинов и казаков, подлежащих перечислению в запас и спуску на льготу»[140]. Из Кобдоского отряда войска проследовали шестью

эшелонами, всего 557 н.ч. и 106 казаков 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска[141].

В течение 1912 г., пока в Монголии шла вооруженная борьба, а дипломаты трех стран пытались найти взаимоприемлемое решение, в Китае ширилось движение за полное подчинение Халхи Пекину. После отказа Пекина признать право Монголии на автономию и посредничество России в этом вопросе, российские дипломаты во главе с посланником И.Я. Коростовцом провели переговоры с монгольским правительством и подписали в ноябре 1912 г. русско-монгольское соглашение о признании широчайшей автономии Внешней Монголии. Еще до подписания этого соглашения Пекин через своего посла Лу Цзиньжэня потребовал у Петербурга объяснений. Министр иностранных дел Лу Чжэнсян объявил о вмешательстве России во внутренние дела Китая и обратился за помощью к Германии. В ноябре 1912 г., после получения от русского посланника текста русско-монгольского соглашения, китайский парламент провел закрытое заседание по данному вопросу, на котором было принято решение о невозможности войны с Россией, Юань Шикай объявил, что монгольский вопрос будет решаться мирным путем.

Южные провинции Китая и сочувствующие им северяне не хотели идти на компромиссы. В январе 1912 г. Сунь Ятсен предложил монгольским князьям объединиться против «русской агрессии». Против русско-монгольского соглашения выступили все китайские партии, дуду десяти провинций и наместник Маньчжурии. Эти силы, поддержанные вице-президентом Ли Юаньхуном, выступили за полное восстановление китайской власти в Монголии военным путем. Наиболее сильным движение против русской поддержки Монголии было городах юга Китая, где проходили митинги, собирались средства и оружие для военного похода в

Монголию. В разных местах действовали «общества спасения Монголии», китайцы объявляли бойкот русским товарам и учреждениям. Движение пошло на спад после того, как в декабре 1912 г. Юань Шикай запретил все организации, готовившие военные дружины для похода в Монголию.

Признание автономии Монголии было условием дипломатического признания Китайской Республики со стороны Российской империи, с чьим мнением считались все ведущие державы мира. Следствием этого стало подписание Юань Шикаем 3 ноября 1912 г. Декларации о признании автономии Внешней Монголии. Через год, в ноябре 1913 г., была принята русско-китайская декларация, по которой Петербург признавал сюзеренитет Китая над Внешней Монголией, а Китай признавал самую широкую автономию Внешней Монголии. Окончательно русско-китайские противоречия по «Монгольскому вопросу» были сняты после длительных переговоров, с подписанием тройственного русско-китайско-монгольского Кяхтинского соглашения в 1915 г. Этим актом, завершившим первый этап формирования нового Монгольского государства, объединившего часть монгольских территорий бывшей Цинской империи, было установлено временное равновесие в монголо-китайских отношениях.

Глава 5
Тува в русско-монгольских отношениях во время Синьхайской революции

В системе международных отношений в Азии в начале XX века в числе наиболее сложных и противоречивых всегда были вопросы и проблемы, связанные с Тувой. Проблемы статуса и территориальной принадлежности Тувы в двухсторонних отношениях появились сразу же, как только Монголия стала субъектом международных отношений, и произошло это с началом Синьхайской революции.

Известный российский монголовед Ю.В. Кузьмин уже более десяти лет назад справедливо отметил: «В целом, сущность и характер русско-монгольских противоречий и соперничество в «урянхайском вопросе» изучены недостаточно глубоко и основательно» [142]. Действительно, долгое время русско-монгольские отношения по проблемам Тувы вообще не рассматривались советскими и монгольскими историками. Например, в совместной советско-монгольской обобщающей работе «История Монгольской Народной Республики», в главе об образовании Монгольского государства после свержения Цинской династии, вообще не упоминается о Туве[143]. Лишь в последние годы монгольские историки стали уделять специальное внимание этой проблеме.

Синьхайская революция и ликвидация китайской власти в Монголии привели к ликвидации не только правовой базы, но и физической возможности осуществления власти Китая над Тувой. Монгольская элита исходила из необходимости включения Танну-Урянхая в состав Монгольского государства, но в силу комплекса причин и факторов, в 1911—1912 гг. этот вопрос мог быть решен лишь при непосредственном

участии России. Монгольский исследователь пишет, что, начиная с 1911 г.: «Монголия рассчитывала на поддержку России в получении полной независимости Внешней Монголии и присоединении к ней… Урянхайского края»[144]. Однако задолго до Синьхайской революции на Туву свои претензии оформило русское общество и государство.

К началу XX века Тува уже около полутора веков входила в состав Внешней Монголии Цинской империи, но при этом имела собственную государственно-политическую организацию во главе с наследственным князем. Население Тувы имело общую с Халхой церковно-религиозную организацию, сходный, хотя и не идентичный, хозяйственно-культурный тип, но принадлежало совершенно отличной от монголов тюркской этно-культурной общности. Территория тувинских хошунов была отделена от Монголии линией монгольских пограничных караулов, свободное пересечение которой подданным Цинской империи в обе стороны было запрещено. К 1911 г. завершался процесс складывания основ тувинской этнополитической общности на ограниченной пограничными караулами со всех сторон территории Танну-Урянхая Внешней Монголии, Тува в России воспринималась как отдельный актор в системе международных отношений в регионе.

Исторические претензии на Туву, а точнее на тувинцев, оформились в русском государстве и общественном мнении еще в XVII в. В XVIII в. эти претензии не были реализованы, во многом из-за отсутствия желания и возможностей русского сибирского общества приступить к освоению данных территорий. Не смогли переломить ситуацию и указы Петра I и активная научно-пропагандистская деятельность знаменитого историка и исследователя Сибири Г.Ф. Миллера. В

XIX в. не добился каких-либо результатов на «тувинском направлении» Н.Н. Муравьев-Амурский, обеспечивший вхождение в состав России огромных территорий на Дальнем Востоке. И лишь русская колонизация региона, начатая силами беглецов-старообрядцев и местных русских предпринимателей, создала предпосылки к решению «Урянхайского вопроса» в пользу России. Однако решились русские власти признать возможности утверждения России в Туве только в 1911 г., накануне провозглашение независимости от Китая монголами.

Накануне Синьхайской революции русско-тувинские отношения, как на уровне простого населения, так и элит, были заметно хуже, чем русско-монгольские взаимоотношения в Халхе. Показательным примером особых интересов тувинской элиты был русско-тувинский конфликт 1907—1909 г., принявший формы вооруженного противостояния. В интересы Халха-монгольской элиты накануне Синьхайской революции не входило противостояние с русскими, и примеров поддержки антирусских действий нойона Хайдуба со стороны монгольских князей не было отмечено.

Однако чиновники Усинского пограничного округа, опираясь на реалии русской колонизации региона, проводили работу с тувинской элитой. В рапорте А.Х. Чакирова Енисейскому губернатору о встрече в 1910 г. в Усинском округе амбаня Гомбодорчжи (Комбу-Доржи) в частности говорилось: «…желая дать понять Амбаню, что, переехав главный хребет Саян /именуемый на карте Танну-Ола/, он уже будет ехать по Российской территории, занятой урянхами его и русскими, я командировал с своей стороны своего переводчика г. титулярного советника Шелкунова встретить Амбаня у хребта Танну-Ола»[145]. В рапорте погра-

ничный начальник особо отмечал, что Комбу-Доржи «ведет себя не как подданный Китайской Империи, а как сын России»[146]. Свою лепту в формирование новых отношений между русскими и тувинскими властями внесло и правительство Цинского Китая, которое не только реформировало законодательную базу системы отношений на границе, но и активно её в 1910 г. пропагандировали[147]. Необходимо иметь ввиду, что разработанное к концу первого десятилетия XX в. законодательство Цинского Китая превращало Туву, как и Халху, в колонию китайского национального государства[148].

В феврале 1911 г. было образовано совещание под председательством Иркутского генерал-губернатора «для выяснения положения дел в Усинско-Урянхайском крае». Данное совещание рассмотрело планы возможных мероприятий для укрепления русского влияния в Саянах в условиях активизации политики Китая на этом направлении и резкого роста антикитайских настроений в регионе. Предполагалось, что тувинцы добровольно откажутся платить подати Пекину, а русские могут поддержать амбын-нойона небольшим военным отрядом. Губернаторы Томской, Енисейской и Иркутской губерний не должны были больше высылать чиновников для совместного с китайцами осмотра границы. На территории Урянхайского края планировалось постепенно вводить российские государственные и общественные учреждения.

В апреле 1911 г. специальное совещание по ситуации в Туве было организовано и в Усинском пограничном управлении. Его участники пришли к заключению о необходимости выдвижения в Саяны отряда в составе стрелкового батальона и двух казачьих сотен. Новая русская политика в отношении

Тувы ориентировалась на поддержку местного населения. В рапорте усинского пограничного начальника сообщалось: «За последнее время среди Урянхов усиленно заговорили о необходимости избавления от китайцев и перехода в Российское подданство»[149].

В свою очередь, в начале 1911 г. гибнущая Цинская империя пыталась изолировать тувинцев от России. Усинский пограничный начальник А.Х. Чакиров докладывал Енисейскому губернатору: «Седьмого сего июня получил спешно донесение из Кемчика... Джунгар собирал к себе урянхайских чиновников и приказывал им: 1) строго охранять свою границу...» [150]. Управляющий Российским консульством в Улясутае летом 1911 г. сообщал посланнику в Пекин: «9 июня из Улясутая в сопровождении переводчика и письмоводителя выехал чиновник по русским делам цзурган Вэнь, командированный Улясутайским Цзян-цзюнем в Урянхайский край для восстановления сожженного Чабчальского пограничного знака».[151] Цинские власти не доверяли тувинцам, они вынуждены были сделать ставку на китайских торговцев, что было не типично для империи. Русские представители сообщали, что приехав из Улясутая на Хемчик: «С простыми урянхами Джунгар не беседовал, а собирал к себе сначала китайцев, а потом в присутствии китайца и всех Кемчикских урянхайских чиновников».[152] Надежным средством закрепления региона за Китаем могла стать китайская колонизация Тувы. В протоколе февральского совещания 1911 г. отмечалось: «В настоящее время началось и растет заселение урянхайской земли китайцами. Пока это явление не значительно, сравнительно с русскими, но, по возрастающему ходу своему, обещает серьезные осложнения колонизации края и наших общеполитических задач в нем»[153].

На протяжении всей истории Цинской империи в российских претензиях на Урянхай озвучивалось противостояние лишь с Китаем и китайцами. Даже в таких документах, как «Протокол Совещания под председательством Иркутского Генерал-Губернатора… Князева… 28 февраля 1911 года» и «Журнал Секретного совещания особой комиссии. Заседавшей в Усинском Пограничном Управлении 14 апреля 1911 …»[154] Монголия не упоминалась.

Таким образом, активизация российской политики в Туве в 1911 г. не связывалась с русско-монгольскими отношениями, была вызвана изменениями, происходившими во внутренней и внешней политики Цинского Китая. При этом «Урянхайский вопрос» рассматривался в 1911 г. отдельно от «Монгольского вопроса» в силу специфики Урянхайского края, признаваемой русскими властями и обществом со времени русской колонизации Южной Сибири и формирования русско-китайской границы.

Открытая национально-освободительная борьба тувинцев против китайцев началась конце 1911 г. При этом, сначала были зафиксированы антикитайские акции тувинских отрядов в районе Кобдо. 27 декабря 1911 г. Алексей Бурдуков писал Владиславу Котвичу: «везде монголы страшно боялись и были страшно перепуганы письмом, что скоро должны из Ховдо прийти китайские солдаты зеленого знамени и усмирить грабителей урянхайцев, которые разграбили китайских торговцев в Ховдском округе»[155]. Восстание собственно в Танну-Урянхае началось с выступлений аратов Оюннарского и Салчакского хошунов, граничивших с Монголией, первым актом стал разгром китайской торговой фирмы в Эрзине. Правители же наиболее отдаленных от Халхи Даа и Бэйсе хошунов сначала взяли под свою защиту китайских купцов. К апрелю

1912 г. большинство хошунов Урянхая, за исключением Даа хошуна, было очищено от китайских чиновников и торговцев. Буян-Бадыргы же только осенью 1912 г. выселил китайских торговцев, отправив их в по Енисею в Красноярск.

Начавшиеся в октябре 1911 г. революция в Китае и национально-освободительная борьба в Монголии привели к корректировке российской политики в отношении Тувы. В ноябре 1911 г. на Особом совещании Совета министров под председательством В.Н. Коковцова обсуждался вопрос, «может ли считаться Урянхайский край принадлежащим Российской империи?». Совещание пришло к заключению, что документальных подтверждений вхождения Урянхайского края в состав России нет, но было принято продолжить русское освоение Тувы.

После Синьхайской революции и провозглашения монголами своей независимости Россия продолжила свою традиционную политику в отношении Тувы. И эта «особость» подкреплялась особенностями развития национально освободительной борьбы в самом тувинском обществе. Как отмечалось выше, в тувинском руководстве в начале 1912 г. произошел раскол по вопросу изгнания китайцев из Урянхайского края. Хемчикский нойон Буян-Бадыргы обвинил амбын-нойона Комбу-Доржу в поощрении антикитайских действий. О расколе среди тувинской элиты сообщала даже издававшаяся в Харбине газета «Монголун сонин бичиг»: «1-го числа 6-го месяца урянхайский Гомбо-Доржи-амбань привел в Улангом 300 солдат из числа своих подданных… Урянхайский князь Хайдав был настроен прокитайски и не присоединился к монгольской армии»[156].

Сами антикитайские настроения аратов могли привести вооруженному противостоянию между властями

и народом. В январе 1912 г. русский агент сообщал А.Х. Чакирову: «здесь должна собраться «чешь» (съезд) чиновников урянхайских, для взыскания с местных урянхов разграбленного товара и основательного наказания любителей легкой наживы. Но съезд этот, назначенный по распоряжению Та-нойона, едва ли состоится, может случиться то, что чиновников Та-нойона здешние сойоты угостят кольями, как защитников китайских»[157].

Победа революции в Китае и гибель Цинской империи сформировали ситуацию определенного «безвластия», возникли условия для пересмотра «Урянхайского вопроса». Первыми это осознали русские дипломаты в Китае. В конце февраля 1912 г. поверенный в делах в Пекине М.С. Щекин выступил с рекомендацией перейти к решительным действиям в отношении Тувы. Петербург не был готов к такому повороту событий, кроме того, министр иностранных дел С.Д. Сазонов не находил оснований для пересмотра решений Особого совещания ноября 1911 г.

С развалом Цинской империи «Урянхайский вопрос» в его международно-правовой составляющей вышел за пределы двухсторонних отношений Санкт-Петербург — Пекин. С 1911 г. уже Монголия выступала как самостоятельный субъект в отношениях с Россией. И с первых дней самостоятельного монгольского государства монгольскую элиту уже не устраивала особая политика России в отношении Тувы. Однако центральным вопросом международных отношений по поводу Монголии был в первую очередь статус собственно Внешней Монголии. По этому вопросу, как и по вопросу границ самостоятельного Монгольского государства, Российская империя была не только главным союзником, но и единственным гарантом защиты от китайской оккупации, поэтому власти новой

Монголии не могли идти на обострение противоречий, объективно возникших в это время в русско-монгольских отношениях.

Что касается России, то и в интересы Петербурга не входило обострение отношений с новым союзником в регионе. Тем более, традиционной для России политикой в регионе было «предаться естественному ходу вещей». Русско-монгольское противостояние по вопросу о Туве было перенесено из залов дипломатических переговоров собственно на территорию Урянхайского края. И содержание русско-монгольского соглашения 1912 г. это подтверждает. Фактически, решение о будущем Тувы было передано в руки самих тувинцев.

Тувинская элита в 1912 г. увидела перспективу формирования собственного государства. Выдающийся региональный общественный деятель И.Г. Сафьянов писал, что событие, «освобождавшее сойотский народ от единственного, реального признака зависимости его от Китая, ежегодного платежа албана, с одной стороны, оживило в народе надежду на вполне самостоятельное бытие, а с другой стороны, усилило домогательство Амбын-нойона стать главой и распорядителем судеб всего Урянхайского края»[158]. Но ограниченность экономического потенциала региона представлялось серьезным препятствием для формирования самодостаточного и сильного государства. Сохранение национальной государственности и традиционных основ социально-экономического устройства общества были возможны лишь при поддержке извне, и это осознавалось тувинской элитой и народом. В реальной ситуация выбор «спонсоров-покровителей» был ограничен Монголией и Россией. Часть тувинских нойонов и высших буддийских иерархов обратились с просьбой о принятии под покровительство России. В феврале 1912 г. амбын-нойон отправил в Верхне-Усинское делегацию.

В архивах сохранился перевод написанного на монгольском языке «сообщения» в адрес Усинского пограничного начальника от имени нескольких десятков представителей тувинской элиты «и всего Танну Урянхайского народа» в котором, в частности, говорилось: «в настоящее время Маньчжуры, Китайцы и Халха разделились, образовав отдельные народы /государства/ мы же урянхи остались на произвол судьбы, не имея Государя, а потому, … собравшись, с общего согласия, постановили: заведующего урянхами трех хошунов по р. Тесь, по р. Енисею и урянхами Точжи, Амбаня Гомбодорчжи, имеющего от Дайциназского Государя чин корпусного командира и павлина перо, и от Великого Российского Государства белого государя одну золотую медаль для ношения на шее и орден св.Станислава второй степени, избрали главой правления. Держаться Буддийской религии и одинаково с Халхой выбрать себе представителя духовной власти, объявить Урянхай отдельным и просить покровительства и защиты Великого Российского Государства»[159]. Из этого же письма можно увидеть причину столь быстрого обращения монгольской элиты к российской власти: «многие из бедных глупых урянхов прогнали китайцев… во избежание беспорядков, могущих произойти в стране просим Вас Почтенный Нойон по возможности скорее занять своими войсками по своему усмотрению заселенные пункты среди урянхов, а также для охраны — пикеты по границе»[160].

Иркутский генерал-губернатор в начале 1912 г. не разрешил А.Х. Чакирову вести переговоры о будущем Тувы и через месяц делегация амбын-нойона вынуждена был вернуться домой. Монгольское правительство сделало вывод: «Амбань решил образовать отдельное государство и перейти под покровительство России»[161].

Не получив ответа на свое обращение со стороны российского правительства, тувинские нойоны попросили монгольского покровительства. Ургинское правительство посчитало это достаточным для признания вхождения Тувы в состав Монголии. Но российские представители уже весной 1912 г. предупредили улясутайские власти, что Россия «имеет на Урянхайский край неоспоримые права», что посылка монгольских чиновников и солдат в Урянхайский край «может привести к недоразумениям и вызвать нежелательные для монголов последствия».

Несмотря на позицию русских властей, в регионе начался процесс распространения монгольской власти на Туву. Разведывательное отделение штаба Иркутского военного округа в июне 1912 г. пришло к выводу: «Присоединение Урянхайского края к западной и северной Монголии — свершившийся факт. Урянхайская область принята монгольским хутухтой под свое покровительство... Присоединение Урянхайского края к Монголии не будет оформлено никаким актом»[162].

В конце осени 1912 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов в телеграмме в Ургу на имя И.Я. Коростовца предписал указать, что «мы не считаем Урянхайский край к северу от расположенных вдоль Танну-Ола караулов в составе владений Хутухты»[163]. В начале 1913 г. Усинский пограничный округ был преобразован в Усинско-Урянхайский край, территорию которого посетил Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев. Российские официальные представители заявили монгольским властям, что Урянхайский край служит спорной территорией между Россией и Китаем, а в состав Монголии не входит. Л.М. Князев отмечал: «Заведующему Пограничными Делами Усинского округа… входило воспрепятствовать присоединению Урянхая к Монголии…»[164].

Переход Тувы под власть нового монгольского правительства не способствовал сближению тувинцев и монголов. Создание новых органов управления потребовало новых расходов, содержание монгольских чиновников легло новым бременем на население, так как вызвало введение новых налогов и податей. Именно распространение на тувинцев тягот по финансированию процесса создания государственного аппарата Монголии вызвало недовольство в Туве, что и было отражено в текстах обращения тувинских нойонов к русским властям.

28 сентября 1913 г. на имя А.П. Церерина было направлено прошение «Возведенного в сан Хамболамы Тибетским Гегеном Гундуном Чжамияном в г. Амду, главного духовного наставника всего урянхайского населения проживающего по системе р. Кемчика, Гебши Хамбо Гелун Чжампо-Ламы — родного брата бывшего главного Дарги /правителя/ Хайдупа, являющегося прямым потомком родовых правителей Танну урянхов, живущих по р. Кемчику» о принятие под российское покровительство. В документе, в частности, говорилось: «… мы ничтожные Урянхи, не зная надлежащего положения дел и опасаясь в то же время быть насильно завоеванными, поспешили обратиться… о присоединении нас к Монголии… При сем этом все же встретились ныне следующие непредвиденные обстоятельства: 1. Причинявшиеся ранее нашему пограничному ничтожному урянхайскому населению со стороны монголов различные притеснения обременительные повинности, налоги и т.д. создавшемся новом положении нисколько не облегчены, а напротив того даже углублены…»[165]. Весной 1914 г. уже чиновники из Западной Тувы писали: «Монголы… образовали свое независимое государство, но сами они в вымогательстве далеко превзошли Манчжуров и тяжестью налагаемых

повинностей довели нас до безвыходного положения и истощения сил и материальных средств»[166].

У тувинской элиты был серьезный материальный и политический интерес искать русского покровительства. Его видно в наборе условий (просьб) тувинцев к русским чиновниками. Хемчикские тувинцы в 1913 г. просили не только сохранения буддизма, освобождения от воинской повинности и от российских пошлин и налогов, но и «не увеличивать русское население», «оставить по старому не изменяя всем чиновникам и народу образец их платья, косы, шарики и султаны /павлинии перья/ на шапках чиновников». А одно из первых условий было сформулировано следующим образом: «Кочевья нашего Кемчигоольского хошуна на юге соприкасаются с двумя Дурбетскими, западными и восточными аймаками… При династии Цин были отделены границей по караулам… Но ранее граница находилась вне установленной линии, куда и просим населяемых насильно иноземцев не допускать. Справка: под иноземцами урянхами разумеют Киргизов, поселенных Монголами — на границе Урянхая»[167]. Летом 1914 г. хемчикские тувинцы дополнительно просили контроля над русскими торговцами, признания верховенства права на землю тувинских скотоводов над русскими, а также «Командировать русского чиновника для восстановления и утверждения по южной границе следующих пограничных знаков… Не отказать в содействии через надлежащие учреждения в задержании и арестовании лиц, находящихся в бегах и уклоняющихся от следствия»[168].

По русско-китайской декларации 5 ноября 1913 г. Урянхайский край не был включен в состав Внешней Монголии. Однако Монголия и после декларации 1913 г. продолжала считать Туву частью своей территории. Правда, в начале января 1914 г. под давлением

русских властей были отпущены тувинские солдаты, мобилизованные монгольскими чиновниками в 1912 г. и служившие в районе Кобдо.

Противоречивость ситуации во многом определялась внутренней противоречивостью интересов тувинского общества, что нашло выражение в противоречиях внутри тувинской элиты. В конце 1913 г. хэбэйамбань Камбо-Доржи (Гомбодорчжи) писал чиновнику А.П. Церерину: «если нашими урянхами будет управлять Монголия, то расстроит их в конец, а потому мы согласиться не можем. Затем как известно, наши пять хошунов совсем не были подведомственными Монголии… и имеют границу и караулы отдельные от Монголии. Кроме того, урянхи не монгольского рода и говорят на особом диалектурянхайском языке. Сообщая вышеизложенное Вам, Почтенный Саит с нарочным Цзайсаном Тарбиланом, покорнейше прошу рассмотреть вышеизложенное и не оставить оказать нам отдельное от Монголии покровительство»[169]. Однако в обращении «Заведующего Кемчик-гоольскими Урянхами Тусулакчи-Гуна Буянбаторха» к тому же А.П. Церерину в декабре 1913 г. говорилось: «Прежде и до сего времени мы имели и имеем тесную связь с Чжалханцев Хутухтой… и далее желая находиться под защитой и покровительством… и нести в силе возможности все повинности, почтительнейше постановили: единогласно и решительно… просить принять наши два хошуна и немногих бедных урянхов с их кочевьями под покровительство Богдойхана… Мы, монголы, отделившись от Маньчжурского Государства всегда и во всем пользовались поддержкой от Великого Батар Цаган Хана и его Правительства, а потому Богдо-Хан, его Правительство, а также Монгольский и Урянхайский народ, все уверены в том, что вселение раздоров и отделение от Монголии не только бедного

малочисленного Урянхайского населения, но и вообще народов монгольского племени не может иметь места…»[170]. Но в апреле 1914 г. от «Цзайсанов Лупсана, Ендона и Шарыпа, заведующих урянхами 17 сумонов, живущих по р. Кемчуку и других местах на и об. Заведующего Пограничными Делами Округа Секретаря Мальцева», наоборот, пришла благодарность за то, что русский чиновник «предложил монгольским чиновникам возвратиться на родину», подтвердив независимость Тувы от Монголии[171].

Монголия, несмотря на позицию русских властей и противоречия внутри тувинской элиты продолжало считать Туву частью нового монгольского государства. Весной 1914 г. Ургинское правительство назначило Чжалханца-хутухту правителем Урянхайского края. В марте 1914 г. всем тувинским нойонам было направлено предписание, направить в Западную Монголию, для защиты границы от возможного вторжения китайцев 250 солдат, обеспеченных всем необходимым (каждому по две лошади, верблюда, провианта на 5 месяцев)[172]. Кроме того, монгольское правительство намеревалось поднять урянхайский вопрос на тройственных русско-китайско-монгольских переговорах в Китае.

Российская дипломатия и в 1914 г. не желала идти на обострение отношений с Монголией из-за противоречий по Туве. С.Д. Сазонов, в письме к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину от 25 марта 1914 г., выразил свое несогласие с доводами П.Н. Игнатьева в пользу присоединения Тувы, отметил что «цели, преследуемые нами в Урянхайском вопросе, не требуют немедленного принятия этой радикальной меры, сопряженной с возбуждением сложных и деликатных вопросов в наших отношениях к Китаю и Монголии»[173]. Российский министр иностранных дел полагал, что именно принятие тувинских хошунов под покро-

вительство России, без включения в состав империи, и является возможным компромиссом: «Этим путем мы положили бы конец колебаниям урянхов между присоединением к автономной Монголии и отдачею себя под русскую власть»[174].

Несмотря на то, что с 1911 г. Монгольское государство становится субъектом международных отношений, Российская дипломатия по прежнему рассматривала проблему Тувы как составляющую русско-китайских отношений. В 1914 г. в письме первого секретаря Российской миссии в Пекине В.В. Граве к И.П. Балашеву говорится: «Урянхайский край забыт Китаем и наши переселенческие чиновники работают там превосходно, без того, чтобы цвет его на карте был выкрашен в ту же краску, что и Россия»[175]. Действительно, признание Тувы частью Внешней Монголии автоматически вело к признанию этой территории частью Китайской республики, так как Российской империи в тот период было не выгодно признать независимость Внешней Монголии, она не в состоянии была обеспечить международное признание независимости Монголии. С Тувой, в части непризнания ее формального вхождения в состав Китайской республики, было проще, как в силу относительной «малозначительности» региона в мировых масштабах, так и по причине давно зафиксированных «исторических прав» России на территорию Тувы.

Летом 1914 г. российский представитель в Урянхае объявил тувинским нойонам о принятии их под покровительство России и взял с них подписку о том, что Тува больше не будет иметь непосредственных сношений с Монголией и прочими иностранными государствами. Объявленный протекторат не был оформлен соглашениями с другими государствами,

что дало основание правительству Монголии, как и других стран, вновь вернуться к данной проблеме уже через пару лет. Окончательно Урянхайский вопрос в русско-монгольских отношениях в основном был урегулирован лишь в середине 1920-х гг., уже в других исторических условиях. Таким образом, события Синьхайской революции и национально-освободительной борьбы монгольского народа за независимость привели к оформлению тувинского вопроса в русско-монгольских отношениях. Стороны в тот период не нашли взаимоприемлемого решения проблемы, но не пошли на обострение отношений в силу того, что общая международная ситуация вынуждала действовать Петербург и Ургу согласованно, избегая акцентов внутренних противоречиях. Препятствовала принятию простых и однозначных решений и ситуация в Туве, находившейся в годы Синьхайской революции в сложной и противоречивой ситуации исторического выбора.

Глава 6
Русско-монгольское противостояние в Засаянском крае в 1919—1920 гг.

Важнейшим и насыщенным событиями периодом в истории русско-монгольских отношений были годы гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири. Важным регионом, где отношения между русскими и монголами складывались крайне противоречиво и сопровождались конфликтами, был Засаянский край, включавший в себя Урянхайский край (Танну-Тува Урянхай) и бывший Усинский пограничный округ Енисейской губернии [176] . При этом сами русско-монгольские отношения явились важнейшим фактором, оказавшим большое влияние на ход гражданской войны.

Впервые общий ход событий русско-монгольских отношений в Усинско-Урянхайском крае во время гражданской войны был восстановлен в ходе уголовного расследования деятельности красных партизанских командиров П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко, в Красноярске весной 1920 г. В одном из документов из «Дела Щетинкина и Кравченко», названном «Урянхайский вопрос», говорилось: «Весной 1919 года чиновник Монгольского правительства Хатон-Батор Тархан-Ван с отрядом монголов прибыл в Урянхай — для переговоров с колчаковскими чиновниками о том, кому принадлежит Урянхай. И вообще договорится — кому что принадлежит и разграничить сферу того или иного влияния. Переваливши через хребет Танну-Ола, монголы встретили вооруженное сопротивление со стороны колчаковских отрядов. Прогнавши казаков, монголы в воззвании своем заявили как правительственным учреждениям Урянхая, так и населению, что цель их прихода — мирная цель и, что нападение они рассматривают, как недоразумение или

же злонамеренную цель непонимающих государственных интересов людей. Но преднамеченное ими совещание не состоялось вследствие того, что наша крестьянская армия... вошла в город Белоцарск...»[177].

С первых дней гражданской войны в России Монголия оказалась причастной к событиям в Засаянском крае. В 1918 г. из Тувы на юг уходили лидеры и политические силы, потерпевшие поражение в вооруженном противостоянии в регионе. Известный местный лидер М.Г. Сафьянов писал: «Один из тувинских общественных деятелей — Чергалан-Хелин пытался организовать среди тувинцев движение против русских империалистов, но сам вынужден был бежать в Монголию… Минусинский совет, наконец, получил возможность снарядить туда военную экспедицию… Во главе экспедиции были поставлены Иннокентий Сафьянов, Крюков и Терентьев. Экспедиция благополучно добралась до Белоцарска. Но воевать с казаками ей не пришлось, так как те, почуяв хорошо вооруженного противника, ретировались через Монголию в Верхне-Удинск…»[178].

К началу 1919 г. в Оюннарский хошун пришел монгольский отряд во главе с назначенным монгольским правительством комиссаром Тувы князем Итэгэмиджиту. В феврале 1919 г. в Самагалтае состоялось тайное совещание монгольских представителей с тувинскими чиновниками, возглавляемыми амбын-нойоном Соднам-Балчыром. На совещании были разработаны мероприятия по вводу монгольских войск в район Хемчика [179]. В марте 1919 г. китайско-монгольско-урянхайский военный отряд был разбит в районе Чаадана и отступил в Монголию — в Улангом. Часть захваченных казаками монголов были отпущены, а десять монголов вместе с одним китайцем в качестве военнопленных были привезены в минусинскую

тюрьму. В местной печати в начале июня 1919 г. сообщалось: «С первого марта нами взято в плен 1 китаец, 13 монголов и 30 урянхов повстанцев»[180].

Монгольский отряд из Самагалтая, вероятно, в весенних боях в районе Хемчика участия не принимал. Однако русское общественное мнение напрямую связывало происходившие в Туве события с вводом монгольских войск. Газета «Минусинский край» летом 1919 г. утверждала: «Затяжная история вторжения в Урянхай отрядов монголов и захребтинских сойотов, вторжения, цели которого, кажется, и до сих пор официально и исчерпывающе невыяснены, привела к июню месяцу к восстанию туземцев края в Кемчикском районе»[181].

В газете «Минусинский Край» за 13 июня (31 мая) 1919 г. была напечатана «Корреспонденция. Урянхай». В публикации говорилось: «Только что мы немного начали успокаиваться по уходе китайских и монгольских шаек с границы в Уланком, как новая беда тревожит жителей Урянхая. Получено официальное сообщение о восстании захребтинских урянхов против наших казаков и дружинников, находящихся на передовых постах по границе Урянхая... По окончании этой стычки урянхи ушли в сторону Убса со своими семьями, имея в передовом отряде 50 человек, расположились они в 30 верстах от границы Урянхая к югу... По имеющимся сведениям, в скором времени у захребтинских повстанцев будет съезд... Съезд предполагается сделать близ Уланкома. Наши пленные, взятые монголо-китайскими шайками в количестве 5 человек находятся в Уланкоме закованные в кандалы»[182].

Летом 1919 г. иностранные отряды вновь появились в Туве, и колчаковское правительство потребовало от своих представителей в Урянхае проводить политику нейтралитета по отношению к Китаю и Монголии, не

вступать в вооруженные конфликты. Правда, местные русские власти эти указания не выполнили. В исторической литературе говорится: «Крупное сражение между китайско-монгольско-урянхайским отрядом и белогвардейцами произошло 6 июля 1919 г., когда казачья сотня и добровольческие дружины русских поселенцев потерпели поражение, и в бою погиб начальник крестьянских дружин хорунжий Делибалт... 10 июля 1919 г. Цэрэндоржи (министр иностранных дел Б. Цэрэндорж) в ноте на имя А.А. Орлова снова обвинил русских солдат в нападении на китайцев и монголов и предложил предать виновных смешанному суду... он сообщил российскому представителю: «Русские солдаты, безразлично, к какой бы они партии не принадлежали, не имеют права проникать без разрешения монголов на территорию Урянхайского края». В ответ на эту ноту министерство иностранных дел в Омске сообщило, что оно возлагает на А.А. Турчанинова вину за невыполнение им указаний о недопустимости вооруженных столкновений с китайско-монгольскими отрядами»[183].

Летом 1919 г. Монголия стала проводить самостоятельную от Китая политику в отношении Тувы. И.Г. Сафьянов писал: «Монгольское богдыхановское правительство, сначала разрешавшее китайцам немного посчитаться с тувинцами за их старые грехи, теперь разгадало истинные намерения Ян Ши-чао и его хозяев и отправило в Туву сильный военный отряд, который и занял Подхребтинский район Восточной Тувы»[184]. Командовал монгольским отрядом Хатан-батор Магсаржав (Максаржав Сандагдоржийн), которого советское правительство в январе 1922 г. наградит орденом «Боевого Красного Знамени», а российские исследователи охарактеризуют как «известный полководец, национальный герой»[185].

В это же время в Белоцарск беспрепятственно прошел монгольский военный отряд из Самагалтая. В газетной публикации за авторством Г. Машкова «То, что случилось (Урянхайские вести)» говорилось: «С момента восстания сойотов катастрофа приближалась гигантскими шагами. Непонятное молчание управляющего краем... отсутствие мер, регулирующих и направляющих жизнь края, вместе с появлением отрядов монгол в подхребтинском районе, образованием особого рода «совдепов» среди новоселов этого района, отступлением фронта к Белоцарску и нависшей опасностью от прихода Щетинкина, — все это создало полную картину разрухи административной и общественной жизни» [186]. Русское население вынуждено было в спешке бежать на плотах из Белоцарска. В газетной публикации об этой эвакуации говорилось: «Отсутствие разведки, полная эвакуация Белоцарска, кончившаяся в 6 ч. вечера 12-го, речи о продвижении монгол, подхребтинских доморощенных «красных» и враждебных передовых отрядов с Уса...»[187].

Из Подхребтинского района монгольский отряд общей численностью, вероятно, около 300 человек, во главе с С. Магсаржавом прибыл в район брошенного колчаковскими властями и русским населением Белоцарска. Власти колчаковского правительства отправку монгольского отряда в Белоцарск напрямую связывали с приходом в Туву красной Крестьянской армии. 6 августа 1919 г. российский консул в Кобдо докладывал в Омск: «Монгольский отряд Максаржапа ушел к Белоцарску договариваться с большевиками о совместной борьбе. Монгольское правительство посылает подкрепление, 350 солдат уже прибыли 1 июля в Улясутай...»[188].

2 августа (20 июля) 1919 г. город Белоцарск заняли отступавшие из Енисейской губернии войска Крестьянской армии. П.Е. Щетинкин вспоминал позднее о том, что уже при движении в сторону Тувы красные партизаны надеялись на поддержку монголов, он писал: «с частью отряда остановился в деревушке Покровское, намереваясь перехватить плот с пленными монголами, которых белые захватили в Белоцарске» [189]. Освобожденных монголов планировали использовать для помощи при прохождении через Туву.

Успешное наступление китайско-монгольско-тувинских отрядов на русские селения в Туве напрямую способствовало успехам отступавшей из Енисейской губернии красной партизанской армии под командованием Кравченко и Щетинкина. 9 июня 1919 г. в помощь воюющим против иностранных и тувинских отрядов колчаковским силам ушла единственная в Усинском округе воинская часть — усинская отдельная рота. После этого красные партизаны смогли быстро сломить сопротивление местного населения и занять Усинскую долину. В докладе начальника главного штаба Крестьянской армии Енисейской губернии А. Иванова говорилось: «после сражения на 2-ом перевозе... местное население и Монголы приняли нас за действительную силу... Мы послали Монгольскому правительству грамоту... В ожидании ответа мы должны простоять в гор. Белоцарске еще около двух недель... Уходить куда-либо нам нет возможности. Монголы нас не пропустят. Они теперь достаточно убедились, что мы уходим от преследования. Никому не загадка и всякому понятно, что уважением и особым вниманием пользуются сильные... И когда мы очистим Ус, то мы вправе требовать, а не просить... Тогда не страшен нам ни Колчак, ни Монголы... Мы думаем, что Монголы и Колчак враги. Но это неправда...»[190].

Таким образом, победа объединенного китайско-монгольско-урянхайского военного отряда над верными колчаковскому правительству вооруженными силами в Туве во многом обеспечила беспрепятственное занятие красными партизанами административного центра Урянхайского края. Но именно монгольские войска во главе с Максаржавом стали той силой, которая заставила красных партизан остановить свое отступление и начать подготовку к решающему сражению с преследовавшим их колчаковским отрядом. В дальнейшем, в районе Турана еще некоторое время существовал Урянхайский отряд особого назначение под командованием штабс-капитана Бочкарева, он опасности для монгольского отряда уже не представлял.

Отношения между руководством Крестьянской армии и командованием монгольского отряда были непростые, но стороны быстро нашли компромиссные решения. Красный командир П.Е. Щетинкин вспоминал: «В первые дни нашего пребывания в Белоцарске наша разведка наткнулась на монгольский лагерь. Неизвестно когда и почему расположенный недалеко от Белоцарска… Это оказался отряд монгольских войск под командой нойона Хатон-Батор-Вана»[191]. Современные исследователи пишут по этому поводу: «Партизаны вошли в соприкосновение с монголами, что стояли в 5 километрах от Белоцарска. Максаржабу подарили жеребца, захваченного в Усинском крае. Нойон смилостивился и не стал требовать ухода партизан из края»[192]. В указанном выше следственном документе — «Урянхайский вопрос», — говорилось: «Мы вошли в соприкосновение с Монголами, которые остановились в 5 верстах от Белоцарска. При сношениях с монголами информировали наше вступление и пребывание в Урянхае — желанием войти в дружественные

отношения с Монголией... Мы предлагаем дать нам оружие в обмен на имеющиеся у нас ценности... мы предлагаем воевать с Колчаком в союзе с нами. Монгольское правительство отвечало нам, что наше предложение ими направлено в Пекин на усмотрение китайского правительства. Одновременно с ответом — было сделано на нас нападение карательного отряда Бологова — который якобы имел тайные сношения с Монголами...»[193].

Монгольский лидер Максаржав отказался поддержать партизан в бою против колчаковцев, как, впрочем, не стал помогать и Г.К. Бологову, объявив нейтралитет и отведя свой отряд от Белоцарска. Но при этом монгольский военный министр отказался разрешить в случае поражения партизан отступление им через Туву в Монголию. Оказавшись в безвыходной ситуации партизаны «вынуждены были» одержать победу над колчаковскими войсками, разбив их в двухдневном сражении за Белоцарск.

Победа красных партизан над колчаковскими силами заставила монгольских военных считаться с новой силой в регионе. П.Е. Щетинкин писал: «На другой день после боя к нам явился Хатон-Батор-Ван с изъявлением всяческого восхищения перед храбростью красных войск… В знак величайшего благоволения он поднес нам куски жженого сахара (род леденца), обернутые в шелковые ткани. Нет, однако, сомнений, что монгольский дипломат в случае нашего поражения под Белоцарском, первый же предложил бы свою помощь белогвардейцам…»[194]. В другой своей работе этот местный советский лидер отметил: «Монгольский отряд, стоявший во время боя партизан с Бологовым на устье р. Элегеса в 30 км. от Белоцарска, сохранял строгий нейтралитет... и когда утром стало известно о результатах боя, монголы приехали поздравлять красных

героев с блестящей победой, а в это время их солдаты вытаскивали из реки Улуг-Хема трупы погибших во время переправы казаков и их лошадей, снимали оружие, одежду и седла, разоружали убегавших во время сражения вниз белобандитов. Таким образом, и им в чужом бою досталась хорошая добыча»[195].

Одержав военную победу, красные партизаны смогли на переговорах с монгольскими властями уже более жестко отстаивать свои позиции. Как пишут современные исследователи: «С Хатон-батаром Максаржабом партизанский штаб стал разговаривать с позиции силы. 28 августа на съезде делегатов Подхребтинского и Малоенисейского районов монгольские представители потребовали от русских колонистов в 40 дней выселиться на правобережье Енисея. Партизаны заявили, что русское население в обиду не дадут. Отношения между русскими переселенцами, урянхами и монголами обострялись. А ведь еще недавно крестьяне Подхребтинского района выдавали монголам казаков…»[196]. По воспоминаниям И.Г. Сафьянова, проблемы у русских жителей Подхребтинского района в отношениях с монголами возникли сразу по прибытии последних в этот район: «Русские поселки этого района выслали в монгольский штаб делегацию в составе 4 человек с хлебом, солью и белым флагом, но их встретили выстрелами, троих убили, один убежал. Тогда русские жители послали вторую делегацию, которой удалось начать мирные переговоры»[197].

В «Деле Щетинкина и Кравченко» отмечается: «25 августа собрался краевой съезд делегатов населения Подхребтинского и Малоенисейского районов в г. Белоцарске. На съезд были приглашены как чиновники Монгольского правительства, так и Сойотские нойоны. Здесь монгольский чиновник предложил населению М-Енисейского и Подхребтинского районов выселиться

из-за Енисея на правый берег... Это якобы есть распоряжение Монгольского правительства. Мы решительно протестовали против такого бесчеловечного распоряжения и заявили, что население в обиду не дадим... мы указали, что население желает поступить под покровительство Монголии; будет выполнять все распоряжения властей, нести повинности и все обязанности возлагаемые покровительством. Монголы же охраняют русское население преследуя злоумышленников... Тогда монголы предложили все русские поселки соединить в два пункта, куда переселятся все прочие поселки... Тогда нами было предложено представить крестьянам сорганизовать самоуправление... в обеспечение порядка и спокойствия в поселках крестьяне организуют самоохрану. После некоторого колебания предложение было принято. Причем монголы обещали снабдить оружием поселковые самоохраны. Разумеется, своего обещания они не выполнили...»[198].

В сентябре 1919 г. Крестьянская армия покинула Урянхай. Вся власть в столице перешла в руки монгольского штаба. Российский консул у Улясутае 23 сентября 1919 г. докладывал в Омск: «Китайский правительственный комиссар Ян Шичао сообщает, что большевики очистили Урянхай... Белоцарск опустошен... Максаржап просит указаний своего правительства о порядке управления городом. Русские не пропускаются им ни в Урянхай, ни в Монголию. Выезд китайцам свободен»[199]. Организованный монголами следственный комитет собрал материалы о насилиях и преступлениях в отношении тувинцев со стороны русских властей и направил их в Минусинск с председателем комиссии русского населения по делам с Монголией Алексеевым.

Став реальной государственной властью на юге Енисейской губернии, командование красных партизан вынуждено было заниматься вопросами, в том числе и русско-монгольских отношений в Саянах. Позиция руководства красной Крестьянской армии нашла отражение в послании «Монгольскому Найон Хатан-Батор-Тархон Ванну» от 10 октября 1919 г. за подписью Кравченко, Щетинкина и Иванова. В Документе, в частности, говорилось: «Мы постановили предложить Вам: 1. Объявить по своему отряду и всем сойотским нойонам, чтобы они объявили по своим хошунам — если кто причинит какую либо обиду русскому населению, то высылаемый нами отряд будет расправляться с ними самым беспощадным образом. 2. Примите самые строгие меры к искоренению грабежей и убийств собственными средствами... 6. До следующей весны — согласно договора — Вы не должны выселять русское население из Подхребтинского и Мало-Енисейского районов и в случае принятия ими Монгольского подданства. Оставить их жить на своих местах. 7. В случае несоблюдения одного из означенных пунктов... мы будем вынуждены обратиться к правительствам Китая и Монголии, которым укажем на Ваш образ действия, как не отвечающий интересам сих правительств, и во вторых — явимся в Урянхай уже не как друзья, но как мстители за вероломство и издевательство над правами и личностью человека в частности и над святостью договоров в общем. Предупреждаем — и повторений не ожидайте. Повторение будет Нами произведено при помощи пушек»[200].

Угрозы со стороны Минусинска, да еще от армии, ведущей тяжелые бои с колчаковскими войсками, слабо защищали интересы русского населения в Засаянском крае. Решение вопросов русско-монгольских отношений перешло в ведение местных органов самоуправления. В

протоколе общего собрания граждан Усинской волости за 19—20 октября 1919 г., в частности, говорилось: «Затем посланный в Штаб Монгольской Армии делегат Павел Софронович Медведев сделал словесный доклад Общему Собранию о положении дел у русских с урянхаями и взаимных отношениях русских с Монголами. Из доклада Медведева видно, что Монгольский Саит Нойон обеспечивает русским, проживающим в Урянхае и Усинском округе полную безопасность на основании международных прав, при условии сохранения мирных отношений русских с Монголами…»[201].

Развитие русско-монгольских взаимоотношений было показано в Докладе Общего Собрания крестьян Усинской волости, отправленном в Главный штаб Крестьянской армии Минусинского фронта. В документе, в частности, говорится: «1. После ухода отрядов Крестьянской армии из пределов Урянхая, жители как Подхребтинского, Мало-Енисейского района, так и Турано-Уюкского и Усинского района, остались на произвол судьбы... 3. В Подхребтинском районе существовала Комиссия Русского населения в Урянхае по делам с Монголией, утвержденная Краевым съездом при участии Крестьянской армии во время ея пребывания здесь в Урянхае... комиссии удалось восстановить нормальную жизнь русских там... Постановили: иметь единый орган и представительство в Урянхае пред Монгольским Штабом. Центральное управление коей постановлено иметь в Верхнее-Никольске и отдел управления в селе Усинском. 8. После объединенного заседания. Комиссия выехала в Монгольский Штаб, и вручивши свои полномочия и протокол объединенного заседания, приступила к переговорам от имени всего русского населения в Урянхае... 9. После переговоров Саит-Найон заяви, что русские могут оставаться здесь и иметь законное право на жительство в Урянхае как

мирные жители, не имея военных организаций, согласно международных прав ... 11. Теперь в наших районах благодаря работе объединенной комиссии постепенно водворяется порядок. Монгольским Штабом командирован отряд Монгольских солдат под командой начальника Багдан-Максыр-Шагда-Тужумет, который посетил и наш Ус. Отряд стоит около поселка Туран. 12. Но за последнее время, Ус снова приходит в волнение. У нас организовался Военный Штаб Усинского полка на общем котле при казарме. Это заставило обратить внимание Монгольского штаба и оттуда получаются тревожные вести. Организация представлена там в увеличенном и искаженном виде и вызвала с их стороны тайную разведку на Усу. 13. Поэтому пришлось, во избежание дальнейших недоразумений, устроить приезд Монгольского Начальника на Ус, чтобы ликвидировать недоразумение и представить точное состояние Усинского полка. 14. Монгольская миссия тактично указала Совету, Комиссии и Начальнику Штаба о недопустимости политической военной организации в Урянхае, как на основании бывших переговоров Монгольского штаба со Штабом Крестьянской Армии, так и на основании создавшегося положения в Урянхае и в заключение всего оставила на имя начальника Штаба письменное отношение, где ставит на вид отряду, что при всей ихней тактичности они не могли повлиять на русских представителей и в случае, если это вызовет приезд для переговоров об военной организации отряда солдат из 500 или 600 человек, то вина падает на Штаб Усинского полка. 15. Монгольский Начальник Отряда заявил, что их правительство для себя не признает ни красных ни белых... русские, если желают здесь жить, должны представлять из себя мирных жителей без военных организаций под покровительством Монголии, пока в

России не будет единого центрального органа, с которым бы Монголия могла решить вопрос об Урянхае...»[202].

Монгольское командование развернуло активную деятельность не только на территории Тувы, но и поставило под свой контроль территорию Усинской волости. На это указывает содержание протокола «Объединенного заседания членов Усинского волостного совета крестьянских, рабочих и армейских депутатов, комиссии от русского населения по делам с Монголией и Штаба Усинской крестьянской армии», состоявшегося 7 ноября 1919 г. в селе Верхне-Усинском. В документе говорится: «2) Заслушав словесный доклад Медведева П.С. о приближении монгольцев в село В-Усинское для личных переговоров о положении дела с Монголией. Постановили: ... Монгольцев принять Комиссии по делам с Монголией приличным образом, коей поручаем вести переговоры с ними. Отвод квартир. Заготовку продовольствия и отправку в обратный путь возложить на председателя Совета Медведева Е.Н.»[203]. В «Протоколе Заседания Усинского волостного совета крестьянских, и рабочих депутатов и комиссии от русского населения по делам с Монголией» от 16 ноября 1919 г. было зафиксировано решение просить Главный штаб Крестьянской армии согласиться с переименованием Усинского крестьянского полка в самоохрану, как того требовало монгольское командование.

Общее виденье ситуации в международных отношениях в регионе нашло свое отражение в протоколе заседания Усинского волостного совета от 8 декабря 1919 г. В документе отмечалось: «Урянхайский же край неизвестно кому принадлежит, Сойотам, Монголам или Китаю, почему все живущее в Урянхае Русское население должно быть под покровительством России, но благодаря происходящей в России революции, в настоящее время Россия не может обратить должное

внимание на Урянхайский край, почему, временно, до установления в государстве центральной власти, нам самим надлежит установить образ правления в Урянхайском крае»[204]. В наказе делегатам 8-го съезда русского населения Урянхайского края Усинский волостной совет написал: «Отношения с монголами должны быть чисто добрососедские и самые дружественные, о чем заявит съезду и просить у Монголов гарантии, чтобы все проживающие в Усинско-Урянхайском крае Русские мирные жители могли проживать в крае беспрепятственно на основании международного права»[205].

Русское население Усинско-Урянхайского края вынуждено было идти на уступки монгольскому командованию. Достигнутые же между партизанами и монгольскими властями соглашения соблюдались плохо. Как говорилось в следственных материалах за 1920 г.: «В сентябре м-це прошлого года в объединенном заседании Армейского Совета и Главного штаба в г. Минусинске был заслушан доклад делегатов Подхребтинского района... бесчинства сойотов продолжаются, грабежи, воровство и убийство обычное явление и что в этом принимают участие и монголы, так, например, жители поселка Владимировка арестовали 20 человек монголов и с оружием представили в монгольский штаб... Было постановлено написать монгольскому чиновнику и в китайский штаб в Шагонаре и напомнить им об их обязанностях, во избежание могущих быть неприятностей. Затем Усинские делегаты сообщили, что монголы занимают уже Уюк и Туран, где жителей обложили податями, и что сойоты появились верстах в 35-ти от Н-Уса и вырезали несколько семейств... После сего несколько времени спустя приезжали в Минусинск члены Урянхайской комиссии — Алексеев и Ужев, которые обуславливали действия монголов несколько мягче, но не отрицали всего

вышеизложенного и говорили., что белых в Штабе монгольском нет... Однако вновь прибывшие Усинские делегаты опровергали сказанное членами комиссии. Они указывали на то обстоятельство, что Алексееву монголами возвращены украденные у него лошади и возвращено прочее имущество и потому он смотрит на них сквозь розовые очки. А все прочие пребывают в том же беспомощном положении... есть все основания полагать, что Монголы идут на Ус по совету наших буржуев рисующих возможность безнаказанного захвата цветущего района. Главный штаб Минусинского фронта послал монгольскому чиновнику предостерегающее письмо, предупреждающее опрометчивость шага в этом направлении...»[206].

Оставленный после ухода из Засаянского края в качестве начальника Белоцарского гарнизона командир Канского полка К.М. Логвинов докладывал в главный штаб Крестьянской армии: «монгольские войска стоят у большого порога по Енисею, жители из Елуня и с Уса все выехали и разбрелись по берегу Енисея...»[207]. В ноябре 1919 г. Усинский округ по причине давления монгольского командования и отсутствия поддержки со стороны большинства местного русского населения стала покидать так называемая Усинская Крестьянская армия (Усинский полк Крестьянской армии). В предписании Главного штаба Крестьянской армии от 22 ноября говорилось «об отозвании отряда в г. Минусинск, в случае, если население не найдет нужным содержать отряд на свои средства полученные через самообложение»[208]. Само местное население оказалось в сложной ситуации выбора, — на какие же силы опереться для защиты собственных интересов. В протоколе общего собрания граждан Усинской волости от 14 декабря 1919 г. говорилось: «Усинский отряд содержать до возвращения делегатов с Краевого съезда... За-

слушано воззвание Усинского отряда к населению Усинского и Урянхайского края о призыве в ряды Усинской крестьянской армии — причем желающих поступить в армию не оказалось»[209].

Русские крестьяне показали свое видение общей ситуации в начале 1920 г. в «Докладе Общего собрания крестьян Усинской волости в Главный Штаб Крестьянской Армии Минусинского фронта». В документе говорится: «Монгольским штабом командирован отряд монгольских солдат под командой начальника Богдан-Максыр-Шагда-Тужумет, который посетил и наш Ус. Отряд стоит около поселка Туран. Но за последнее время Ус снова приходит в волнение. У нас образовался военный штаб Усинского полка на общем котле при казарме… пришлось, во избежание дальнейших недоразумений, устроить приезд Монгольского Начальника на Ус, чтобы ликвидировать недоразумение и представить точное состояние Усинского полка… Монгольская Миссия тактично указала Совету Комиссии и Начальнику Штаба о недопустимости политической военной организации в Урянхае… Монгольский Начальник отряда заявил, что их правительство для себя не признает ни красных ни белых, и не может допустить военной организации, как со стороны красных, так и со стороны белых... пока в России идет революция, русские, если желают жить здесь, должны представлять из себя мирных жителей без военных организаций под покровительством Монголии, пока в России не будет единого центрального органа, с которым бы Монголия могла решить вопрос об Урянхае. Монгольское начальство не имеет ничего, если у русских будет организация самоохраны, а не военный Штаб и дали подписку, что у мирных жителей они не могут отбирать оружие... В конце Ноября, здесь распространился слух, что сюда возвратились из Минусинска 6 челов.

бежавших белых… В начале Декабря здешний отряд выезжал на заимку Шикиных для поимки беглецов, где встречался с Монгольским отрядом, но разъехались благополучно и даже без выстрела… После чего наступило некоторое успокоение и так продолжалось до 27 Декабря»[210].

Для разрешения противоречий между русским населением и монгольскими властями в Туве русская Комиссия по делам с Монголией, созданная Подхребтинском районе Урянхайского края еще летом 1919 г., созвала специальный Крестьянский съезд, который открылся 15 декабря 1919 г. в поселке Верхнее-Никольском. Делегатов на этот съезд избирали во всех русских поселках Тувы и Усинского округа. Например, 2 декабря в Совет Усинского Пограничного Округа пришло предписание от Комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией с просьбой избрать от Совета делегата на этот съезд[211]. В работе съезда принимали участие представители монгольского штаба в Туве — чиновник Чанпук Мерин (Мейрен) и уполномоченный по русским делам Найдан.

В Протоколе 8-го Крестьянского съезда в Верхне-Никольском были зафиксированы следующие договоренности и решения: «По объяснению Монгольских представителей постановили: русское население должно быть под покровительством Монголии, Монголия принимает на себя защиту русского мирного населения в крае…»[212]; «На основании предписания Монгольского штаба присланного с уполномоченными Найдыном и Чампук мерин от 7-го Декабря 1919 года съезд подчиняется требованиям Монгольского штаба и уплачивает требуемое количество сеяной пшеничной муки»[213]; «По вопросу восстановления Краевой власти, Монгольские уполномоченные заявили, что ни не могут восстановить власть в Урянхае, ибо в крае является властью

монгольский штаб, и они могут допустить только Комиссию, как представительство русского населения перед монгольским штабом и русскою властью в Урянхае съезд подчиняется заявлению монгольских уполномоченных и просит Комиссию, существующую раньше, остаться при исполнении своих работ» [214]; «по 11-му вопросу О присоединении В.-и Н.-Усинских селений в окончательной форме к Урянхайскому Краю, Монгольские уполномоченные заявили, что Ус на одинаковом положении с Урянхайским краем, причем заявили представить посемейные списки селений Усинского округа в монгольский штаб. Беря во внимание что Усинский округ на одинаковом положении находится с Урянхайским краем в отношении опасности со стороны урянхов, съезд постановил: От имени Краевого съезда возбудить ходатайство пред русской центральной властью об отделении Усинского округа от Минусинского уезда, и присоединении его к Урянхайскому краю»[215]; «О мобилизации в Крае, съезд постановил: На основании заявления монгольских уполномоченных о недопустимости мобилизации в Крае, съезд подчиняется заявлению Монгольской Миссии и отклоняет мобилизацию»[216]. В последний день съезда, 17 декабря, делегаты выбрали новый состав Комиссии по делам с Монголией, отказавшись при этом принять самоотвод членов Комиссии прежнего состава.

Русские представители наметили программу совместного с монголами решения проблем и противоречий, обострившихся в регионе. На это указывают такие записи в Протоколе съезда: «О расследовании положения дел в Тоджинском районе, съезд постановил командировать члена Комиссии Е.П. Башкирцева с полномочием от Монгольского Штаба для прекращения там беспорядка… дав ему охрану от монгольского штаба из двух человек солдат для исполнения»[217].

Командование Крестьянской армии в Минусинске в целом негативно восприняло русско-монгольские договоренности в Туве. Особенно много вопросов вызвали притязания Монголии на Усинский округ. В послании из Минусинска говорилось: «Усинскому Волостному Совету. Прилагается при сем два пакета. Адресованный Вам вскройте и обсудите, другой таково же содержания — адресованный на имя монгольского сановника — перешлите по назначению, и действуйте согласно изложенному в нашей ноте. Дайте понять — монгольскому сановнику, что Вы в его покровительстве не нуждаетесь, и что если он все же не оставляет своих намерений занять Ус, то пусть мотивирует свои притязания на это действие официально, т. е. на бумаге. Хотя и нет смысла ввязываться в войну с Монголией, но тем не менее и отдавать Ус — не имеется надобности…»[218].

Сложившийся в Засаянском крае клубок противоречий в русско-монгольских отношениях привел в конечном итоге к вооруженному столкновению. В следственном «Деле Щетинкина и Кравченко» дается следующая картина столкновения: «Обращаясь затем к последним известиям, мы из протокола Усинского волостного совета видим, что в Усе был бой Усинского отряда с монголами, при чем со стороны монголов убито 4-ре человека, в числе коих был чиновник, слывший за весьма умного человека, пользующегося большим авторитетом среди монгол. Монголы будто шли под белым флагом с целью переговоров. И кто открыл первым стрельбу — неизвестно и что монголы грозят мщением за своего чиновника, обещая вырезать весь Ус... перед сим событием был съезд крестьян всего Усинско-Урянхайского края, где монголы предложили обезоружить Усинский отряд, но им ответили, что оружие они сдадут в Минусинске, откуда таковое получили Главный Штаб ответил на имя того же

Монгольского чиновника, чтобы он в своих действиях воздержался от прибытия делегата от армии советских войск, который выяснив происшествие примет все меры к наказанию виновных. Согласно же показания тов. Квитного — дело обстояло таковым образом. В М.-Енисейском районе сельские самоохраны вылавливали в тайге казаков, что дало возможность вооружить 50 человек, составивших боевой отряд. Монголы потребовали разоружения этого отряда и выдачи оружия. Отряд не согласился и ушел на Ус, причем по дороге имел бой с монголами, затем в бытность на Усу когда Усинский отряд выполнял предложение Главного штаба пошел на соединение с армией в Минусинск и прикрывал дорогу на Григорьевку. Монголы в числе 100 человек напали на Ус. Накануне они прислали в Усинский Совет записку, предлагая жителям не принимать участия в бою, что завтра они откроют бой с красными. И что Усинский совет пишет якобы монголы шли под белым флагом — не верно. У них флаги был желтые »[219].

Наиболее подробное описание русско-монгольского вооруженного столкновения было дано в «Докладе Общего собрания крестьян Усинской волости в Главный Штаб Крестьянской Армии Минусинского фронта». Но в этом документе представлен другой взгляд на проблемы русско-монгольских отношений, дана оценка произошедшего конфликта со стороны местного русского населения Усинского района. В документе говорилось: «...27 Декабря. Вечером этого числа прибыл в село В-Усинское отряд Мало-Енисейских армейцев около 50 человек. Утром 28 Декабря получилась записка от Монгольского отряда на имя члена Комиссии П.С. Медведева следующего содержания: «П.С. Медведеву. Монгольский отряд имеет честь сообщить Вам, что из Малого Енисея убежали 60 человек красных, мы

идем сзади, потому прошу объявить народу, чтобы они не смешались с ними, если будет находиться с красными, то мы объявляем бой и прошу Вас немедленно явиться на переговоры». Вскоре после этого на Большой улице, против Армейского штаба, произошла стрельба между прибывшим Монгольским отрядом и находившимися в казарме при Штабе армейцами, кто первый начал стрельбу неизвестно… точно известно, что у передних монгольцев были два белых флага с вышитыми буквами. Во время перестрелки со стороны Монгольцев убито четыре человека, в том числе один чиновник, со стороны армейцев убитых и раненых нет. Ранен в своем доме мирный житель Степан Горбунов, живущий против Штаба. Затем Монголы отступили, а армейцы в ночь на 29 Декабря выступили из села неизвестно куда. Убитых Монголов армейцы спустили в реку Ус. Утром 29 Декабря в проруби против усадьбы Посохина были найдены два трупа монголов, которые из воды извлечены и положены в амбар при штабе, других трупов не нашли, несмотря на самые тщательные розыски»[220].

Почти сразу же после боестолкновения, в ночь на 31 декабря 1919 г., в ставший лагерем в 10 верстах выше Верхне-Усинска монгольский отряд поехал председатель Усинского Совета Медведев. Вернувшись вечером 1 января 1920 г. из монгольского лагеря, председатель сообщил, что монголы хотят отомстить усинцам за убийство своего командира. П.С. Медведев заявил: «Объявлена у них мобилизация всех сайот. Обвиняют красных в нарушении мирного договора… можно ожидать, что усинцам они жестоко отомстят»[221].

Красные партизаны настаивали на продолжении вооруженного противостояния, а только что освобожденный из колчаковской тюрьмы в Красноярске И.Г. Сафьянов предлагал «Послать на Ус отряд не ме-

нее 200 штыков»[222]. Однако местное русское население придерживалось другой позиции. Общее собрание крестьян Усинской волости на следующий после боя день постановило «командировать в Монгольский отряд делегатов с отношением следующего содержания: «Начальнику Монгольского отряда. Население села В.-Усинского и дер. Н.-Усинской потрясено и возмущено до глубины души сегодняшней перестрелкой, уполномоченный Совет послал Вам дружеский привет и уверение, что со стороны мирного населения не было и не может быть никакого вооруженного выступления, почему волостной совет просит Вас и вполне надеется, что мирному населению не будет причинено никакого вреда, в особенности убийства беззащитных людей». Вернувшиеся делегаты объяснили, что Монгольцы очень недовольны, что, как они объяснили, они ехали для мирных переговоров, а их встретили огнем, почему намерены жестоко наказать Усинцев, так как по их выражению, все на Усу красные, которых они ненавидят…»[223].

Общее собрание крестьян Усинской волости 2 января 1920 г. написало в Главный Штаб Крестьянской Армии Минусинского фронта: «В настоящее время село В.-Усинское оказалось, что называется, в гробу... того и жди, что вспыхнет война и тогда такое цветущее село должно неминуемо погибнуть, а мирное население — вырезано… По нашему мнению, единственный исход — это не допускать вооруженного выступления армейцев против монголов и таким путем, мы надеемся уладить этот инцидент мирным путем, чего бы он не стоил населению, лишь-бы остаться живыми...»[224].

Руководство монгольского отряда в Туве не стало обострять ситуацию в русско-монгольских отношениях. На это указывает документ следующего содержания:

«В Земство Верхнеусинск. Послан от Саита Г. Штаба Норин Оргии Усинскому Председателю Земства. Уведомляю, что выше названный чиновник выедет из Уютского Штаба 3-го Января с. стиля для осмотра постов, 4-го на Туран, 5-го на Ижим и Желаю быть на Усу на свидания с мирными жителями и поздравить с Новым годом. Пригласил собой Нады Сугиму Сагырчи, и 10 человек солдат. Прошу Усинцев не волноваться, Норин Оргии и Нады Сагирчи. 3 января»[225].

В январе 1920 г. монгольские офицеры и солдаты не раз посещали русские селения Усинской волости Енисейской губернии. В документах нашло отражение разбирательства волостных властей по такому происшествию, как выстрел, произведенный монгольским солдатом на улице села Верхнее-Усинского. Случилось это в время проезда по Большой улице села чиновника Найдана в сопровождении двух монгольских солдат. В другом документе, «Протоколе 1920 года Января 13 дня, село В-Усинское», говорилось: «Я, Председатель Усинского Волостного Совета Савин Колодкин находясь по делам службы в здании Совета, к коему прибыл Монгольский чиновник Танзын-Сайгырчи с каким-то монгольским солдатом в весьма пьяном виде и не заходя в здание Совета, на улице стал требовать на монгольском языке,и, так как его никто не понимал чего он требовал, то членами Совета Филимоновым и Крповым был прошен случайно прибывший в Совет бывший переводчик монгольского языка Парамон Александович Щелкунов, чтобы он побеседовал с Сайгырчи и узнал, что ему нужно... Разговаривая и кривляясь, как пьяный, с Щелкуновым Сайгырчи, без всякой к тому причины, позволил себе взять находившуюся у него в руках 3-х линейную винтовку «на изготовку», намереваясь стрелять в подошедшего церковного сторожа... Затем Сайгырчи позволил себе принесть с собою в Совет бу-

тылку вина и здесь распивать ее в присутствии членов и посторонних, случайно находившихся там лиц...»[226].

Несмотря на то, что вооруженный конфликт продолжения не имел, русско-монгольские отношения в начале 1920 г. осложнялись различного рода конфликтными ситуациями. Например, 13 января у крестьянки деревни Нижне-Усинской Е.Д. Михайловой монгол в сопровождении тувинца «…4 лошадей взяли в свое пользование не уплатив за них ничего и не объяснив причины, почему они так поступают; причем сайот Серентик держал себя вызывающе оскорбительно для нея — Михайловой, как женщины…»[227]. В качестве еще одного примера можно привести выдержки из одного из волостных протоколов: «Мне, председателю Усинского волостного совета Ефиму Суханову, крестьянин села В.-Усинского Изот Петрович Горбунов заявил, что 18 сего января явился к нему брат Монгольского чиновника Маскыр с переводчиком Серен и тремя монгольскими солдатами и спросили, нет ли у него продажных белок... не смотря на то, что он Горбунов на этих условиях отдать белку не согласился, они взяв у него 231 белку, оставили ему 21 талембу, т. е. ... за 21 белку ничего не заплатили, при этом талембу выдали плохого качества... находя проступок этот недобросовестным Горбунов просит об этом донести до сведения Монгольских властей...»[228].

Русское население Засаянского края в начале 1920 г. изменило свою позицию по отношению к монгольской власти в регионе. Комиссия по делам с Монголией к концу января 1920 г., возможно под влиянием политических перемен в Сибири, «перешла в наступление» в отношениях с монгольским штабом. В «Постановлении Комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией в заседании от 23-го января 1920 года в Верхнее-Никольском» говорилось: «Принимая во

внимание, что монгольское правительство в Урянхае нарушило протокол краевого съезда... Применяя расстрелы без ведома комиссии над русским населением в Урянхае чиня самосуды и обирая все имущество арестованных в собственную пользу; беря во внимание, что население в высшей степени взволновано всеми насилиями монгольских солдат во всех местах урянхайского края, а так же и их чиновников, Комиссия настоящим постановлением ставит монгольское правительство в известность, что население взволновано нарушением протокола краевого съезда со стороны Монголии, издевательством монгольских солдат, дабы впоследствии за последствия не была виновата комиссия. На основании всего вышеизложенного Комиссия слагает с себя возложенные на нее Краевым съездом полномочие напоминая, что при таком положении работа Комиссии не имеет значения. Комиссия при выходе из управления убедительно просит монгольское правительство, прекратить беспорядки чинимые монгольскими солдатами, так же и всех требований со стороны Монголии как то: выдавать подводу Монгольской Армии содержания монгольских отрядов за счет русского населения и 5 пуд сеяной муки как требование Монгольского штаба, так как русское население в Урянхае нынешние года в большинстве разграблены шайками урянхов, масса украдено лошадей и хлеб вытравленный сойотскими табунами, потому обездоленное русское население не может нести всех повинностей...»[229].

Изменения во русско-монгольских отношениях в Засаянском крае, вероятно, были вызваны изменением позиции центральных властей Монголии. И.Г. Сафьянов писал: «монгольское правительство Хутухты-Богдо-Геген-Хана думало иначе. Оно не только не одобряло завоевательной политик своих военных

представителей в Туве и их намерения ликвидировать китайцев, но дало распоряжение не вмешиваться дела русской колонии, не переходить больше русской границы... Сменивший старого новый начальник монгольского отряда Чамзы-Бейсы не стал вмешиваться в дела русских колонистов»[230].

В «Постановлении Комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией в заседании от 26 го января 1920 года в поселке Краснояровке» говорилось: «Принимая во внимание, что по личному заявлению Саит найона, он не был поставлен в известность об угнетенном положении русских в Урянхае — указанной в постановлении комиссии за № 3 Переговоров 25 января, мы, находя со своей стороны невозможным то положение русских... постановили: Указать Господину Саит найону на необходимость переустройства жизни русских в Урянхае, которое может водворить мир и спокойствие среди русских. Мы полагаем, если господин саит нойон, на основании положения русского населения в Урянхае по справедливости освободить русское население от сбора муки подвод и других требований; даст независимость самоуправлению русских и удалит тех лиц, которые являются виновниками в нарушении мирной жизни; тогда водворится мир и спокойствие среди русского населения в Урянхае. В случае же отказа дать населению гарантии ее освобождения от гнета, мы при исполнении своих обязанностей оставаться не можем, и просим освободить русских от всех требований со стороны Монголии до созыва Краевого съезда…»[231].

В конце января состоялись русско-монгольские переговоры, которые председатель Комиссии П.С. Медведев вел с командиром монгольского отряда в Туве «Саит Найоном Чин-Цеттильд-оес-докмсоран». Переводчиком на русско-монгольских переговорах был

тувинец «Пичиола Чеду сумо проживающий по реке Тапсе». Монгольское командование пошло на уступки, признав справедливыми почти все требования русских. В «Протоколе переговоров комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией с 1920 года от 25-го по 29-го января» был записан ответ «Соит Найона» на русские претензии: «Мне не было известно о всех незаконных действиях Монгольских чинов и солдат насилий над русским мирным населением, а так же дерзости и неопытности переводчика русского языка Нойуана, который довел до беспорядков в Урянхае, нарушил дружественные отношения между русскими и монголами. Мне не было также известно о тяжелом положении русских, потому я благодарю Вас, что Вы поставили меня в известность обо всем, что доложили Вы мне. Поэтому я предлагаю приступить к переговорам по ликвидации создавшегося положения…»[232].

П.С. Медведев передал монголам «постановление Комиссии за № 3 от 23-го января, при личном словесном докладе об угрожающем положении создавшемся среди Русского населения по причине насилий со стороны Монголии над русским мирным населением». На первый план в это время вышли проблемы международных отношений в регионе. Русские делегаты задали монгольским представителям следующие вопросы: «1. В каком положении зависимости находится Монголия по отношению к Китайской республике. 2. В каком положении остается русское население в Урянхае, если Монгольский штаб уйдет отсюда…»[233]. Командир же монгольского отряда дал следующие ответы: «Хотя китайские войска и вышли из Пекина с тем, чтобы захватить власть в свои руки в Монголии и Урянхае, много получаются сведения из Урги, что им этого не удастся привести в исполнение и по этому вопросу в настоящее время идут переговоры. Результат переговоров

сейчас неизвестен, но, во всяком случае, если и придут в Урянхай китайские войска, то они придут не ранее весны или лета если вопрос разрешится в их пользу. Китайцы же стараются нарушить исторически дружественные отношения Монголов и русских, потому распространяют ложные слухи. Китайцы действуют здесь по самопроизволу, пользуясь отдаленностью края. Хотя они и не подчиняются нам здесь. Но и мы ни в коем случае не можем подчиниться им... Ни в коем случае Монгольский отряд не уйдет отсюда в скором времени. Все слухи по этому поводу являются ложными. Тоже касается отправки много солдат из Штаба, то мной производится обычнее увольнение солдат вместо которых придут другие солдаты, въехавшие в Урянхай китайцы для торговли распространяют ложные слухи об уходе нашего отряда и мы надеемся, что весной за их злонамеренную ложь их выдворят отсюда... Я не могу дать своего согласия, чтобы комиссия сложила свои полномочия. Я настаиваю, чтобы комиссия осталась при исполнении своих обязанностей…»[234].

По поводу проблем русско-монгольских взаимоотношений монгольское командование пошло на уступки русскому населению. В Протоколе были зафиксированы следующие высказывания монгольского представителя: «С своей стороны признаю виновными своих солдат и чиновников в нарушении дружественных отношений монголов и русских и даю обещание принять строгие меры к прекращению всех беспорядков... Я согласен ради дружественных отношений пересмотреть ранее заключенные условия и пойти на уступки…»[235]. Вообще, ныли найдены следующие компромиссы: русские будут давать монгольским войскам не более 5 подвод в неделю; вместо 5 пудов с каждого двора русские обязаны были сдавать монголам по 4 пуда белой муки, а неимущие полностью освобождались от сборов

в пользу монголов; монголы приняли обязательство самостоятельно не арестовывать русских. В завершение переговоров — «По 5-му вопросу постановили: для ведения дел восстановить отдел комиссии в монгольском штабе, для этого штаб уступает комиссии юрту и отпускает бесплатно по три человека мяса»[236].

В целом, русское население в начале 1920 г. было довольно состоянием взаимоотношений с монгольскими представителями, особенно на фоне обострения отношений с китайцами. Это заметно по содержанию «Докладной комиссии русского населения в Урянхае по делам с Монголией в Минусинский уездный совет для отпуска его по принадлежности». В документе говорилось: «В настоящее время нами назначаются следствия по делу расстрелянных монголами пяти человек русских… Урянхай в действительности в настоящее время разделен на две полосы. Одну половину занимают монгольцы и вторую половину китайцы, которые в занятую ими территорию не пускают ни под каким видом русских, но тем не менее, разъезжая на русских подводах через русские поселки распространяют разные слухи… В комиссии также имеются документы характеризующие преступные деяния китайцев которые травят русское население, науськивая для этого урянхов и сами оставаясь в стороне. И необходимо отметить, что несмотря на все просьбы со стороны… Там где китайцы, там нет русских.... На рубеже границы разделяющей занятую территорию монголами и китайцами разъезжают шайки вооруженных сайот и забирают от сайот скота… принадлежащий русским, заявляя, что они исполняют по распоряжению Китайского штаба… Нужно отдать должную справедливость, что от этих шаек русское население защищает по мере сил своих монгольский штаб. Характерно отметить: что все преступники указанные в протоколах имеют место своего

жительства в тех хожунах которые подведомственны китайскому комиссару. Все изложенное ясно свидетельствует о несомненном участии китайцев в грабежах и насилиях над русским мирным населением, поэтому комиссия остается в ожидании лиц, уполномоченных Российским Правительством для следствия и переговоров с Монгольским и Китайским правительствами по делам Урянхайского края»[237].

В начале 1920 г. вопрос о современном состоянии и перспективах русско-монгольских отношений в Засаянском крае по-прежнему оставался постоянным предметом обсуждения на собраниях и съездах русского населения Усинско-Урянхайского края. В послании Усинскому волостному совету говорилось: «На 10-е февраля назначается районный съезд в поселке Туранском. Потому предлагаем избрать от 30 домов одного делегата для обсуждения и расследования следующих вопросов: 1. Подсчет всех убытков, причиненных пребыванием Монгольского отряда и распределение его планомерно на все население. 2. Нужна ли охрана монгольских солдат. 3-е. Чтение протокола подписанного Саит Найоном 25-го января для широкого распубликования среди населения»[238].

В конечном итоге, монгольский штаб в Туве утратил возможность контролировать русское население в регионе. В Заявлении руководителей Комиссии русского населения по делам с Монголией говорилось: «Принимая во внимание, что вновь подписанный протокол Саит Найона дает полную возможность восстановить в крае власть по желанию народа согласно всех пунктов указанных в протоколе подписанном 29-го января 1920 года, так как этот протокол лишает права Саит Найона вмешиваться в дела самоуправления русских и помятуя, что комиссия была избрана народом исключительно под давлением Монгольского Штаба... Настоящее заявление

жители правой стороны по течению Енисея должны считать как наш отказ от исполнения своих обязанностей. Совместными силами всей комиссии мы заставили подписать Саит Найона Протокол, который дает русским широкие права самоуправления, потому мы считаем свои дела законченными»[239].

После ликвидации правительство Колчака и установления советской власти в Сибири проблемы русско-монгольских отношений в Засаянском крае перешли в ведение командования Красной армии и центрального правительства в Москве. В январе 1920 г. местные власти Южной Сибири запросы монгольского штаба уже переадресовали «штабу 30 дивизии Российских Советских войск». В середине января 1920 г. из штаба Крестьянской армии сообщили: «Усинскому Волостному Совету. Доводим до Вашего сведения и сведения всего общества, что наша Крестьянско-Рабочая Армия 4-го Января с/г. соединилась с Российскими Советскими войсками, а потому дело Усинского и Урянхайского Края, а также и разбор конфликта между Усинским отрядом и Монголами передаются правительству Советской России на его усмотрение»[240].

Весной 1920 г. по инициативе монгольской стороны в селе Верхнее-Усинском, куда по получении гарантий безопасности прибыл Сайт-нойон Чамзры-бейсе со свитой в 17 человек, состоялись русско-монгольские переговоры. Минусинский ревком уполномочил вести переговоры с советской стороны председателя Усинского ревкома Суслова и командира Усинского отряда С.П. Рутеса. Стороны не смогли договориться, так как монгольский чиновник отверг предложения об установлении советской власти в русских поселках Туве, и организации там воинских отрядов.

После этого вопросами русско-монгольских отношений занялся Енисейский губернский революцион-

ный комитет, направивший туда своего представителя. В апреле 1920 г. молодой сотрудник политотдела 5-й Армии А.И. Кашников был командирован в Туву в качестве особоуполномоченного Минусинского уездного ревкома для переговоров с китайскими, монгольскими и урянхайскими властями. По прибытии он телеграфировал, что: «…отношение указанных властей к Советской России очень доброжелательное…» [241]. Правда, как позднее вспоминал И.Г. Сафьянов: «переговоры товарища Кашникова с Ян-шичао и Чамзры-Бейзе, заменившего в монгольском отряде Хатан-Батор-вана, никаких результатов не имели»[242].

Красноярские историки указывают, что в этих переговорах принимали участие с монгольской стороны «князь Жамсаран-бейс, чиновники Лувсандаш-мэйрин и Нарийнорхи-залан и переводчик-секретарь Лувсаносор» [243]. В воспоминаниях И.Г. Сафьянова говорится: «Со стороны Монголии с правом решающего голоса участвовал сам Сайт-Нойон (Сайт-Нойон Чиксют-Кельты, Бейзэ Чамзры) и с совещательным — Лопсан-Осур, Мерен-Лопсан-Тайжи и Джалан-Мерен-Орге»[244]. Боле того, как пишет советский представитель: «Первым прибыл к Кашникову Сайт-Нойон Чамзы Бейзэ, с которым он еще до приезда Ян-Шичао устроил предварительное совещание 11 мая 1920 года»[245]. На русско-монгольских переговорах были достигнуты следующие договоренности: «допустить свободную торговлю... в системе рек Большого и Малого Енисеев, ограничив с запада его территорию пос. Баянгол... Торговые агенты должны иметь соответствующие мандаты с визой Сайт-Нойона... управление русским населением в Урянхае переходит в руки советского рабоче-крестьянского правительства. Налоги в пользу Монголии, установленные ране... должны быть собраны в пользу Монголии как компенсация за расходы, понесенные Монголией по

охране русского населения... По земельным конфликтам вопросы разрешать Сайт-Нойону совместно с русским комиссаром»[246].

Исследователь Н.М. Моллеров так оценил переговоры: «В мае 1920 г. состоялись переговоры Ян Шичао и командира монгольского отряда Чамзрына (Жамцрано) с советским представителем А.И. Кашниковым, в результате которых Тува признавалась нейтральной зоной... Но достигнутые договоренности на уровне правительств... закреплены не были, так и оставшись на бумаге»[247].

Несмотря на то, что уже в самом начале 1920 г. монгольские власти утратили инструменты контроля над русским населением Усинско-Урянхайского края, а русско-монгольские отношения перешли в ведение центральных властей, местное русское население продолжало напрямую обращаться к монгольским чиновникам. Например, 24 марта 1920 г. на имя «Монгольского Саит-Найона» было направлено следующее послание: «Усинское общество просит Вас, как представителя Монгольской власти обратить особенное внимание на возмутительные действия китайского подданного Ванзер, позволившего явиться с двумя вооруженными солдатами в Присутственное место Русского Государства, произвести убийство нашего выборного общественного Начальника, связать секретаря Бакулина... и увезти неизвестно куда[248]. Полагая, что Секретарь Бакулин увезен китайцами в свой штаб, Усинское общество просит не оставить законную просьбу без внимания и освободить арестованного китайцами — Петра Гурьянова Бакулина, чем премного обяжете и установите прежде существовавшие дружественные отношения между русскими и монголами»[249]. И.Г. Сафьянов написал в своих воспоминаниях: «Убийцы благополучно скрылись. Они почему-то не вернулись на

Кемчик к Ян Шичао, а попали в монгольский штаб, где и сдали увезенного ими Петра Бакунина, которого потом монголы отправили обратно в Усинское»[250].

В начале июня 1920 г. особоуполномоченный А.И. Кашников вернулся в Минусинск, туда же был отозван и отряд Красной армии. В Усинском-Урянхайском крае вновь обострились проблемы и противоречия. Из Усинска телеграфировали в Минусинск: «Из Урянхая прибыл нарочный с сообщением о тревожном настроении населения, все ожидают возможного нападения со стороны урянхов и монголов, которые держатся вызывающе»[251]. В само село Верхнее-Усинское Саит-Нойон прислал чиновника Сайгарчи Лопсана с требованием немедленного выселения из Тувы русское население поселков Атамановка. Элегест и Березовка. Стороны опять вступили в бесконечную переписку со взаимными обвинениями и претензиями. Но неожиданно монгольский отряд покинул Урянхайский край.

В августе 1920 г. из Минусинска в Усинско-Урянхайский край в качестве представителя Сибревкома и уполномоченного Енисейского губревкома прибыл И.Г. Сафьянов. В мандате, выданном ему Сибревкомом еще в марте 1920 г., говорилось: «Тов. Сафьянову поручается установление дружеских отношений, как с местным коренным населением Урянхая, так и с соседней с ним Монголией...».[252] В своей автобиографии И.Г. Сафьянов об окончании русско-монгольского противостояния так написал: «Приехав в Туву, я... вызвал для переговоров представителей Китая и Монголии, но монгольский представитель внезапно снялся и ушел со своим отрядом за пределы Тувы...»[253]. В воспоминаниях И.Г. Сафьянова говорится: «Волревком... поручил председателю русской комиссии по делам с Монголией Старкову поехать к Сайт-Нойону и

просить его прекратить насильственные действия китайских солдат и торговцев. Но Сайт-Нойон в это время, очевидно, окончательно запутался в своей политике которую проводил в Туве, и решил своевременно удрать оттуда. Он отдал неожиданный приказ своим «войскам» выступить обратно в Монголию, и в августе 1920 г. последний монгольский отряд перевалил засыпанные свежим снегом вершины Танну-Ола, сам же Сайт-Нойон Чамзы-Бейзэ был уже около Урги (Улан-Батора)...»[254]. Действительно, И.Г. Сафьянов уже не застал в Туву Сайт-нойона Чамзы-бейсэ, а лишь получил через монгольского главу Маады-сумо Лопсан-Осура привет и сожаление о несостоявшейся встрече монгольского лидера с советским уполномоченным. В сентябре 1920 г. Сафьянов телеграфировал в Новосибирск: «Краевой съезд русского населения Урянхая постановил организовать в своих поселках советскую власть... Отношение туземного населения к советской власти доброжелательное, монгольский отряд покинул Урянхай»[255].

В дальнейшем монгольские представители продолжали посещать Туву с различными поручениями и миссиями. Монгольское правительство еще долго рассчитывало на признание Москвой вхождения Урянхайского края в состав Монгольского государства.

Глава 7
«Урянхайский вопрос» в русско-монгольских отношениях в 1920—1921 гг.

С окончанием Гражданской войны в Сибири новая власть столкнулась с проблемами государственного строительства в регионе. Но новая власть столкнулась и с особой проблемой, так называемым «Урянхайским вопросом», оставшимся в наследство большевикам от Российской Империи.

К началу 1920-х гг. новая российская власть, декларировавшая принципы интернационализма, антиколониализма и классовой солидарности, в выборе своей политики в отношении Тувы оказалась в сложной ситуации. Протекторат над Урянхаем был продуктом экспансии царского правительства, с чем порывали большевики, но обусловлен он был народной колонизацией Засаянского края, и этого новая власть игнорировать не могла. В годы гражданской войны и иностранной интервенции было достаточно примеров как русско-тувинского противостояния, так и активного сотрудничества на почве общих социально-классовых или регионально-культурных интересов. В конечном итоге, новая власть должна была определиться в приоритетах — мировая революция или жизнеспособное новое государство рабочих и крестьян.

После победы Советской власти в 1920 г. «Урянхайский вопрос» вновь был поставлен на повестку дня. ЦК РКП (б) признал «формальные права Китайской Республики над Урянхайским краем». Сделано это было в согласии с Сибревкомом, еще конце 1920 г. И.Н. Смирнов сообщал В.И. Ленину: «Формально Урянхай находится под протекторатом Китая, фактически там борьба за влияние между Монголией, Китаем

и нами. Местное население, сойоты, аполитичны, никакого влияния на жизнь края не имеют».[256] Вскоре Сибревком «передал» тувинцев под власть Урги, 2 марта 1921 г. И.Н. Смирнов и Б.З. Шумяцкий телеграфировали Г.В. Чичерину: «В соответствии с принятым Вами осенью решения оказать реальную помощь Монгольской Народно-Революционной партии в деле восстановления независимости (Монголии) полагали бы необходимым, чтобы независимая Монголия включала в свой состав и Урянхайский край»[257]. Осталось только решить этот вопрос «технически», что оказалось не просто.

Следует отметить, что и в регионе местные русские власти, вслед за партизанами армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина, летом 1920 г. признавали китайско-монгольскую власть над Тувой, хотя и с некоторыми оговорками. Об этом, в частности, свидетельствует «Протокол совещания Минусинского уездного ревкома об Урянхайской экспедиции» от 3 июня 1920 г. В документе говорится, что в Белоцарск был командирован представитель Минусинского уездного ревкома Кашников для переговоров с китайскими, монгольскими и урянхайскими властями[258]. 8 июня 1920 г. в Минусинске было принято «Постановление Уревкома», в котором говорилось: «Согласно договору с Правительством Монголии в Урянхайский Край Минуэконотом посылается экспедиция в составе представителей от Горной и Химической секций»[259]. Правда, летом 1920 г. активно шел и процесс оформления Советской власти на территории Тувы. В письме Усинского волостного ревкома в Минусинск сообщалось: «Командированными в Урянхайский Край армейцами 10 особого отряда Кирюшкиным, Боровиковым и др. организовано 24 Сельских Ревкома, которые в настоящее время осаждают Волревком всевозможными требованиями, како-

вые Волревком, за неимением канцелярских рабочих сил, бумаги и руководящих указаний свыше относительно Русского населения в Урянхае, положительно не имеет возможность выполнить. Если правильно поставить дело в Урянхае, то для этого нужно организовать не менее 5—6 Волостных Ревкомов, во главе с Комиссаром...»[260]. Но при этом 10 июля 1920 г. из Минусинска в Усинск была отправлено предписание: «разверстка на Урянхай не распространяется, а если это Вами сделано, то придется ее приостановить»[261].

Дальнейший ход процесса государственного строительства в Туве был определен выбором официального представителя Советской власти в регионе. Сильные позиции демократической составляющей новой власти в первые послереволюционные годы обусловили назначение новой властью наиболее авторитетного и известно представителя местной революционной элиты — Иннокентия Сафьянова.

Сын богатейшего в регионе купца, и при этом уже в юности бывший сторонником революции в России, И.Г. Сафьянов являлся ярким представителем региональной элиты. После начала революции 1917 г. он озвучил свою позицию так: «Сальчжакский хошун в лице своих представителей сделал заявление о том, что желал бы в дальнейшем перейти под покровительство Монголии… Признавая такое желание Сальчжаков вполне законным и допустимым, я только хотел бы сказать им, что прежде чем возбуждать этот вопрос перед Новым Русским Правительством нужно глубоко подумать о том, где будет лучше сойотскому народу… Я лично, как свободный гражданин свободной Сибири, желал бы видеть весь сойотский народ вошедшим в состав нашей Великой Российско-федеративной республики и живущий спокойной, здоровой жизнью, сохраняя свою веру, нравы и обычаи»[262].

Уже весной 1918 г. И.Г. Сафьянов возглавил военную экспедицию, Минусинского Совета в Туву, занял должность заместителя председателя исполкома Урянхайского краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. В это время проявилось различие подходов «регионалов» от представителей центральной власти. В июне 1918 г. в газете «Известия Минусинского Совета» сообщалось: «...Советская власть, защитница прав угнетенного человечества... признала за урянхайским народом право определить свою судьбу, а вместе с тем решать также и то, кому должен принадлежать Урянхай, — России, Китаю, Монголии или быть самостоятельным государством»[263]. 16 июня 1918 г. на заседании съезда русского населения Урянхайского края большинством голосов была принята предложенная И.Г. Сафьяновым резолюция: «Заслушав решение сойотского народа о самоопределении, в силу которого весь сойотский народ объявляет себя отныне совершенно самостоятельным, не зависимым ни от кого народом, краевой съезд представителей русского населения в Урянхае приветствует это решение сойотского народа»[264].

Именно только что освобожденному из колчаковской тюрьмы в Красноярске И.Г. Сафьянову был выдан мандат на представительство Сибревкома в Туве. И на съезде русского населения Урянхайского края его заочно приветствовали в качестве лидера края и представителя Сибревкома. 20 июля 1920 г. на заседании президиума Енисейского губкома РКП (б) было решено: «Предложить Прегубревкома отправить временно в качестве уполномоченного Советского Правительства тов. Сафьянова, предписав ему самое бережное отношение к сойотам и самое вдумчивое и разумное проведение политики в отношении Монголов и Китайских

властей»[265]. 11 августа 1920 г. И.Г. Сафьянову вновь был выдан мандат особоуполномоченного, за № 10974.

С первых же дней работы в качестве представителя Советского правительства И.Г. Сафьянов четко обозначил свою позицию. В «Докладе Особоуполномоченного по делам Усинского Пограничного округа и Урянхайского края» говорилось: «Никаких осложнений в международных отношениях наше вмешательство в политическую жизнь Урянхая следовательно не вызовет, а нам оно поможет безболезненно и скоро установить наши добрососедские отношения с урянхами, а монголам и китайской шайке лишний раз покажет силу и мощь нашего Рабоче-Крестьянского Правительства, которое и здесь, в далеком, заброшенном уголке, твердо и неуклонно защищает интересы всех трудящихся без различия их национальности и международного положения… Над тем, что русские поселки расположены на чужой территории, что еще недавно монголы с нагайками в руках гнали их отсюда, делегаты съезда особенно не задумались, для них теперь стало ясным, что с организацией советской власти, этой истинной защитницей всех трудящихся, где бы они ни были, этот сложный больной вопрос разрешится легко и безболезненно. Враждебное чувство к саетам также исчезло, как только все поняли, что и тут можно найти выход, стоит лишь внимательней отнестись к нуждам саетского народа и не игнорировать же законных требований к нам»[266].

В 1920 г. И.Г. Сафьянов не признавал никаких прав Монголии и Китая на Урянхайский край, национальный вопрос в Саянах он предлагал решать не путем государственного размежевания по национальному признаку, а путем обеспечения права тувинского народа на самостоятельное развитие через покровительство Российского государства. Политика, проводимая в Туве

И.Г. Сафьяновым, отражала интересы и соответствовала, если можно так сказать, менталитету местного русского и тувинского населения. Но она во многом противоречила интересам центра и была далека от политических и идеологических установок большинства лидеров ВКП (б). Относительная самостоятельность в действиях уполномоченного Сибревкома и его единомышленников обеспечивалась традициями местного общества и демократическими установками Советской власти.

Для реализации своей программы И.Г. Сафьянову нужна была поддержка в вышестоящих органах власти. Первоначально ему удалось добиться лишь некоторой поддержки со стороны председателя Сибревкома. В «записке по прямому проводу И.Н. Смирнова В.И. Ленину» в ноябре 1920 г., в частности, говорилось: «Считаю необходимым двинуть из Усинска отряд не более полка, чтобы, не присоединяя Урянхая к Совроссии, очистить его от грозящих нашему спокойствию банд и укрепить там организованную там Советскую власть, после чего вернуться в исходное положение. Ожидать протеста со стороны Китая и Монголии в настоящих условиях не приходится»[267]. Правительство Советской России удовлетворило просьбу Сиббюро ЦК РКП (б). В конце 1920 г. в Урянхайский край были введены части 352-го полка и 118-й бригады 5-й Армии, численностью в 300 штыков. Тем не менее, в ответ на обращение Г.В. Чичерина к И.Н. Смирнову с просьбой сообщить мнение Сибревкома по «Урянхайскому вопросу», в Москву было отправлено постановление Сиббюро ЦК: «Сиббюро обсуждало Урянхайский вопрос совместно с Шумяцким и пришло к заключению: Урянхай должен со временем войти в состав Монгольской Республики. Декларировать это нет необходимости»[268].

Центральная власть вскоре попыталась удалить активного «регионала» из Тувы, 3 января 1921 г. И.Г. Сафьянов был назначен возглавить Минусинский уездный отдел по делам национальностей. Однако равноценной замены И.Г. Сафьянову, очевидно, не нашли, в Омске, куда он приехал в феврале 1921 г. на «Совещание туземцев Сибири», вновь получил назначение в Урянхайский край. В марте 1921 г. было принято решение оставить в Туве И.Г. Сафьянова, а вступившего с ним в конфликт политпредставителя Реввоенсовета 5-й армии и Восточно-Сибирского округа в Урянхае Б.Н. Великосельцева отозвать из Засаянского края.

Тем не менее, «сибирская столичная власть» не долго терпела «регионала». В решении Сиббюро ЦК РКП (б) от 24 мая 1921 г. было записано: «Тов. Шумяцкий предлагает отозвать из Урянхая т. Сафьянова, проявляющего руссофикаторско-колонизаторские наклонности, и предлагает послать вместо него т. Русалева (из Красноярска), работавшего ранее в Урянхае и понимающего монгольский язык. Постановили: Вопрос об отзыве т. Сафьянова и назначении вместо него т. Русалева отложить до разрешения вопроса об Урянхайском крае в ЦК. Вызвать т. Русалева в Омск для ознакомления с ним на предмет назначения его вместо т. Сафьянова, уведомив Енисейский губком РКП о намерении Сиббюро относительно т. Русалева»[269]. 7 июня 1921 г. Б.З. Шумяцкий опять писал И.Н. Смирнову: «Прошу ускорить решение вопроса об отпуске мне на работу для посылки в Урянхай Русалева, так как Сафьянов сегодня прислал мне возмутительную по форме содержания отказом подчиняться приказам Ревсовета 5 и Дальвостоксекретариата, как идущим вразрез интересам Урянхайских собственников колонистов… задетых нашей Урянхлинией человеком пива не сваришь, то

полагаю, что его как можно скорее надо убрать, а это можно сделать только при условии замены Русалевым, так как другого на примете не имею»[270]. 12 июля 1921 г. Б.З. Шумяцкий отправил новую телеграмму в адрес И.Г. Сафьянова с новыми угрозами. Вскоре за подписью ответственного секретаря Дальневосточного Секретариата Коммунистического Интернационала Никитенко в Туву ушло предписание: «По постановлению ДВСКИ от 8 августа Сафьянов лишается мандата на право представительство ДВСКИ в Урянхае за поддержку захватчиков края по направлению царской организации»[271].

«Регионал» И.Г. Сафьянов не испугался и вынес решение «Урянхайского вопроса» на рассмотрение местного населения. 23 апреля 1921 г. открылся XI Краевой съезд представителей русского населения Урянхайского края, на котором И.Г. Сафьянов сообщил, что Советское правительство считает Урянхай автономной частью Монголии, но, тем не менее, «Вопрос о взаимоотношении сайотского и русского народа, оставался до сих пор невыясненным»[272]. В противовес планам Сибревкома решить вопрос о Туве без учета мнения населения, И.Г. Сафьянов в июле 1921 г. телеграфировал И.Н. Смирнову: «Вопрос о будущем Урянхая, его самостоятельном существовании, должен разрешиться на общенародном съезде, где кемчикские хошуны внесут предложение, как они заявили нам, об организации самостоятельной, ни от кого не зависимой народной республики с правительством, избираемом на общехошунных съездах (хуралах)»[273]. Представитель Сибревкома провел огромную работу по подготовке и созыву Всетувинского Учредительного Хурала, заручился поддержкой Буян-Бадырги. Политика И.Г. Сафьянова нашла полную поддержку в местной русской общине,

23 июля 1921 г. на XII съезде русского населения Края он был единогласно избран «делегатом во ВЦИК».

Всетувинский учредительный Хурал состоялся в августе 1921 г. При обсуждении вопроса о национальном самоопределении ряд тувинских чиновников и представитель монгольского Временного правительства выступили против создания самостоятельного тувинского государства, призвав тувинцев перейти под власть Урги. Однако большинство делегатов отвергли идею присоединения к Монголии. Всетувинский Хурал принял резолюцию о создании самостоятельного тувинского государства под покровительством России. И.Г. Сафьянов на Хурале выступил с докладом «О дальнейшем расширении и укреплении дружественных отношений между русскими, проживающими в республике, и местным коренным населением». Таким образом, при решении «Урянхайского вопроса» было найдено оптимальное решение, устраивающее и русскую и тувинскую общины, и принятое с соблюдением всех демократических процедур.

Центральная сибирская власть не признала решение Всетувинской учредительного Хурала, 1 сентября 1921 г. из Сиббюро в Кызыл была направлена телеграмма следующего содержания: «Сиббюро ЦК РКП получена от Вас телеграмма о том, что Урянхай на своем съезде провозгласил свою государственную необходимость, фактически край остается под протекторатом Советской России. Сиббюро ЦК РКП считает нужным указать, что оно не разделяет той линии, которую, по-видимому, Вы проводите в Урянхае. Установление протектората Совроссии над Урянхаем будет большой политической ошибкой и вскоре испортит наши отношения с Монголией. С нашей точки зрения, Урянхай должен входить на

широких автономных началах в состав Монголии. Содержание Вашей телеграммы об Урянхайских делах нами сообщено ЦК и товарищу Чичерину…»[274].

В секретном Информационно-политическом письме № 1 Сибревкома и Сиббюро РКП (б) губкомам Сибири осенью 1921 г. сообщалось: «Из вопросов общеполитического характера, которые представляют особый интерес для Сибирских товарищей, следует отметить Урянхайский, Бурятский и Ойратский. Урянхайский край, примыкающий к нашей границе /Енисейская губерния/ и входящий до сих пор в состав Монголии /а тем самым и Китая/… Учитывая чрезвычайную важность такого форпоста на востоке как русская крестьянская колонизация в Урянхае Сиббюро тем не менее не могло одобрить той линии, которую проводили там наши товарищи, члены партии… Сиббюро признал, что наш протекторат над Урянхайским краем в международных делах был бы большой политической ошибкой, которая осложнила бы наши отношения с Китаем и Монголией, что вряд ли соответствует нашим интересам… Сиббюро поэтому считало, что политика в Урянхайском вопросе должна быть такой: Советская Россия не покушается на Китайский суверенитет в Монголии и на суверенитет Автономной народно-революционной Монголии в Урянхкрае: Монголия входит в состав Китая на федеративных началах, а Урянхкрай — на широких автономных началах в состав Монголии... По последним сведениям ЦК и Наркоминдел полностью одобрили линию Сиббюро».[275]

В этой ситуации противостояния между Новониколаевском и Кызылом очень важно было, какую позицию займет Красноярск. Наиболее активно против «регионалов» выступали военные. Енисейский губвоенком Новоселов и командир Енисейского пограничного

полка Кейрис обвинили И.Г. Сафьянова в преступном поведении. Они заявляли: «Проводимая политика и тактика как в отношении белобандитов, так и Урянхая совершенно не понятна и подчас имеет явно преступный характер. Уполномоченный Сибревкома Сафьянов, а равно и местные власти имеют в отношении Урянхая явно захватническое стремление, не считаясь с противоречием этой политики с общей политикой Советской России и с тем, что не существует документальных данных о тяготении Урянхов к России или о чем-либо подобном…»[276]. Тем не менее, позиция Енисейской губернской власти не совпадала с политикой Сиббюро, из Красноярска, хоть и с соблюдением всего «дипломатического этикета», но ответили: «Новым и совершенно правильным шагом с нашей стороны было признание в 1921 году нотой Наркоминдела т. Чичерина неприкосновенности Урянхайской территории и принадлежности ее Танну-Тувинскому народу».[277] Наиболее компетентные и дальновидные представители региональных властей апеллировали не к «геополитическим комбинациям», а прогнозировали будущее исходя из реального баланса сил и объективных социально-экономических процессов. Показательным представляется «Доклад заведующего Енисейским губернским статбюро о географическом и экономическом положении Урянхайского и Усинского края от 20 сентября 1921 г.», в котором, в частности, говорилось: «Туземцы Урянхая в силу своей слабости и не культурности не смогут жить политически самостоятельно. Китай или Монголия /говорят через Монголию действует Япония/ не отпустят для них такой лакомый кусочек. Но ненависть сойотов к Китаю несомненна. И земли Урянхайские юридически не составляли части территории Китая и Монголии. По старым договорам Урянхай скорее принадлежит России.

Впрочем, по существу дела, договора остаются на втором плане. Ввиду смежности границ с Россией, постоянного общения русских с туземцами края, ввиду доминирующего влияния русского населения в Урянхае и вывозу большей части именно в Россию. Последняя, несмотря на все козни нойонов и чиновников все же более популярна, чем другие государства. А устройство жизни русского населения на новых началах, облагороженная тактика и отношения к Туземцам, переустройство их экономической и общественной жизни с помощью и под руководством русских, все это будет говорить... Урянхай как одна из ячеек Российской Федерации...»[278].

Необходимо отметить, Москва хоть и придерживалась той позиции, что Тува должна со временем войти в состав Монголии и Китая, но публично старалась не декларировать ее. В «Обращении Народного Комиссара по Иностранным Делам к Урянхайскому народу», опубликованном в газете «Свободная Сибирь» 9(14) сентября 1921 г., говорилось: «Восемь лет тому назад, обманутые коварными царскими чиновниками несколько Урянхайских хошунов просили для себя покровительства русского царя. Воспользовавшись этим царское правительство взяло под свое деспотическое управление весь Урянхайский народ и незаконно объявило Урянхайские земли своей землей… Рабоче-Крестьянское Правительство России… торжественно объявляет, что отнюдь не рассматривает Урянхайский край как свою территорию никаких видов на него не имеет. Временное вступление советских войск на территорию Урянхайского Края имеет единственной и исключительной целью нанести окончательный и сокрушительный удар по белогвардейцам… Российское Правительство не выводит никаких прав для себя из того обстоятельства, что на территории Урянхайского

Края имеются многочисленные русские поселенцы. Оно, однако, считает необходимым войти с Урянхайским народом и с органами его Государственного Управления в соглашение об охране и безопасности интересов этих колонистов, обитающих в Урянхайском Крае русских рабочих и крестьян, ни в коем случае не допускается при этом насильственный захват Урянхайских земель»[279].

Таким образом, в обращении наркома по иностранным делам к урянхайскому народу было признано право тувинцев на самоопределение. Г.В. Чичерин почел за благо продолжить традиции русской имперской дипломатии на Востоке и следовать естественному ходу событий, тем самым де-факто поддерживая политику, проводимую И.Г. Сафьяновым. В 1921 г. Советское правительство формально не признало нового независимого государства, но и не настаивало на вхождении Тувы в состав какого-либо из соседних государств.

Как только угроза превращения Тувы в центр антисоветской борьбы была ликвидирована, Москва поспешила избавиться от лидера Советов в Урянхае. Осенью 1921 г. в Туву был направлен представитель Комиссариата иностранных дел Ф.М. Фальский, а у И.Г. Сафьянова мандат Сибревкома был изъят. Осенью 1922 г. была проведена перерегистрацию членов РКП в Урянхае, которую вскоре утвердили партийной чисткой. «Чистильщики» троих исключили из партии, в том числе и самого И.Г. Сафьянова. Это решение было утверждено на заседании президиума Енгубкома РКП (б) 18 мая 1923 г.[280].

В ситуации выбора дальнейшего пути развития росли противоречия между центральными учреждениями и их представителями на местах. Одним из проявлений противостояния между центром и регионом стал

поиск «врагов народа» и иностранных шпионов среди регионального советского и хозяйственного актива. В Информационно-политическом письме № 2 Сибревкома и Сиббюро РКП (б) губкомам Сибири осенью 1921 г. сообщалось: «Английский шпионаж в Минусинском районе полагал опереться на партизан и командный состав коммунистического полка. Установлено, что командир полка Афиногенов, коммунист, бывший при чехах комендантом Екатеринбурга, целый ряд командного состава члены белогвардейской организации. Через Минусинск наши враги пытались пробраться в Урянхайский край и затруднить наше положение в Монголии: Попытка потерпела крах»[281].

Переходный период становления Тувинской Народной Республики завершился в 1925 г., когда было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений и обмене дипломатическими представительствами между СССР и ТНР. После этого, в ноябре 1925 г. на II Великом хурале МНР было принято решение о признании независимости ТНР, и 16 августа 1926 г. был подписан Договор между ТНР и МНР о дружбе и сотрудничестве.

Глава 8
Монгольский вопрос в советско-китайских отношениях в 1917—1924 гг.

Монгольский вопрос являлся важнейшей проблемой в советско-китайских отношениях с первых дней существования Советского государства. Его сложность заключалась в том, что новой власти в России приходилось решать проблемы в условиях «взаимоисключающего триединства» — защита национальных интересов на территории русской сферы влияния Монголии, признания права на самоопределение монголов и территориальной целостности Китайского государства. Пик противоречий и ситуация исторического выбора пришлись на 1920—1921 гг. Но в это время широкими полномочиями обладали региональные институты власти в приграничных районах России. Выработка политики Советской России в отношении Внешней Монголии проходила в условиях борьбы различных точек зрения, вероятно отражающих региональные особенности и интересы. Важнейшим политическим игроком в этот период был возглавляемый «сибирским Лениным» И.Н. Смирновым Сибирский революционный комитет (Сибревком).

Октябрьская революция началась 25 октября (7 ноября) 1917 г. [282] Пришедшее к власти в конце 1917 г. Советское правительство, в отличие от своих предшественников, отказалось от политики преемственности и сохранения в силе всех предыдущих международных соглашений. Первые же внешнеполитические шаги советского руководства вывели Россию за рамки сложившейся системы международных отношений. Встала задача формирования новой системы отношений с соседними государствами, в

том числе и с Китайской республикой, в состав которой формально входила вся Монголия.

Весь кадровый корпус российской дипломатической миссии и консульств в Китае в конце 1917 г. не признал Советское правительство в Петрограде[283]. Советское правительство объявило о назначение своих консулов в Ургу, Кульджу, Хайлар и др. Но Пекин, оставаясь верным военно-политическому союзу Антанта, продолжил признавать в качестве законных представителей России старый дипломатов. В «Ноте Народного Комиссариата Иностранных Дел Китайской Миссии» от 22 мая 1918 г., подписанной А. Вознесенским, говорилось: «Уважаемый господин Ли По-тань, Спешу ответить на Ваше письмо от 16-го мая, полученное мною только вчера, 21-го мая, вместе с нотою от 10 мая № 955. К сожалению, в Вашей ноте совершенно е указано (пункт 1), где конфискованы товары в 6 китайских магазинах. До сих пор нам известен лишь один случай задержания китайских товаров в местности Бахты, на границе Монголии... Скажу Вам откровенно, что все подобные случаи усложняются очень странным поведением Ваших властей, которые не допускают до сих пор наших консулов в Монголию... Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы передали это письмо г. Лу Цзен-цзяну... Шлю привет, г. Ли. Когда можно ожидать Вашего приезда, или Вы хотите, чтобы я сам приехал в Петроград»[284].

Монгольский вопрос с первых дней существования Советского государства оказался в числе важнейших международных проблем. Его сложность заключалась в том, что новой власти в России приходилось решать проблемы в условиях «взаимоисключающего триединства» — защита национальных интересов на территории русской сферы влияния Монголии, признания

права на самоопределение монголов и территориальной целостности Китайского государства.

Внешняя Монголия, в отличие от Синьцзяна, к 1917 г. была фактически независимой от Пекина, и политические процессы там определялись не региональным сепаратизмом, а национально-освободительной борьбой. Революция 1917 г. и гражданская война привели к ослаблению позиций России во Внешней Монголии, и северный сосед утратил возможности быть гарантом автономии Урги от Пекина.

Принципы советской политики в отношении Монголии уже в январе 1918 г. заместитель наркома Л.Д. Троцкого А.Н. Поливанов озвучил на встрече с сотрудником китайской дипломатической миссии в Петрограде. Советский дипломат говорил о ликвидации старого договора, делавшего Монголию российской полуколонией, «с тем, чтобы Монголия либо была совершенно независимой, либо возвратилась в состав Китая»[285], Но на просьбу китайского дипломата уточнить позицию, А.Н. Поливанов отвечал: «Будет лучше, если Китай сначала цивилизует ее, а затем ликвидирует там деспотический строй, после чего Монголия может стать по-настоящему независимым государством»[286]. Кроме того, советское правительство аннулировало все прежние империалистические акты, и в развитие своей политики права наций на самоопределение в августе 1919 г. в специальном обращении фактически признало право монгольского народа на создание собственного независимого государства[287].

В 1919 г., когда восточная часть бывшей Российской империи находилась под властью адмирал А.В. Колчака, правительство Китайской республики ликвидировало автономию Внешней Монголии. Еще в 1918 г. официальный представитель Китая во Внешней Монголии Чень Лу[288] добился от духовного

и политического лидера Внешней Монголии — богдо-гэгэна, согласие на ввод туда китайских войск.

Китайская экспансия вызывала тревогу среди монгольского и русского населения региона. Весной 1919 г. в читинской газете «Русский Восток» было опубликовано следующее сообщение: «С.Р. пишет, что прибывшие в Хайлар из Монголии сообщают, что по всей Монголии происходит брожение против притеснений китайцев. Возможно ожидать даже вооруженного столкновения»»[289].

В июне 1919 года в одной пекинской газете была опубликована статья «Опасность положения Внешней Монголии» с текстом телеграммы китайского сановника в Урге генерала Чэнь И[290] президенту Китайской республики Сюй Шичану. Чэнь И сообщал об опасности захвата Монголии русскими белогвардейцами. Вскоре, 18 июля президент Китайской республики издал указ об учреждении специальной должности комиссара Северо-Западной границы[291]. На эту должность был назначен генерал Сюй Шучжэн[292] из Аньхуйской группы милитаристов, возглавляемой Дуань Цижуем. Следующим указом Сюй Шичана было создано «Бюро по заведованию делами пограничной обороны» во главе с Дуань Цижуем. Генерал Чэнь И выработал на переговорах с монгольскими лидерами в Урге условия ликвидации автономии Внешней Монголии, так называемые 64 пункта «Об уважении Внешней Монголии правительством Китая и улучшении ее положения в будущем после самоликвидации автономии».

29 октября 1919 г. генерал Сюй Шучжэн с войсками прибыл в Ургу, посетил монгольских министров и передал им подарки. В пригороде Урги прошел парад китайских войск и торжества для монгольской знати. Против ликвидации автономии Внешней Монголии

выступили сам глава Монголии богдо-гэгэн и Омское колчаковское правительство. Генерал Сюй Шучжэн заставил членов монгольского правительства подписать петицию в адрес президента Китая с просьбой о ликвидации автономии, и 22 ноября 1919 г. президент Китайской республики издал указ, содержавший полный текст вышеназванной петиции. Через день указ президента был опротестован нотой российского посланника Н.А. Кудашева, но международная дипломатия не поддержала действий «старой России». В декабре 1919 г. монгольское правительство и его войска были распущены. Генерал Сюй развернул активную деятельность, под его давлением совет монгольских князей вынужден был отказаться от автономии Внешней Монголии, а так же был смещен с престола теократический правитель богдо-гэгэн. Ко времени ликвидации автономии Внешней Монголии власть правительства А.В. Колчака на территории Сибири доживало последние дни, а проблемы монголо-китайских отношений «по наследству» перешли большевикам, были отнесены к ведению образованного в 1919 г. Сибревкома.

Документы говорят, что Советское руководство волновал не столько вопрос ликвидации автономии Внешней Монголии собственно Китаем, сколько укрепление в Урге про-японски настроенных китайских сил. 22 апреля 1920 г. председатель Иркутского губревком Я.Д. Янсон докладывал Г.В. Чичерину и И.Н. Смирнову: «По получаемым сведениям, в последнее время положение в Монголии, в Урге, круто изменилось к худшему. В Ургу прибыл японофил анфуист… вместе с офицерами японского штаба… В Монголии полное господство японофилов, не исключены агрессивные действия в отношении России… Китайцы не пускают в Монголию русских даже

с визами царского маймаченского консула Лапдовского… Считаю положение в Монголии весьма серьезным. Полагаю по отношению китайцев в дальнейшем придерживаться менее лояльной тактики, оказывать нажим на местных китайцев. В целях сохранения благоприятного для нас баланса приостановить дальнейшую выплату китайцам за реквизированную мануфактуру... В Иркутск посылается из Пекина консул Чен, полагаю, с предварительным условием каких-либо официальных переговоров… Полагаю, следует изменить тактику в отношении монголов: усилить нашу революционную работу среди них… Абсолютно нет дельных, надежных работников-китайцев. Прошу послать срочно»[293].

Сибревком приступил к реализации программы подготовки монгольских революционеров. В июле 1920 г. из Верхнеудинска в Омск председателю Сибревкома И.Н. Смирнову сообщали: «Монголов вместе с лидером монгольской Революционной партии Бодо отправляем согласно Вашего предложения в Омск…»[294]. Руководство Сибревкома было проинформировано, что: «отношения между китайскими властями и Монголией недоверчивые, даже враждебные, ввиду нарушения Китаем самостоятельности Монголии»[295]. Первый этап переговоров с монгольской делегацией, представлявшей созданную в Урге Народную партию и уполномоченную обратиться за помощью к России самим богдо-гэгэном, состоялся в Иркутске. Заведующий секцией народов Востока Сиббюро РКП (б) Ф.И. Гапон 26 августа докладывал председателю Сибревкома И.Н. Смирнову: «считаю настоящий момент подходящим к тому, чтобы укрепить наше влияние в Монголии, взяв на себя организацию национально-революционных элементов и руководство ими… Компромиссное раз-

решение вопроса об оказании им помощи должно быть настолько осторожным, чтобы исключить возможность видимости этого для Китая, взбудоражить который против себя крайне рискованно…»[296].

Летом 1920 г. Сибревком не имел возможности заниматься проблемами Монголии в силу обострения отношений с Японией. Данные советской разведки в это время были очень противоречивыми: «Агентурные сведения от 2 июля сообщают: В Маймачене среди артиллерии находятся две батареи, отбитые китайцами в последних месяцах 1919 года от семеновской «Дикой дивизии», которая взбунтовалась и перебила свих офицеров во главе с генералом Левицким, а по переходе Монгольской границы была китайцами обезоружена… На днях в Урге ожидается прибытие красных китайских войск»[297]; «По агентурным данным от 22 июля… в Монголии, в частности в Урге, — восстание, поднятое «красными»… в Троицкосавске функционируют слухи, что китайские власти якобы хотят для увеличения своих сил вооружить русских белогвардейцев, проживающих в Кяхте и Маймачене в количестве 500—700 человек»[298].

Чересчур активная политика китайских представителей во Внешней Монголии в начале 1920 года не находила поддержки даже в Пекине, летом 1920 г. Сюй Шучжэн был отозван, но автономия Монголии восстановлена не была. Власть в Урге перешла к начальнику гарнизона генералу Го Сунлину[299], вступившему в противостояние с присланным из Пекина генералом Чэнь И. Однако попытки китайских властей заставить монгол выплатить все их долги китайским купцам, с накопившимися за почти 10 лет процентами, привели к серьезной конфликтной ситуации в регионе. В тюрьму были посажены

такие лидеры как хатан-батор Максаржав, а манлай-батор Дамдинсурен даже умер в заключении.

Внутренние проблемы, как в России, так и в Китае заставляли, и Москву, и Пекин в 1920 году проводить сдержанную политику. Однако в регионе были и другие силы, сумевшие разрушить хрупкий баланс сил. Важную роль в истории русско-китайских отношений в Монголии сыграл один из лидеров антисоветского движения в Забайкалье барон Р.Ф. Унгерн-Штенберг. Еще находясь в Маньчжурии, в составе сил атамана Г.М. Семенова, Р.Ф. Унгерн обозначил свои претензии на участие в борьбе за власть в Китае и даже оформил брак с китаянкой, принадлежавшей к Цинской императорской фамилии [300]. Однако китайские части в его войсках были самыми ненадежными, и уже в августе 1920 г. восстали[301]. В октябре 1920 г. отряд барона Унгерна перешёл границу с Монголией и попытался взять монгольскую столицу, но после более чем десятидневной осады и, понеся большие потери, 7 ноября отступил.

Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов докладывал В.И. Ленину в начале ноября 1920 г.: «Полагаю, что наше вмешательство в монгольское дело на стороне Китая вызовет нежелательное в настоящих условиях столкновение с Японией. Считаю лучшим, не входя активно ни силами ДВР, ни армии, дать развязываться конфликту, представив временно события идти своим порядком»[302]. Затем, 6 ноября, И.Н. Смирнов писал В.И. Ленину: Сегодня командующий Сиб. войсками Шорин получил боевую директиву Каменева добить белогвардейские отряды, ушедшие из России в Монголию. в Ургу… Этот шаг чреват большими последствиями, не исключающими возможность войны с Японией. Следовало бы своевременно осведомлять Сибревком в предположениях такого рода, дабы

дать возможность нам надлежащим образом подготовиться к девятисотверстному походу на Ургу… Помглавком Шорин отдал приказание 35 дивизии из Иркутска двинуться в Монголию. Я думаю, что это движение на Ургу… без предварительной подготовки, без продовольственных баз в Монголии и при запутанном положении в Монголии может кончиться для нас катастрофой даже помимо Японии»[303].

Активное противодействие председателя Сибревкома планам ввода советских войск в Монголию без последствий не осталось. Правда, сначала, 11 ноября 1920 г. народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин направил пекинскому правительству ноту, в которой говорилось: «Советское правительство, считая, что в обоюдных интересах ликвидировать нарушение суверенитета Китая в Монголии, готово помочь китайским войскам ликвидировать банды в Урге…»[304]. В этой ноте НКИД, опубликованной 14 ноября в газете «Известия», говорилось: «некоторые разбитые и рассеянные отряды белогвардейцев начали отступать на территорию Китайской Республики, направляясь, главным образом, в Монголию, где ими занята Урга и где они присоединились к местным элементам, враждебным Китайской Республике... Китайские войска, находящиеся в области Урги, не могут своими собственными силами уничтожить белогвардейские банды... а поэтому обратились к нашему Военному командованию, равно как и к командованию Дальневосточной Республики, с просьбой оказать помощь в борьбе с этими разбойничьими шайками. Советское Правительство считает, что общие интересы требуют быстрой ликвидации этого вторжения в Монголию, и готово оказать содействие китайским войскам... Соответствующий приказ отдан нашему Сибирскому командованию»[305]. Но через две недели в Пекин была

отправлена следующая нота, в которой сообщалось: «Российская Республика, ставящая выше всего неприкосновенность чужой территории, находит возможным задержать вступление своих военных сил на территорию Монголии»[306]. Правда в заявлении существовало и оправдание отказа ввода войск. В советской ноте от 28 ноября 1920 г. говорилось: «Хотя мы до сих пор, по неизвестным нам причинам, не получали от Правительства Китайской Республики ответа на это наше обращение, мы с большим удовлетворением можем констатировать, что китайские военные силы сумели выгнать семеновские банды из Урги и прилегающей территории... При этом заявляем, что, руководствуясь общими интересами России и Китая и связывающими обе страны дружескими чувствами, наше Правительство окажет Китайской Республике незамедлительную вооруженную помощь для ликвидации враждебных России контрреволюционных банд...»[307].

К началу 1921 г. авантюра барона Унгерна, казалось бы, полностью провалилась, без участия советских войск. В донесении Главкома НРА ДВР Г.Х. Эйхе помглавкому по Сибири В.И. Шорину от 13 января 1921 г. говорилось: «Положение в Монголии без перемен, авантюра Унгерна окончательно закончилась неудачей, и остатки его до тысячи человек сосредоточиваются к югу от озера Далинор…»[308]. Но уже 20 января 1921 г. войска Унгерна разбили на тракте Кяхта-Урга два китайских полка, а 3 февраля, после ожесточенных боев, китайцы были выбиты из самой Урги[309].

Если Москва рассматривала разные варианты помощи Китаю в борьбе с белогвардейцами, то в Иркутске и Верхнеудинске в конце 1920 г. в качестве главного противника называли не барона Унгерна, а китайцев. Сотрудник Монголо-тибетского отдела Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП (б) Цыден-еши

Дашепылов (Гочитский) в своем сообщении в Ново-Николаевск от 29 ноября 1920 г. давал такую картину происходящих событий: «В связи с выступлением барона Унгерна… Урга объявлена на осадном положении, в ней сосредоточены главные силы Китайцев. Все западные аймаки Халхи и Кобдо-Улясутйский округ наводняется Китайскими войсками… Китайцы воспользовались выступлением Унгерна, чтобы, приписав Монголам причину этого выступления, окончательно поработить Монголию… Для ослабления сил белых и Китайцев, необходимо добиваться столкновения их между собой/ такова политика Китайцев по отношению красным и белым/… также необходимо принять меры к расположению китайской армии, для чего использовать существующий антагонизм солдатами 1) солдаты старой регулярной армии, 2) Гамины /войска Сюй-си-чена, 3) вновь мобилизованные солдаты, и боязнь их от зимних походов. Точно также, для внесения раскола среди Китайцев в Монголии, возможно, использовать существующий антагонизм среди военных и коммерческих кругов, недовольство коммерсантов и фермеров обложением их для содержания войск. Для этой работы должны быть приглашены соответствующие люди, знакомые с языком и письменностью. Возможна организация Монгольских отрядов, особенно из чахаров, для партизанско-разбойничьих действий в тылу Китайцев в гоби…»[310]. Подобная линия бурятских лидеров была не случайной. Цыденеши Дашепылов, например, входил в руководство Монголо-тибетского отдела Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП (б),членами которого с августа 1920 г. стали и монгольские революционеры Сухэ-Батор и Чойбалсан.

Крайне осторожная позиция председателя Сибревкома не устраивала его представителей в Восточной

Сибири. Для того, что бы И.Н. Смирнов изменил свою позицию, в донесениях акцент делался на зверствах китайцев: «Террор и притеснения, производимые Китайцами, приняли жесточайший характер. Арестованы и арестовываются все видные лица и общественные деятели Монголии… Жигмит Гун… не выдержал и, выдав что Хутукта послал 7 человек в Совроссию, умер… Богдо настойчиво отрицает посылку представителей в Совроссию и держится по отношению Китайцев довольно вызывающе, в Урге почти ежедневно производятся у монголов, бурятов и русских обыски, аресты и сопряженные с ними вымогательства, похищения и т.п. произвол… «Хитрово… внезапно исчез и по некоторым сведениям спрятан своим другом Китайским чиновником Ню-Вин-Бин … Произволы Китайцев доходят до неслыханных размеров: аресты, порки, отбирание имущества… Арестованы б. консул Орлов, директор банка Першин и др.… Китайские власти не ограничиваясь произволом по отношению белых, бесчеловечно притесняют бурят и Русских колонистов…»[311].

В ноте Наркомата Индел МИДу Китая от 15 января 1921 г. за подписью Карахана говорилось: «Комиссариат Иностранных Дел РСФСР с удовольствием отмечает успехи Китайской армии, достигнутые ею в деле ликвидации банд русских контрреволюционеров, пытавшихся закрепится на территории Монголии. Но вместе с тем мы вынуждены констатировать, что действия китайских властей в этом районе во многих случаях носили характер явно нарушающий интересы Российской Республики»[312].

Сибревком, как и власти в Москве, изменили свою позицию по Монгольскому вопросу после того, как войска барона Унгерна предприняли вторую, более удачную попытку захвата Внешней Монголии. В нача-

ле 1921 г. барону Р.Ф. Унгерну удалось выгнать китайские войска из Урги, устроив попутно в Монголии массовые погромы и убийства. Генерал Го Сунлин с трехтысячным отрядом бежал на юго-восток, остальные войска и многочисленные китайские беженцы под командованием Чу Лицзяна отступили на север, к русской границе. При них находился и Чень И со своими чиновниками. Прибыв 5 февраля 1921 г. в Маймачэн, он приехал на переговоры в Троицкосавск, но переговоры с представителем НКИД О.И. Макстенеком и начальником местного гарнизона Катерухиным оказались безуспешными. Переговоры с руководством ДВР о сотрудничестве оказались безуспешными, Чэнь И с чиновниками выехал через Читу в Китай, позднее за свою неудачную политику в Монголии он был лишен всех званий и наград.

Выявившаяся слабость китайских войск и опасность со стороны войск Унгерна приграничным районам Сибири заставили И.Н. Смирнова изменить свою позицию. Тем более, что 19 февраля 1921 г. Чэнь И обратился к руководству Советской России с просьбой о вводе частей Красной армии «вдоль границы Маймачен — Кяхта — район монгольского Тушетуханского аймака, в целях совместной с китайскими войсками охраны порядка, спокойствия китайского и русского населения этого района и защиты многосторонних русско-китайских торговых интересов от разграбления и чинимых всяческих безобразий вторгнувшихся в пределы Монголии и даже захвативших Ургу преступных банд барона Унгерна и других русских монархистов, реакционеров, противостоять силам которых китайские войска, находящиеся в этих пунктах, оказались не в состоянии»[313].

25 февраля И.Н. Смирнов совместно, и, возможно, под давлением Б.З. Шумяцкого, телеграфировал

Г.В. Чичерину: «В связи с движением Унгерна в Монголии, угрожающим уже нашим границам… создается возможность с помощью партизан отрядов Монгольской Нар Рев партии, снабдив их оружием и воен. инструкторами, занять пограничную с нами часть Монголии и провозгласить там действительную независимость Монголии…»[314]. Правда, в этой телеграмме не отмечалось никакой антикитайской направленности действий в Монголии, все мероприятия были направлены на защиту границ от Унгерна. Во многом подтверждает это и известная телеграмма Смирнова к Чичерину и Ленину с «конкретным планом организации Монголии», где говорилось: «Объединенная Монголия объявляется Трудовой Народной Республикой… Полагаем что формального признания независимости Объединенной Монголии нашей стороны не надо…»[315].

Отсутствие каких-либо антикитайских настроений в позиции председателя Сибревкома И.Н. Смирнова видны и в вопросе о китайских беженцах. В телеграмме Г.В. Чичерину говорилось: «отступающие к нашим границам под напором Унгерна деморализованные китайские войска и Китсановники обратились официально к Гапону запт как представителю РСФСР о совместной охране границ и снабжении их оружием огнеприпасами тчк поэтому считаем необходимым чтобы Гапон официально ответил Китсновнику что с подобной просьбой надлежит обратиться к ДВР запт как граничащей с Монголией запт вместе с тем представляя им полное право убежища и свободу следования в Совроссию»[316]. Таким образом, руководство Сибревкома и после захвата Внешней Монголии войсками Р.Ф. Унгерна придерживалось крайне осторожной политики в части Китая, делегируя решение вопросов русско-китайских отношений в регионе властям

созданной на территории Забайкалья формально самостоятельной Дальневосточной республики.

Нелишне отметить, что и Р.Ф. Унгерн в отношении Китая и китайских милитаристов проводил достаточно осторожную политику. В его войска почти всегда служили китайцы, разбив в конце марта 1921 г. отступающие китайские войска на южной границе Внешней Монголии, он стал их преследовать в сторону Пекина. В письме одному из приближенных хозяину Маньчжурии Чжан Цзолиня — генералу Чжан Кунъю, барон Унгерн называл генерала Чжан Цзолиня «вождем» и писал, что созданное под его покровительством монгольское правительство «несомненно признает суверенитет Китая»[317].

18 марта 1921 г. сформированный при содействии советских специалистов отряд монгол под командованием Сухэ-Батора взял Маймачэн, и находившиеся там китайские войска вместе с ополченцами, общей численностью 1,5 тыс. человек, проведя массовые убийства и грабежи на границе, двинулись обратно в сторону Урги. 13—14 апреля войска Чу Лицзяна в 150 км от Урги были разбиты русско-монгольскими войсками барона Унгерна. Белый генерал барон Унгерн вернул престол богдо-гэгэну и организовал провозглашение независимости Внешней Монголии в марте 1921 г.[318] В это время объединенные китайские силы генералов Чу Лицзяна и Го Сунлина в двух решающих сражения были уничтожены, тысячи китайцев попали в плен, остальные бежали в сторону Пекина.

Официально признавая территориальную целостность соседних государств, Советское правительство в то же время не отказывалось и от принципа права наций на самоопределение. В Иркутске при содействии руководства Дальневосточного секретариата Коминтерна была создана Монгольская Народно-Революционная

Партия (МНРП). 13 марта 1921 г. в Иркутске было образовано Временное народно-революционное правительство Монголии, которому, правда, советское правительство рекомендовало не ставить вопрос о полной независимости от Китая.

В вопросе о вводе частей Красной армии в Монголию весной 1921 г. председатель Сибревкома занимал особую позицию. И.Н. Смирнов искал различные аргументы, чтобы не вводить частей Красной армии из Сибири в Монголию. Сначала советские представители в Забайкалье мотивировали отказ о вводе войск тем, что части Красной армии не имею права находиться в Дальневосточной республике, по территории которой проходила дорога к Кяхте и далее, на Ургу. Советское внешнеполитическое ведомство в Москве полагало «возможным предпринять поход против орудующих в Монголии белых банд плоть до Урги… Передачу этой операции ДВР Коллегия считает неприемлемым, так как поход, косвенно направленный против Японии, может осложнить взаимоотношения буфера с Японией, что при настоящих условиях нежелательно»[319]. И.Н. Смирнов настаивал на том, что «поход на Ургу при теперяшней обстановке нежелателен», в Сибревкоме предлагали «завлечь Унгерна ближе к нашим границам и там ему нанести поражение, а преследование предоставить монголам»[320].

Сибревком во главе с И.Н. Смирновым успешно саботировал все попытки ввода частей Красной армии в Монголию до того, пока барон Унгерн сам не вторгся из Монголии в Забайкалье. В начале июня 1921 г. начальник 35-й стрелковой дивизии К.А. Нейман сообщил, что «в течение двух суток Унгерн ведет бой с нашими частями в районе Желтуры силой одной дивизии под командой Резухина, причем, передовые наши части вначале должны были отступить»[321].

В письме Г.В. Чичерина к секретарю ЦК РКП (б) В.М. Молотову от 13 июня 1921 г. говорилось: «Настал момент... предпринимать по отношению к Китаю дипломатические шаги, чтобы политически обставить поход внутрь Монголии... В случае, если где либо произойдет встреча с китайскими властями или отрядами. Следует относится к ним как к союзникам... Следует немедленно вступить в дипломатические отношения с киатйским правительством, от лица как ДВР, так и РСФСР... Мне кажется необходимым поэтому настоять на немедленной поездке в Пекин тов. Юрина, который уже немножко знает Пекинскую обстановку»[322].

16 июня 1921 г. Политбюро РКП (б) приняло решение о вводе войск в Монголию. И Пекин в официальной ноте поддержал эту акцию, при условии сохранения китайских территориальных прав. 26 июня 1921 г. вышло «обращение политуправления Реввоенсовета войск Сибири к личному составу Экспедиционного корпуса в связи со вступлением частей Красной Армии на территорию Монголии»[323], за подписью начальника Политуправления РВС войск Сибири В. Мулина.

В подписанной 1 июля 1921 г. военным министром и главнокомандующим войсками Дальневосточной республики В.К. Блюхером инструкции своим войскам говорилось: «При вводе войск ДВР на территорию Монголии, безусловно, держаться, как принципа китайского суверенитета над этой территорией, так и программы самоопределения национального освобождения Монголии»[324]. 6 июля 1921 г. советский экспедиционный вступил в столицу Внешней Монголии. 22 августа барон Унгерн был выдан монголами конному разъезду красноармейцев.

12 июля 1921 г. сформированное накануне новое монгольское правительство во главе с лидером Народной

партии Д. Бодо в Урге провозгласило независимость Монголии и обратилось к РСФСР с просьбой не выводить свои войска. 10 августа Совнарком согласился войска не выводить, но Москва не признала независимости Монголии, продолжая именовать ее автономной.

4 сентября 1921 г. советский экспедиционный корпус в Монголии был расформирован и отправлен назад в Сибирь, в Урге был оставлен лишь один стрелковый полк. 5 ноября 1921 г. в Москве был подписан советско-монгольский договор о дружбе и сотрудничестве. Этим документом Советское правительство признавало единственно законным правительством в Монголии Народное правительство. В декабре 1921 г. пекинское правительство отклонило советское предложение о посредничестве в урегулировании монголо-китайских отношений и потребовало полного вывода советских войск из Внешней Монголии. Но Постановление Политбюро от 31 августа 1922 г. определяло необходимость участия Монголии в обсуждении и решении вопроса о будущем ее государственно-правовом устройстве.

Осенью 1922 г. министерство иностранных дел Китая официально заявило, что Монгольский вопрос стал главным препятствием для нормализации советско-китайских отношений. Еще в августе 1922 г. советский «Радиовестник» информировал советскую общественность: «Чита 26... Полпред Р.С.Ф.С.Р. Китае выпустил заявление котором говорится. Первое посылая Чрезвычайную комиссию Пекин Русское правительство не преследовало специальной цели переговоров Китаем. Торговом договоре. Но стремилось установлению дружественных отношений между обоими народами. Второе касается Монгольского вопроса РСФСР никогда не занимал Ургу, но вынужден был двинуть войска в Мон-

голию для ликвидации Унгерновских банд... Третье издающиеся в Китае иностранные газеты которые все восхваляли прежнюю политику России в Китае, вызвашую фактическое отделение монгол от Китая, а теперь благородно отстаивающие суверенитет Китая»[325].

По монгольскому вопросу существовали противоречия среди российских дипломатов. Советский представитель в Китае А.А. Иоффе писал в Москву: «Монголия — самое уязвимое место нашей китайской политики и единственный козырь в руках империалистов против нас… мы начинаем уподобляться империалистам…» [326]. Но Г.В. Чичерин не принял тот аргумент советского представителя, что «из-за двух миллионов монголов, не имеющих никакого значения в мире, не стоит портить отношения с четырехстами миллионами китайцев», полагая, что нельзя отдавать демократическую Монголию реакционному китайскому правительству[327]. Монгольский вопрос был в центре внимания русских деятелей в самой Монголии. Летом 1922 г. известный предприниматель и знаток Западной Монголии А. Бурдуков писал из Хатхыла дипломату И.М. Майскому: «В Монголии пока что все спокойно... Белобандитский вопрос, конечно, в Монголии кончен. Теперь опять тот же старый китайский вопрос, с которым бороться надо умелой выдержанной дипломатией. Джа-ламу надо бы иметь на нашей стороне... Китайцы с ним играют и, очевидно, готовят его использовать для наступления для наступления на Западную Монголию, на Улясутай, главным образом, на Хобдосский округ и через него на Урянхай. Я знаю хорошо, что в Монголии наше влияние прочно будет, когда мы упрочим наше влияние...»[328].

В дальнейшем, огражденная политически от установления китайской власти, Монголия осталась местом

русско-китайского «конкурентного противостояния» в самом широком смысле. Например, в 1923 г. управляющий Монгольской экспедицией (или Монголгосторг) писал: «Монголия была и осталась лакомым куском для китайцев, и их колонизаторские стремления очевидны… отсутствие русских на монгольском рынке дало большие козыри китайцам, и легендарные небылицы о России распространялись с невероятной смелостью и апломбом… Совершенно иное отношение к России со стороны монгольских киргизов. Несмотря на личину доброжелательности и внешнего уважения, чувствуется неприязнь, недоверие и определенное предпочтение к китайцам»[329]. В феврале 1923 г. А. Бурдуков писал из Иркутска в Москву И.М. Майскому: «Нового в Монголии ничего нет... Китайцы сами открыто не пытаются выступить, но исподволь, главное, интриговали, очевидно, в Западной Монголии через Джа-ламу, но с убийством его, думаю, эта интрига прекратится...»[330].

Вопрос о Монголии был в числе главных на начавшихся осенью 1923 г. переговорах в Пекине. Китайская сторона настаивала на немедленном выводе русских войск оттуда, но Советское правительство настаивало на том, что лишь защищало в Монголии свои интересы в ситуации бездействия китайских властей. На переговорах советская сторона в очередной раз подтвердила, что считает Монголию частью Китайской республики, но готова была вывести свои войска лишь после того, как Пекин даст реальные гарантии безопасности своих границ в регионе. Но Г.В. Чичерин указывал Л.М. Карахану в октябре 1923 г.: «Меня смущает вовлечение сюда вопроса о Монголии. Я думал, что об уводе наших войск будет идти речь только тогда, когда будет решен основной вопрос об отношениях между Монголией и Китаем... Допустимо ли в предлагаемой

Вами форме говорить об уводе нами войск из Монголии в нынешней стадии переговоров, это мы еще обсудим»[331].

31 мая 1924 г. Л.М. Карахан и Гу Вэйцзюнь подписали «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой», который включал в себя 15 статей. Многие из положений этого Соглашения тогда же получили развитие в специальных декларациях. Другие спорные вопросы предполагалось рассмотреть на специальной конференции, которую намечалось созвать не позднее следующего месяца. Советский Союз признавал суверенитет Китая во Внешней Монголии. Положения «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» соответствовали объективным геополитическим реалиям того времени и закрепляли фактически сложившуюся ситуацию в международных отношениях.

Приложения

Приложение 1
«Карта части Халхамонголии»

В фонде Г.И. Спасского Государственного архива Красноярского края хранится уникальный документ под названием «Карта части Халхамонголии составляющей владения Тушету-Хана, Сасакту-хана и заиннойона». В представленном в деле описании она представлена как «Карта сочиненная по достоверным известиям ламы [первая часть имени написана неразборчиво, возможно Жамбы, — В.Д.] Гармаиова природного монгола, перешедшего в Российские границы в 1766 году». Этот картографический документ содержится в деле № 78 «Собрание известий о начале и происхождении разных племен иноверцев в Иркутской губернии обитающих»[332].

Карта имеет элементы художественного оформления. По периметру с четырех сторон обозначены градусы координатной сетки. При этом координаты меридианов совпадают с современными, а координаты широты сдвинуты примерно на 15 градусов. В легенде карты кроме названия представлен масштаб — «в дюйме 100 верст». Протяженность и направление рек и горных хребтов не совсем совпадают с их современными изображениями.

На карте обозначены множество рек; восемь названий гор; пять названий степей, из них четыре разных «большая степь … гоби»; три озера: «Кергесъ», «Тери» и «Кюцегюль». На карте так же обозначены несколько городов: «Улатухото», «Харусунъхото», «Ердени-зо», «Урга», «Маймачин», «Кяхта», при этом «Урга» обозначена таким же значком, в виде точки, как «стан Засакту Ханов», «Маймачин» — маленьким квадратиком, а остальные города, вместе с монастырем «Зибергъ» на

Орхоне посредине между устьем р. «Тола» и впадением Орхона в Селенгу — более сложными значками.

На карте много различного рода исправлений карандашом. Например, в надписи «Город Ердеми-зо», слово город зачеркнуто и перед самим названием города поставлена «Г.». В ряде имен собственных, названий городов, рек, озер, гор, первоначально написанных с прописной буквы есть исправление на заглавную. Достаточно много исправлений букв, чаще всего буквы, обозначающие написание глухих согласных заменяются на звонкие и наоборот. Например, в название «Горы татжиенъ-шилле» внесены исправления — «Горы Таджиенъ-шилле», а «р. гамир» исправлено на «р. Тамир». Имеются и исправление гласных, например название реки «Анон» исправлено на «Онон». Имеется и более сложные исправления: «Монастырь Ибенгъ» на «Монастырь Зибергъ»; «стан сансату ханов» на «стан Засакту Ханов»; «Снеговые горы цасту эендеръ» на «Снеговые горы Цасту Онда».

Название некоторых географических объектов почти совпадают с современными написаниями: «Река Селенъга», «Река Орхон», «Река Чикой», «Река Тесь», «Горы Хангейские»; другие заметно отличаются — «речка четкетъ», «оз. Кюегюль». На карте отсутствуют такие географические названия, как Саяны, Алтай, Енисей. Хангайские горы непропорционально маленькие по площади, и даже имеется исправление «горы» на «хребет».

На «Карте части Халхамонголии» обозначена государственная граница, севернее которой написано «Часть Российской Империи», южнее же нет названия какого-либо государства. Обозначение границы в основном совпадает с общепринятым обозначением по Кяхтинскому договору 1727 г. Но обозначение не четкое, как по привязке к местности, так и в градусном

выражении, например, по реке Чикой граница тянется градусов на 7—8. Более всего вопросов возникает по западному участку границы на данной карте, где линия границы идет по не названному горному хребту, пересекая верховья «реки четкетъ», т. е. Шишгид-Гол и далее по междуречью этой реки и Теси. То есть, русско-монгольская граница совпадает с современной западно-тувинским участком государственной границы, что противоречит другим историческим картам, например «Сибирской генеральной карты» 1765 г., в которых все верховья Енисея, вместе с Шишгид-Гол показаны в пределах Внешней Монголии Цинской империи («Бывшей Зенгорской земли»). Правда, на рассматриваемой «Карте части Халхамонголии» «Горы Таджиенъшилле», т. е. Тоджа, смещена на юг и показана целиком южнее государственной границы России.

Таким образом, хранящийся в Государственном архиве Красноярского края документ «Карта части Халхамонголии» дает важный и интересный материал для лингвистических и исторических исследований Монголии и приграничных с ней районов России.

Приложение 2
Проблемы взаимодействия на русско-монгольской границе в Бийском округе в конце XIX в.[333]

Линия государственной границы России на Алтае была окончательно оформлена лишь во второй половине XIX в. В сентябре 1864 г. был подписан «Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы», определивший линию границы, указанную в Пекинском договоре 1860 г. В 1869 г. уполномоченный пограничный комиссар И.Ф. Бобков (Бабков) вместе со своим китайским коллегой установили границу на местности, поставив пограничные столбы на запад от

пограничного знака Шабин-Дабага в Западных Саянах. Исследователь З. Матусовский писал: «Не считая Шабин-дабаганьского столба здесь поставлено 12 пограничных знаков под следующими названиями: 1) Сур-дабага (на горе Сур), 2) Чульчинский (при р. Чульче), 3) Кусер-дабага (на перевале того же названия), 4) Чабчань-дабага (на перев. Чабчань), 5) Харгинский (при юго-восточном конце озера Джувлу-куль, на горе Харга), 6) Таксил (на горе того же имени), 7) Богосукский (на перевале Богосук)...»[334].

Ключевое место на алтайском участке государственной границы занимал перевал Богосук на Сайлюгемском хребте. В августе 1869 г. в Кобдо были поставлены подписи под пограничным протоколом «Описание государственной границы между империями Российскою и Дайцинскою от перевала Богосук в Сайлюгемском хребте до горы Ак-Тюбе» и в урочище Чингистай — пограничным протоколом «Описание государственной границы между империями Российскою и Дайцинскою от перевала Богосук в Сайлюгемском пограничном хребте до перевала Шабина-Дабага...». Западный участок границы на Алтае вскоре был изменен. Во исполнение Санкт-Петербургского 1881 г. договора между Российской и Цинской империями в 1883 г. от перевала Улан-дабага хребта Сайлюгем на Алтае до хребта Саур было установлено 7 пограничных знаков и 2 полузнака. Граница в районе перевала Богосук пересмотру не подвергалась.

С 1881 г. в Бийском округе Томской губернии окончательно сложилась система совместной с китайской стороной проверки пограничных знаков, сначала знака Богосук, а затем и всех знаков по линии Богосук — Шабин-дабага. В основе ее лежала следующая процедура: «для наблюдения за исправным содержанием перечисленных выше знаков, между комиссарами обоих

государств, проводившими границу, постановлено протоколом, чтобы местные власти той и другой стороны ежегодно высылали особых чиновников, которые совместно раз в год должны объехать и осмотреть всю граничную линию»[335]. Эта система стабильно функционировала до 1900 г. История российского присутствия на границе и русско-китайского взаимодействия в части поддержания пограничной линии нашла свое отражение в документах, хранящихся в фондах Государственного архива Томской области.

К началу 1880-х гг. вопросы поддержания линии русско-китайской границы на Алтае были в ведении начальника штаба Западно-Сибирского (Омского) военного округа генерал-лейтенанта И.Ф. Бобкова, который, собственно, и установил эту границу во время размежеваний 1860-х и 1880-х гг. Посредником в отношениях с властями Цинской империи выступал российский консул в Урге. Исполнителем работ в части наблюдения за границей и совместной с китайской стороной проверки пограничных знаков выступали высшие власти Томской губернии и полицейское управление Бийского округа.

В 1880 г. российская сторона столкнулась с трудностями в части выполнения обязательств по совместной проверке пограничных знаков на Алтае. Ход событий был отражен в переписке между штабом военного округа, Томским губернским управлением и бийскими властями. В июне 1880 г. из Омска в Томск была направлена телеграмма за подписью И.Ф. Бабкова: «Благоволите теперь же послать распоряжение о немедленном командировании чиновника Бийского Окружного Полицейского Управления на Китайскую границу к знаку Богосук для осмотра вместе с Китайскими чиновниками пограничных знаков. Распоряжение должно быть сделано подобно прошлогодне-

му...»[336]. Через несколько дней из Томска на имя Бийского окружного исправника отправили предписание: «Пришедшей Телеграммы начальника штаба Западносибирского военного округа от 22 июня, предлагал... сделать распоряжение о назначении по вашему усмотрению, одного из чиновников, служащих в Бийском округе и хорошо знающих местность пограничного края, а также 2-х полицейских стражников и нескольких старших из алтайских калмыков, для сопровождения назначенного вами чиновника во время производства установленного согласно договору, ежегодно осмотр пограничных знаков, совместно с имеющими приказ на границу Китайскими чиновниками. Назначенный вами чиновник указано был командирован на границу к знаку Богосук по получению сообщения от улясутайского амбаня о времени прибытия на китайскую границу»[337].

Предполагаемая проверка границы встретила много препятствий и не была осуществлена. 12 августа 1880 г. Бийский Окружной исправник писал Томскому губернатору: «...Так как отдельный заседатель и участковые заседатели Бийского округа, равно и полицейские приставы не могут быть командированы для исполнения означенного поручения без ущерба для делопроизводства по случаю громадного вступления дел и отдаленности разъездов, то я покорнейше прошу Ваше Превосходительство не признаете ли возможным командировать к знаку Богосук переводчика монгольского языка Брандина, но с самыми подробными и строгими инструкциями, по которым он должен исполнить это поручение, или же осмотр пограничных знаков поручить другому чиновнику по Вашему назначению, так как в настоящее время, при не совсем определенных отношениях с Китаем, нужен для этого поручения человек толковый и осторожный в своих

действиях — словом человек во всех отношениях тактичный»[338]. 30 сентября 1880 г. из Томска писали в Бийск: «По дошедшим до меня частным слухам китайские чиновники уже прибыли на границу давно и прибывают там долгое время в ожидании прибытия русского чиновника, а между тем распоряжения о командировании на китайскую границу чиновника, согласно означенному предписанию моему за № 3504 Вами не сделано. Действие сего предписанного Вам м.г., немедленно донести мне по какой именно причине не был командирован вами к знаку Богосук чиновник полиции для проверки пограничных знаков, если китайские чиновники действительно приезжали на границу для этой надобности. На случай же, если китайские чиновники, прибывшие на границу для проверки пограничных знаков, находятся там до настоящего времени, распорядитесь немедленным командированием к ним для проверки пограничных знаков алтайского отдельного заседателя и по исполнению мне донести»[339]. 11 октября 1881 г. Бийский окружной исправник сообщил в Томск: «...имею честь довести Вашему Превосходительству, что на Китайскую границу командирован Алтайский отдельный заседатель Вдовин»[340].

Русский представитель так и не доехал до линии границы. В рапорте Бийского окружного исправника говорилось: «Исправляющий должность алтайского отдельного Заседателя Вдовин, рапортом, от 5 сего ноября донес что он послал к Зайсангу 2-й Чуйской волости узнать, ожидают ли в настоящее время Китайские чиновники прибытия на границу Русского чиновника, для совместного осмотра пограничных знаков, на что и получил ответ что Китайские чиновники приезжали на границу в июне месяце и прождав там русского чиновника 18 дней, возвратились в свое

отечество, почему он, Вдовин поездкой на границу для означенной надобности приостановился»[341].

Произошедший в 1880 г. срыв поездки на границу для совместной сверки пограничных знаков заставил русские власти на следующий год готовиться к данному мероприятию более тщательно. В марте 1881 г. Бийский окружной исправник Ковалевский писал в Томск: «Ваше превосходительство от 26/27 июня прошлого года за № 3504, изволили предписать мне командировать полицейского чиновника для производства осмотра пограничных знаков с Китаем... Заседатель Вдовин, ездивши в Кош-Агае (ч), узнал, что китайские чиновники приезжали на границу в июне месяце, и прождав там русского чиновника 18 дней, возвратились в Китай в том же июне месяце. Между тем первое предложение вашего превосходительства за № 3504, было получено в полицейское управление в 6 июля уже тогда, когда Китайские чиновники уехали с Богусака, почему осмотр пограничных знаков и не состоялся. Во избежание повторения такого обстоятельства и в настоящем году по осмотру пограничных знаков, я имею честь почтительней просить Ваше Превосходительство дать мне знать кого и когда именно из Полицейских чиновников угодно будет Вам командировать для этой надобности в настоящем году»[342].

30 апреля 1881 г. начальник штаба военного округа генерал-лейтенант И.Ф. Бобков написал Томскому губернатору: «Улясутайский Цзянь-Цзюнь сообщением от 2 февраля уведомил Управляющего нашим консульством в Урге, что 15 июня с.г. наступил срок, положенного трактатом осмотра пограничных знаков. А потому и просит о командировании с нашей стороны чиновника для встречи на границе с Китайским чиновником и для совокупного осмотра пограничных знаков. В следствие донесения о сем Управляющего нашим

Ургинским консульством, от 26 февраля № 30, Генерал-губернатору Западной Сибири, Генерал-Адъютант Мещеринов поручил мне сообщить вышеизложенном Вашему Превосходительству и покорнейше просить сделать распоряжение о командировании по примеру прошлых лет к знаку Богосук одного их чиновников, служащих в Бийском округе и хорошо знающих местность пограничного края, а также 2-х полицейских стражников и несколько старшин из Алтайских калмыков для сопровождения назначенного чиновника при осмотре пограничных знаков совместно с имеющими приехать на границу Китайским чиновникам. У знака Богосук должно связаться нашим и Китайским чиновникам, как упомянуто выше, к 15 июня и за тем следовать к пограничному знаку Шабин Дабага, наблюдая чтобы поставленные на этом пространстве пограничные знаки сохранились в целости и содержались в исправности. Если же Китайские чиновники вследствие каких либо причин не прибудут вовсе для производства установленного согласно договора ежегодного осмотра пограничных знаков, то командированные Вашим Превосходительством лица обязаны сделать по сему надлежащее постановление, которое должно быть представлено, которое должно быть представлено Командующему войсками Западного Сибирского военного Округа и Генерал-губернатору Западной Сибири»[343].

На этот раз работы по совместной сверке пограничных знаков на Алтае сорваны не были. 30 июля 1881 г. из Бийска в Томск докладывали: «В исполнении предписания Вашего Превосходительства, от 14-го мая за № 1842, имею честь представить при сем акт о проверке пограничных с Китаем знаков на русском и монгольском языках и счет Заседателя Вдовина в израсходовании им денег в количестве 201 рубль 80 копеек, которые Г. Вдовин просит ему возвратить»[344].

В 1882 г. опробованная накануне схема выполнения работ по сверке пограничных знаков в Бийском округе была закреплена. В апреле 1882 г. начальник штаба Западно-Сибирского военного округа генерал-лейтенант Бабков писал Томскому губернатору В.И. Мерцалову: «Для осмотра в нынешнем году пограничных знаков на китайской границе, по поручению командующего войсками округа, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, по примеру прежних лет, сделать предварительное распоряжение только о назначении одного чиновника по Вашему усмотрению из служащих в Бийском округе и хорошо знающих местность пограничного края, а также 2-х стражников и несколько старшин из Алтайских калмыков для сопровождения назначенного Вами чиновника во время производства установленного согласно договора, ежегодного осмотра пограничных знаков совместно с имеемыми приехать на границу китайским чиновниками. Назначенный Вами чиновник должен быть командирован на границу к знаку Богосук по получению сообщения от Улясутайского Цзянь-Цзюня о времени прибытия на границу китайских чиновников, о чем я буду иметь честь сообщить Вашему Превосходительству по телеграфу»[345].

Томский губернатор во исполнение вышестоящего указания выдал поручение исполнявшему в Бийске должность чиновника особых поручений Томского общего Губернского Управления Вдовину: «назначаю Вас для означенной надобности, предписываю Вам м.г. отправится на границу к знаку Богосук, к 16 июня для осмотра пограничных знаков на китайской границе. О командировании в ваше распоряжение стражников и нескольких старшин из Алтайских калмыков мною, с сим вместе, предписано помощнику бийского окружного исправника»[346]. Для обеспечения поездки помощнику бийского окружного исправника Жбиковскому

вскоре было приказано: «Командировать немедленно Кашагач алтайского стражника Стукаслова заготовить двадцать лошадей для поездки Вдовина на границу. Обязать Чуйских Зайсанов десятого июня быть непременно Кашагаче с демичами и переводчиками готовыми отправится на границу»[347]. 22 июня 1882 г. генерал-майор Цекланский телеграфировал из Томска в Омск: «В дополнение отношения № 1506 имею честь сообщить, что для осмотра пограничных знаков, командированы китайским правительством чиновник Хидабуха и Хадабуха, которые должны были выехать из Кобдо 10 мая»[348].

Поручения властей по осмотру границы было выполнено успешно и в установленные сроки. 7 июля 1882 г. на имя Томского губернатора был отправлен рапорт «Исправляющего должность чиновника особых поручений Томского общего губернского управления Вдовина», в котором говорилось: «...исполнив поручение об осмотре на русско-китайской границе пограничных знаков при сем имею честь представить в двух экземплярах, на русском и монгольском языках, акт о результате осмотра упомянутых знаков, а также счет о расходе произведенных мною во время той командировки. При чем считаю возможным покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о возврате мне из казны денег 165 рублей 55 копеек, употребленных мною из собственности во время сказанной командировки и показанных в представляемом счете позаимствованным»[349].

На следующий год процедура проверки пограничных знаков претерпела некоторые изменения. К Томскому губернатору по вопросу отправки комиссии на границу напрямую обратился уже управляющий Российским консульством в Урге. Он писал в марте 1883 г.: «Улясутайский Цзянцзюн сообщением, от 12 луны

8-го года правления Гуан-сюй, уведомил меня, что согласно тракта, заключенного в VIII году правления Тун-чжи, в настоящем году в V луне 25-го числа (17 июня) должны быть командированы на Сайлютгэм с обеих сторон чиновники для осмотра пограничных знаков. Сообщая о сем, покорнейше прошу ваше превосходительство, по примеру прежних лет, командировать к назначенному строку в Сайлюттэм чиновника с конвоем, и о распоряжении взялись по сему меня уведомить»[350].

Летом 1883 г. во главе русской комиссии к пограничному знаку Богосук ездил уже не Васильев а Алтайский отдельный заседатель Плотников, который обратился за возвратом истраченных на поездку 109 руб. 50 коп. так же в консульство. На это управляющий консульством написал Томскому губернатору: «Возвращая при сем приложенные при отношении от 18 августа с.г., за № 3335, акты об осмотре знаков на границе нашей с Китаем и счете, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство обратиться за возвратом затраченных 109 рублей 50 копеек к Степному Генерал-губернатору, которому по прежнему положению, всегда оплачивались подобные издержки или же в министерство иностранных дел как вверенное мне консульство не располагало и не располагает никакими суммами на оплату расходов по осмотру нашей границы»[351]. Томский губернатор переадресовал просьбу о возмещения расходов на поездку к знаку Богосук в Азиатский департамент МИД. Но в феврале 1884 г. из МИДа ответили: «Господину Начальнику Томской Губернии. Отношением от 14 октября минувшего года № 5013, Ваше Превосходительство изволили просить Азиатский департамент о переводе в Ваше распоряжение 109 р. 50 к. израсходованных исполняющим должность Алтайского отдельного заседателя по проверке

пограничных знаков на протяжении русско-китайской границы в пределах вверенной Вам губернии. Как Вашему Превосходительству известно, расходу на периодическую проверку границы с Китаем со стороны Западной Сибири всегда покрывались доселе из экстраординарной суммы Западносибирского военного округа. А потому департамент полагает, что пополнение произведенного ныне расхода ближе всего подлежит командующему войсками омского военного округа, в ведомстве которого находится и томская губерния. В смете же м.и.д. не имеется статьи, из коей означены расходы мог бы быть пополнен»[352].

Озвученная выше проблема, касающаяся финансовой составляющей экспедиций на границу, не была единственной. По-сути, вся проверка границы сводилась лишь к встрече с китайскими чиновниками лишь около одного пограничного знака, в то время как соглашения предписывали проезд вдоль всей линии границы. В 1884 г. Бийский окружной исправник в одном из своих рапортов писал: «При мне уже в течении трех лет посылаются ежегодно чиновники на границу для освидетельствования пограничных знаков. Это освидетельствование исполняется только по-китайски, съедутся на один известный пункт, принесут друг другу подарки по китайскому обычаю (разумеется наш чиновник никогда не бывает в убытке) и затем подпишут требуемы акт и тем кончается миссия. К несчастью нашему, любознательности у командированных чиновников у наших не проявлялось никогда, а между тем такие чиновники расходуя 200 слишком рублей ежегодно на поездку, кроме китайского акта и подарков, которые получат для себя, ни каких путных заметок или сведений не предоставляют ни Вашему Превосходительству, ни Бийской полиции о состоянии пограничной линии, тогда как

весьма удобно исполнить в такую поездку более высокую задачу для правительства, приобретая точные понятия о государственной границе и мы бы знали теперь, что именно необходимо нужно нам учредить на своей границе для охраны ее и проч.»[353].

Высказанные пожелания отчасти были реализованы в 1885 г., когда на границу ездил в сопровождении переводчиков алтайского и монгольского языков «Помощник Алтайского Отдельного Заседателя Ландышев». Но работа чиновников на границе на протяжении следующих нескольких лет встречала различные препятствия, сопровождалась различными проблемами и противоречиями.

Иван Ландышев в рапорте на имя Томского губернатора так описал свою работу на границе: «20 числа минувшего Июня я получил предписание Г. Бийского Окружного Исправника... Употребив несколько часов на приготовление сухарей, я выехал из своей резиденции утром 21 Июня и прибыл на сборный пограничный пункт, Эты-Тай (Семь-горок), утром 30 Июня. Не имея ни инструкции, ни пограничной карты, ни средств, ни времени для собрания необходимых сведений, ни определенного понятия о возложенном на меня поручении. Я должен был руководствоваться только буквальным смыслом телеграмм... Между тем. Встретились недоразумения, о которых я и нахожусь вынужденным доложить неофициально. На соборном пункте я осведомился, что сюда, на этот раз, кроме трех китайских чиновников прибыли все 9 урянхайских (сойонских) зайсангов со свитою. Все они 17 суток ждали меня... Через час после приезда, в юрту мою заявились все урянхайские власти... без церемоний потребовали объяснение: почему я не прибыл в условленный срок, т. е. 13 Июня и кто теперь заплатит им, урянхайцам, издержки по содержанию китайских властей... Я послал

переводчика к китайским властям осведомится об их здоровье... В тот же день китайцы посетили меня и спросили о причине промедления. Я просто ответил, что такую дальнюю поездку верхом совершил первый раз в жизни, почему в пути и заболел... В тот же и последующие затем дни, пограничные знаки были поверены, причем, о местонахождении каждого знака и пограничной линии я предварительно расспросил местных жителей — русских подданных чуйцев и купцов. Китайские военные посты (пикеты) отстоят от знаков на 5—40 верст... только на Суок пост занимает место у самого столба... На последнем знаке (Шабынтабага) китайцы покрыли вырезанный на столбе знак красной краской и сняли на бумагу оттиск, для представления своему правительству...»[354].

В 1886 г. для проверки пограничных знаков по Сайлюгемскому хребту выезжал, как и неоднократно в предыдущие годы, «Казначей Томского Губернского Правления» губернский секретарь Васильев. В своем рапорте он сообщил, что он провел осмотр «16 июня пограничных знаков между Томской губернию и смежною с нею частию Китайской Империи, в Улясутайском округе»[355]. Таким образом, этот чиновник опять свою работу ограничил встречей с китайскими чиновниками около одного пограничного знака.

На следующий год русские власти направили на границу другого чиновника, но по вине китайской стороны совместная проверка границы не состоялась. Командированный на границу в 1887 г. чиновник особых поручений Томского общего губернского управления Д. Яновский писал 19 июня 1887 г. из Кош-Агача: «Согласно предписания Вашего Превосходительства от 13 Апреля с. г. за № 1006 — я отправился из Бийска для освидетельствования пограничных знаков совместно с китайскими чиновниками 7 Мая. В урочище Кош-

Агач я прибыл 18 Мая... В урочище Кош-Агач я прибыл с одним стражником, взятым из Бийского Полицейского Управления, с переводчиком калмыцкого языка, взятым в Онгудае, и переводчиком Монгольского языка, взятым в аиле на дороге в Кош-Агач. Провизии и сухарей я взял с собою на месяц. Тот час по приезде в Кош-Агач мною был послан нарочный на границу — узнать, когда ждут китайских чиновников; нарочный вернулся с известием, что о приезде китайских чиновников ничего не слышно. Спустя несколько дней я снова отправил нарочного, но ответ был тот же. так продолжалось до 8 Июня... 8 Июня — демичи 2 Чуйской волости Балаштой сообщил мне, что китайские чиновники прибыли. Я немедленно собрался и 9 Июня выехал из Кош-Агача на границу в Сайлютгем. 12 Июня я приехал в Агузук (по русски белый лог) на р. Богузук, где были мне приготовлены юрты и где ожидают русские чиновники первого визита китайских. Юрты буквально стояли на снегу. Через Чую и Богозук мне пришлось переправляться верхом с опасностью для жизни. Но несмотря на снег, ежедневные бураны и другие невзгоды я провел в вышеозначенной местности до 13 Июня — слух же о приезде китайских чиновников оказался ложным (дознание для полного разъяснения, кто первый пустил этот ложный слух и сделал ли это умышленно, мною поручено демичи 2-й Чуйской волости Балаштаю). Люди сопровождавшие меня все заболели, я сам тоже заболел. Между тем окольными путями до меня дошли сведения, что китайские чиновники знают о моем приезде на границу, но не смотря на это не спешат, так как по пути они производят торговлю с местными жителями и едут с 150 вьюками. Доведенный до крайности — я 14 Июня в сопровождении Божко Джун-Куя, кунди Бааджима и переводчика Никиты Хабарова отправился и лично осмотрел ближайшие

пограничные знаки и составил об этом акт. 15 Июня я выехал обратно в Кош-Агач и тотчас же по приезде туда послал снова на границу стражника Гаврилова... но те вернулись 19-го и сообщили мне, что... китайские чиновники находятся еще на расстоянии 20 дней пути... мне пришлось бы с сопровождавшими меня людьми остаться без припасов, отрезанными от Онгудая и Бийска... я отправил нарочного с бумагой, извещающей, что в 1887 г. не будет совместного осмотра границы... 20 Июня выехал из урочища Кош-Агач по направлению к Бийску...»[356].

Сложившаяся система ежегодного командирования чиновников для проверки границы на Алтае сохранялась до конца века. 26-м мая 1894 г. датируется следующий документ: «Господину секретарю Томского Губернского правления надворному советнику Васильеву. Российский императорский генеральный консул в Урге от 17 марта сего года за № 121 сообщил, что для осмотра в текущем году наших пограничных знаков с китайским в районе томской губернии Улясатайский и Ургинский главных властей уже назначены чиновники. Вследствие сего поручаю Вашему Высокоблагородию освидетельствование совместно с Китайскими чиновниками пограничных знаков, предлагаю отправится для сего к местности «Сайлютгэм» с таким расчетом, чтобы прибыть туда 25 июня. При этом присовокупляю, что и одновременно с сим предписать Бийскому окружному исправнику командировать в Ваше распоряжение некоторое число стражников и вообще указать вам содействие для успешного выполнения возложенного на вас поручения. Суточные на два месяца и день и на прочие и другие расходы получите из Общего Губернского управления»[357].

В составленном надворным советником Васильевым «Акте» по результатам экспедиции говорилось:

«1894 года июня 26 дня, командированный господином начальником Томской губернии секретарь Томского Губернского правления Надворный советник Васильев и чиновники, командированные от китайского правительства из Улясутайского округа Полехын, Кынынча и Чувамбо совместно осматривали пограничные знаки между Российской империей и Китаем и нашли таковые на своих местах, в надлежащем порядке. Во время пребывания на границе никаких жалоб и претензий со стороны местных жителей заявлено не было в удостоверение чего и составили настоящий акт»[358]. Надворный советник проехал вдоль всей границы до верховьев Абакана. Это подтверждается отчетом китайской комиссии, представленным консулом в Урге в переводе с маньчжурского: «Сообщение командированных Великого Дайцинского Государства Улясутайскими Цзяньцзюнем и Хэбэй-Амбанями для совместного осмотра вновь постановленных пограничных знаков: имеющим шарики 5-ой степени письмоводителя Бэлхэна; имеющего шарик 5-ой ст. сотника Чжэо-Ван-бана и за ротного командира имеющего шарик 5-ой ст. поручика Бэнгэна. Согласно с трактатом и во исполнение полученного ныне предписания, мы прибыли 5-го числа VI луны (25 июня) с. г. в местность «Даолатолгай» и свидевшись тотчас же по приезду с командированным от Великого Российского государства чиновником «Игулай» и др., в тот же день направились на север от перевала «Богосок» и самым тщательным образом осмотрели по порядку все пограничные знаки, вновь поставленные на перевал «Шабин». При осмотре нами не найдено никаких повреждений и все сделано в обоих государствах без малейшего обмана и уклонений, в удостоверение чего и на основании трактата по дружественным отношениям

взаимно обменялись протоколами. 5 ч. VI л. 20-го г. правление Гуан-сюй (25-го июня 1894 года)»[359].

В дальнейшем совместные пограничные комиссии продолжали ежегодно проезжали вдоль всей границы от перевала Богосук до знака Шабин-дабага. На это. В частности, указывает «Разменный лист выданный Великого Дайцинского государства от командированных Улясутайскими Цзян-цзюнем и Хэбэй Амбанями, для осмотра пограничных знаков: письмоводителя Силингэ и двух поручиков Куй-юй и Гэнгэ-нэнь» 1898 г. В документе говорится: «Ныне во исполнение поручений сего года пятой луны двадцать второго числа (июня двадцать восьмого) мы прибыли на место Даоланьтологай и встретились там с командированным русским чиновником Владимиром Архиповым, откуда к северу от хребта Богосук, до хребта Шабин дабага, нами были по порядку осмотрены пограничные знаки. По осмотру, никаких повреждений не оказалось и недоразумений между обоими государствами также не было, а потому обе стороны обменялись составленными протоколами»[360].

Совместный осмотр пограничных знаков российскими и цинскими чиновниками осуществлялся до конца XIX в. 18 марта 1899 г. генеральный консул в Урге Я. Шишмарев сообщал Томскому губернатору: «Улясутайский Цзян-цзюнь в виду истечения годичного срока просит командировать русского делегата для обычной проверки пограничных знаков. Сообщай вышеизложенное на усмотрение Вашего Превосходительства, имею честь покорнейше просить сделать зависящее распоряжения по сему предмету»[361]. Вскоре последовал приказ о командировании на границу командировании делопроизводителя Томского губернского управления титулярного советника Андрея Завадовского, который должен был встретиться с китайски-

ми чиновниками 29 июня. Для восстановления дальнейшей истории границы на Алтае, в том числе взаимодействия властей двух стран в части наблюдения за линией государственной границы в пределах Бийского округа, требуется выявить и проанализировать новые документы.

Приложение 3
Цинская столица Внешней Монголии накануне Синьхайской революции в описании русского разведчика

В фондах Государственного архива Красноярского края сохранился интересный документ — донесение разведчика Усинского пограничного начальника «Поездка в Улясутай», датированного серединой 1911 г.

Улясутай (монг. — Улиастай; кит. — 烏里雅蘇台) был административным центром Внешней Монголии Цинского Китая с XVIII в. В этом городе была резиденция цинского генерал-губернатора — цзянцзюня, которому подчинялись высшие цинские чиновники Внешней Монголии — Улясутайский цаньцзаньдачэнь, Кулуньский (Ургинский) баньшидачэнь, Кобдинский цаньцзаньдачэнь и др., называемые обычно амбанями.

Последним Улясутайским цзянцзюнем был Куй Фан (奎芳), сменивший в 1910 г. Кунь Сю (堃岫), переведенного из «столицы» Внешней Монголии, в «столицу» Внутренней Монголии. Оба выше названных цзянцзюня были маньчжурам, только Куй Фан принадлежал у желтому знамени, в отличие от предшественника, принадлежавшего к белому знамени. Последним Улясутайским цаньцзаньдачэнем (амбанем), с осени 1909 г., был маньчжур Жун Энь (榮恩)[362].

Несмотря на то, что Улясутай был административным центром Внешней Монголии, а цзянцзюнь

представлял высшую власть в регионе, в России его история изучена слабо. Традиционно в Монголии русские больший интерес проявляли к административному центру восточного округа Внешней Монголии — Кулуню, известному как Урга. Причина заключалась в том, что именно через этот город проходила дорога, связывавшая Россию с Пекином. И именно в Урге находилась резиденция верховного первосвященника Монголии — Богдо-гэгена.

Несмотря на вышесказанное, Улясутай в конце XIX — начале XX вв. так же представлял значительный интерес для русской власти, предпринимателей и ученых. Резиденция цзянцзюня оставалась не только административным центром всех прилегающих к Сибири цинских земель, но и военным и экономическим центром всей западной части Халхи и южного Присаянья, бывшими перспективными районами для русской политической и экономической экспансии. С 1860-х гг. Улясутай неоднократно посещал консул в Урге Я.П. Шишмарев, в городке нередко останавливались русские исследователи, торговцы, чиновники.

Особый интерес Улясутай представлял для созданного 1886 г. на юге Енисейской губернии Усинского пограничного округа, в сфере влияния которого находился Урянхайский край (Танну-Тува Урянхай). Наследственный правитель Тувы — амбын-нойон напрямую подчинялся Улясутайскому цзянцзюню.

Накануне Синьхайской революции отношения между русскими и тувинские властями осложнились и для урегулирования ситуации Улясутайский цзянцзюнь командировал своего представителя в Танну-Тува Урянхай. Управляющий Российским консульством в Улясутае летом 1911 г. сообщал посланнику в Пекин: «9 июня из Улясутая в сопровождении переводчика и письмоводителя выехал чиновник по русским делам

цзурган Вэнь, командированный Улясутайским Цзянцзюнем в Урянхайский край для восстановления сожженного Чабчальского пограничного знака»[363]. Визит тувинского амбын-нойона в Усинск в сентябре 1910 г. ознаменовал окончание русско-тувинского противостояния, но в это время Российская дипломатическая миссия в Пекине официально сообщила китайскому правительству о том, что Танну-Тува является спорной территорией. 28 февраля 1911 г. (ст. ст.). В столице Восточной Сибири было образовано под председательством Иркутского генерал-губернатора совещание «для выяснения положения дел в Усинско-Урянхайском крае»[364].

Сторонником утверждения русской власти в Туве и активной внешней политики в Монголии был Усинский пограничный начальник А.Х. Чакиров. В апреле 1911 г. под его началом в селе Усинском прошло секретное совещание особой комиссии, в котором приняли участие местные чиновники и приглашенные «обыватели». Реакцией Улясутайского цзянцзюня на русскую активность в Урянхае стала отправка в Танну-Туву специального чиновника для создания разведывательной сети и давления на тувинских чиновников с целью недопущения их перехода под власть России. В этой ситуации Усинский пограничный начальник и направил в «столицу» Монголии своего разведчика, имя и официальный статус которого установить на данный момент не удалось. Разведчик выехал тайно из села Усинского 2 августа1911 г. и, проехав через Сагалдай, направился прямой дорогой на юг.

В донесении разведчика Усинского Пограничного Начальника «Поездка в Улясутай» дается картина китайского присутствия в Цинской столице Внешней Монголии накануне Синьхайской революции, в августе 1911 г. В документе говорилось: «Улясутай стоит среди

больших гор... дома в городе китайские фанзы-мазанки, с бумажными окнами и потолками, ограда — частокол из лиственничного не толстого леса, улица узкая, торговцев около 50 фирм, из [которых] 10 крупные, остальные мелкие, около 20 мастерских, скорняки, портные, шубники, серебряники, кузнецы и столяры. Китайцы ведут крупную торговлю — большие запасы чая, черного и зеленого, талембы, табаку и проч. монголо-саетских товаров — указывают это, русских торговцев в Улясутае немного... торбаганьи шкурки в Россию идут, остальное шкурье в Китай, в настоящее время я видел у торговцев китайцев лисиц около 6 тысяч штук, но это говорят остатки, на самом деле их бывает много больше... из Китая идет чай, табак, талимба, мука пшеничная, рис, шелковые ткани, ханшин... Китайских товаров продается в Улясутае на несколько миллионов рублей, а русских едва ли и на один миллион. Китайские власти в Улясутае — Дзянь-Дзюнь и два Амбаня — помощника Дзянь-Дзюня, один из них китаец, другой монгол, квартира их в крепости от города 1 ½ версты. В городе находится банк, который свои операции производит только с монголами, беря с них 36% годовых. На одном краю города полицейское Управление, у ворот которого висят две большие плети и доски — колодки для закования преступников, на другом конце города храм и казарма для солдат, казарма маленькая человек на 10—15, здесь живут два-три солдата караульщика, здесь стоят две статуи /два человека и два коня/ изображающие каким должен быть кавалерист, может быть по-китайски или по-монгольски эта поза очень хороша и молодцевата, но я в выпученных глазах и длинной одежде не нашел ничего красивого и хорошего, здесь же находятся десятка два ружий, семи зарядные магазинки с надписью «Эрфурт» калибр крупнее наших старых берданок. Не-

сколько желтых трехугольных с красными полосками по краям флачком на коротких древках — палочках прикрепленных к некоторым домам указывают, что здесь живет солдат, таких флачков по городу висит штук 10. На запад от города, невдалеке от него видны поля и огороды, сеют овес, из овощей же капусту, земледелие развито очень слабо, да кажется и нельзя его развить — нет удобных мест для посева и кроме овса и ячменя едва ли какой хлеб дозреет — убьют ранние морозы.

В Улясутае числится 500 ч. солдат, но на действительной службе состоит только 30 человек, и что это за солдаты, немолодые, тощие с бледными лицами они похожи скорее на только что выпущенных из тюрьмы арестантов, длинная китайская одежда, соломенная шляпа, сверху безрукавная куртка с нашитыми красными буквами — вероятно название части войск и бамбуковая тросточка в руках вот вся форма китайского солдата, говорят, что где-то в Шара Сумо солдат одевают и учат по Европейски но здесь еще нет ничего. Приехавший новый Губернатор строгий, сердитый, к русским относится внимательно, особенно при взыскании долгов русскими с монголов, не хочет ли он этим восстановить монгол против русских... Губернатор как говорят часто бывает у крупных русских торговцев и кажется не прочь выпить. Старый Дзянь Дзюнь уехал месяца два назад в Шара Сумо. Отношение Дзянь Дзюня к Монголам и Саетским Нойонам такое как к своим лакеям, Нойоны перед ним не имеют права стоять на ногах или сидеть, а должны стоять на коленях. На этих днях новый Дзянь Дзюнь едет проверять караулы от Кобдо до караула Чичаргана на Ирсыне, на каждом карауле ему должны платить 765 лан серебра, дать содержание ему и его свите — около 100 человек, дать лошадей 400 на каждом станке... Почта в Улясутае

отходит на Кош Агач еженедельно, приходит два раза в месяц, в октябре ожидается в Улясутай русский почтовый чиновник будет открыто почтовое отделение. Казаки 30 ч. состоящие при консульстве когда производят учение — джигитовку, то привлекают массу монгол посмотреть на русских проделывающих такие мудреные и красивые вещи на лошадях.

В конце Августа в Улясутай прибыл из Кобдо немец-фотограф, интересуется всем, чем можно... в конце же августа из Урги в Улясутай приехали два японца-офицера, были с визитом у Дзянь-Дзюня и у нашего консула, те назавтра отдали им визит, в начале Сентября немец уехал на Ургу, а японцы на Кобдо. 16 сентября депутация от собрания /сейма/ Цзасакту Ханскаго хошуна, во главе с председателем собрания Цзасаком, была с визитом у русского консула.

Улясутайская крепость находится на восток от города, в 1½ верстах от него, это правильный четырехугольник, стены которого сложены из дерна, толщиною у основания 14 шагов, вышиною аршин 6. снаружи стен заставлены лесом, хотя есть много мест не заставленных; изнутри стены имеют уступ так что в разрезе стена получится такой формы. Ворот в крепости трое, с восточной, южной и западной сторон, с северной нет, над воротами и по углам деревянные башни в которых стоят пушки, говорят, что из пушек можно пугать только воробьев, ворота сделаны из лиственничных плах толщиною вершка два, снаружи обиты жестью и гвоздями, имеющими громадные шляпки, одни наружные в полукруглой стене, другие внутренние в прямой стене, устройство тех и других одинаковое, крепость окружена рвом наполняющимся водою, теперь во рву — ширины вверху 12 шагов, глубины аршина 3, от стен крепости ров проходит на расстоянии 10 сажен. Из западных ворот крепости устрое-

на хорошая широкая дорога в город. Помещения для солдат в крепости фанзы деревянные обмазанные глиной, некоторые разваливаются, производят впечатление беспорядочно построенных лачужек, солдат видел в крепости человек 5 , два — должно быть часовые караульщика ходят около башен на стенах крепости дватри внутри крепости /один караульщик тюрьмы, другой церкви/, говорят, что в крепости есть училище где учится около 60 человек, но где это училище я не мог узнать, не видел также учащихся. С восточной стороны в крепости проведена канава с водой. Каждая стена крепости будет длиною 250 саж. Между городом и крепостью течет р. Загастай, через которую устроен хороший деревянный мост, повыше города и коло города берега речки укреплены плотниками — вероятно для того чтоб город не заливало водой»[365].

Разведчик к своему донесению приложил выполненные им три карты: крепости, собственно города Улясутая, а также местности в районе города, с указанием крепости цзянцзюня, дворца амбаня, управления одного из хошунов, китайского торгового заведения «Та-шин-хо» и 4-х дорог, идущих из Улясутая в разных направлениях. В своем донесении разведчик отметил: «В вершине реч. Богдангол есть горячие минеральные источники, температура коих плюс 42 Г. источники эти между русскими славятся как очень целебные»[366].

Карте города Улясутая русский разведчик отметил: «1. Юрты караульных солдат. 2 Храм. 3 Помещение караула. 4. Кумирня-храм. 5. Торговли. 6. Торговли. 7. Русские торговли. 8. Русское консульство. 9. Китайское полицейское управление. 10 Китайский банк. 11. Ограда с юртами монгол. 12. Китайская гостиница. 13. Тоже. 14. Мастерские. 15. Тоже. 16—17. Храмы. 18—19 Огороды. 20. Крупныя кит. торг. Бидюнь-лусу. 21. Тоже круп. Торг. Юн-син-хо. Шулинхо и Холонбо»[367].

Приложение 4
Документы из фонда «Бийское уездное полицейское управление», хранящегося в Государственном архиве Алтайского края об отправке русских войск в Западную Монголию в 1913 г.[368]

В истории международных отношений важной, но малоизученной проблемой стал ввод русских войск в Западную Монголию после победы Синьхайской революции в Китае и провозглашения независимости Монголии. В 1911 г. в Китае началась революция, приведшая к гибели Цинской империи и провозглашению Китайской республики. Монголы Халхи так же свергли цинскую власть, но не признали власть китайцев-республиканцев. Представители бывшей Цинской администрации вместе с китайскими гарнизонами без сопротивления покинули все города Халхи. В конце ноября 1911 г. ургинский амбань (баньшидачэнь) Сань До покинул Ургу (Кулунь). 15 декабря 1911 г. без сопротивления покинул свою резиденцию и Улясутайский цзянцзюнь со своим окружением. Во Внешней Монголии было провозглашено независимое теократическое государство с центром в Урге во главе с Богдо-гэген Джембцзун-дамба-хутухтой VIII. Правительство Внешней Монголии возглавил Саин-нойон-хан, воспитанный при Цинском дворе. Одним из самых влиятельных политических деятелей был министр иностранных дел Ханда-цин-ван. Вся полнота власти на местах осталась в руках владетельных князей — хошунных цзасаков. Место цинских амбаней в Улясутае и Кобдо заняли наместники богдо-гэгэна (сайты).

В Кобдо позиции Пекина были более прочными, чем в Халхе, цинская администрация Западной Монголии надеялась на помощь из соседнего Синьцзяна, да и западные монголы не были единодушны в стремлении

отделиться от Китая и присоединиться к Халхе. Амбань Пу Жунь отправил семьи китайских чиновников и часть торговцев в Россию, а сам вместе с основной частью китайской колонии Кобдо остался защищать административный центр Западной Монголии. В августе 1912 г. цинская крепость в Кобдо была захвачена монгольскими войсками.

Сразу же после провозглашения монголами независимости Россия предложила свои услуги по предотвращению монголо-китайского конфликта. Но в январе 1912 г. китайский посланник Лу Чжэнсян сообщил министру иностранных дел С.Д. Сазонову об отказе от посредничества России. Через месяц после отречения Пу И от престола Юань Шикай ликвидировал автономию Монголии и попытался силой восстановить власть Китая над Внешней Монголией. Против политики России в поддержку самостоятельности Монголии выступили все китайские политические партии, губернаторы проывинций и наместник Маньчжурии. В январе 1912 г. Сунь Ятсен предложил монгольским князьям объединиться против «русской агрессии». Антирусские силы, напрямую поддержанные вице-президентом Ли Юаньхуном, выступили за полное восстановление китайской власти в Монголии военным путем. В городах юга Китая проходили митинги, собирались средства и оружие для военного похода в Монголию. В разных местах действовали «общества спасения Монголии», китайцы объявляли бойкот русским товарам и учреждениям. Признание автономии Монголии было условием дипломатического признания Китайской Республики со стороны Российской империи, с чьим мнением считались все ведущие державы мира. 3 ноября 1912 г. президент Юань Шикай вынужден был подписать Декларацию о признании автономии

Внешней Монголии и запретить все организации, готовившие военные дружины для похода в Монголию.

В центре внимания русских военных властей в 1913 г. была прилегающая к русскому Алтаю Западная Монголия. В начале 1913 г. на территории Кобдинского округа была сосредоточена крупная группировка хорошо обученных китайских войск, численностью до 4 тыс. чел. И летом того же года монгольские войска вступили там в борьбу с китайскими отрядами, однако ни у одной из сторон не было сил для установления полного контроля над Западной Монголией.

Для защиты русских интересов и поддержания стабильности в Западной Монголии летом 1913 г. в этот регион был направлен крупный воинский контингент из состава Омского военного округа. Документы, отражающие ввод русских войск в Западную Монголию сохранились в Государственном архиве Алтайского края — Фонд № 170 «Бийское уездное полицейское управление».

Фонд 170. Оп.1. Д.549.
Л. 1.

М.В.Д.
Томский губернатор
По Губернскому управлению
1-е отделение
25 апреля 1913 г.
№ 9913-й
Гор. Томск

КОПИЯ
ЛИЧНО
С. Секретно

Бийскому уездному
исправнику.

Как видно из сообщения Командующего войсками Омского военного округа от 16 апреля тек. года за № 1138-м из гор. Ново-Николаевска в направления Бийск-Кош-Агач-Кобдо будет двинут отряд в составе

2-х батальонов пехоты, 8 горных орудий, полуторы сапер и полусотни казаков с необходимыми обозами и тыловыми учреждениями.

Давай знать об этом, предлагаю оказать полное и законное содействие войскам I/ по формированию транспортов, покупке лошадей и перевозке тяжестей отряда; 2/ по отводу квартир и облегчению покупки продовольствия и топлива при следовании отряда, а также частей, команд и военных транспортов, кои будут направляется в гор. Кобдо по Чуйскому тракту; 3/ по заготовке чинами интендантских запасов продовольствия; 4/ по приему в лечебные заведения гражданского ведомства по пути следования отряда и при эвакуации заболевающих воинских чинов к вообще во всех случаях обращения войск к содействию гражданской администрации. — Подлинное за надлежащей подписью. —

С подлинным верно: Секретарь

Копии сего распоряжения препровождены Крестьянским Начальникам 1,2 и 4 участков и Становым Приставам 1,2 и 5 станов для оказания содействия 6 мая 1913 г.

Л. 20

и.д. ОКРУЖНОГО ИНТЕНДАНКА ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА	Бийскому Уездному Исправнику
№ 19	Бийский Уездный исправник
«25» июня 1913 года	25 июня 1913
гор. Бийск	Томской губернии

В конце июня или начале июля месяцев приходит в Кобдо из Алясутая Верхнеудинский казачий полк, а дней через 10—15 сюда прибудут из Ново-Николаевска, направлять туда же 2 батальона пехоты, 1 горная

батарея, полутора сапер и полсотни казаков, всего около 2700 человек нижних чинов и 1700 лошадей. Организации продовольствия этого отряда возложено на Омское Окружное Интендантство подвозке гужем всего необходимого отряду из Бийска.

Ежемесячная потребность отряда в муке, крупе, овсе, не считая сена, которое предполагается заготовить в Монголии, выразиться приблизительно 20000 пуд.

Для подвоза припасов удалось заподозрить подрядчика Варвинского с платою до Кобдо 3 рубля с пуда, но этот подрядчик, внеся залог в обеспечение исправности подряда, до сих пор отправил только 6500 пудов и таким образом Казаки в Кобдо остались необеспеченными продовольствием, а лошадям придется довольствоваться пока подножным кормом, урожай который в этом году в Монголии к счастью обильный.

Несмотря на все принятые меры к привлечению новых подрядчиков и предложение крестьянам по деревням до сих пор удалось по мимо Варвинского отправить около 1000 пудов провианта большею частью до Онгудая и только 15 подвод до Кош-Агача с платою до Онгудая 85 коп. и Кош-Агач 1 руб. 85 коп. с покрышею от дождя в пути средствами возчиков.

Не рассчитывая и дальше устроить подвоз припасов по добровольному соглашению за установленную плату. Я покорнейше прошу Бийский уездный распорядительный комитет обсудить вопрос подвоза воинских грузов.

Л. 49

НАЧАЛЬНИК
Ново-Николаевского
Отряда
«11» июля 1913 г.
№ 50
Гор. Бийск
На № 319

Бийскому Уездному
Исправнику
Бийский
Уездный исправник
12 июль 1913
Томской губернии

Вверенный мне отряд из Города Бийска предположено выдвинуть тремя эшелонами: 1-й эшелон в составе 2-х рот 44-го Сибирского стрелкового полка и полевых хлебопекарен 12 июля; для него потребуется 21 обывательская подвода; 2—1 эшелон-Штаб отряда, 6 роте 41-го Сибирского стрелкового полка, ½ сотня казаков и ½-рота теперь — 14-го июля; для этого эшелона потребуется 24 обывательских подвода и 3-й эшелон — 2 роты 41-го Сиб. стр. полка 7-я горная батарея 8-й Сибирский стр. Артиллерийской бригады — 16 Июля; для него потребуется 9 обывательских подвод.

Генерального Штаба,
Полковник *подпись:* Козаков
Адъютант штаба отряда,
Поручик *подпись:* […]

Л. 64

«Утверждаю»
Командующий войсками Омского военного округа, Генерал от Кавалерии Шмит
26 апреля 1913 года
Г. Омск

Копия
Секретно

ВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Об устройстве и службе военных дорог и этапов для Ново-Николаевского и Зайсанского отрядов, выдвигаемых из Омского военного округа в Кобдоский и Алтайские района Монголии и Китая. —

§ 1. Для выдвигаемых из Омского военного округа Кобдоский и Алтайский районы Монголии и Китая Ново-Николаевского и Зайсанского отрядов устраиваются военные дороги с этапами: а/ от с. Кош-Агача Томской губернии до г. Кобдо и б/ от гор. Зайсана Семипалатинской области до г. Шара-сумэ в Алтайском округе.

§ 2. По этим дорогам должны доставляться в отряды укомплектования, снабжения и поста, производиться эвакуация и вообще сообщение с тылом.

§ 3. Списки этапных пунктов на дорогах, с подробным определением на каждом этапе числа чинов, открываемых приемных покоев для больных, хлебопекарен для снабжения хлебом и необходимых помещений для оборудования этапов, при сем полагаются / приложения №№ 1 и 2 /.

§ 4. Для несения службы назначаются: на линию Кош-Агач-Кобдо — две роты 44-го Сибирского стрелкового полка из числа квартирующих в г. Барнауле и на линию Зайсан — Шара-Сумэ — офицеры и нижние чины Зайсанской местной команды, с придачей казаков от 3-го Сибирского казачьего полка.

Распоряжения о наряде сделаны начальнику 11-й Сибирского стрелковой дивизии и начальнику Омской местной бригады.

§ 5. Для постов летучей почты находящихся в пунктах расположения этапов и подчиненных начальникам этапов, придаются: на линии Кош-Агач — Кобдо конные монголы, которые назначаются при содействии Кобдоского консула, и на линии Зайсан — Шара-сумэ — конные де джигиты-киргизы, назначаемые за вознаграждение при содействие областной администрации.

Примечание: сношение о содействии с Кобдоским консулом и Семипалатинским Губернатором сделано.

Л. 64 об.

§ Начальником этапной линии Кош-Агач-Кобдо назначается старший офицер из состава рот, которому иметь местопребывание по указанию начальника Ново-Николаевского отряда. Последнему он подчиняется и выполняет все распоряжения его до прихода отряда в г. Кобдо, а по соединении Улсутайского и Ново-Николаевского отрядов переходить в подчинение общего начальника Кобдоского отряда.

§ 7. Начальником этапной линии Зайсан-Шара-Сумэ назначается офицер Зайсанской назначается офицер Зайсанской местной команды по выбору начальника Зайсанского местного отряда; местопребывание он имеет по указанию того же начальника отряда, которому подчиняется.

§ Начальникам отрядов предоставляется, в случае действительной необходимости, разделить этапные линии на участки, с назначением для каждого их них особого начальника этапного участка, подчиненных общим начальникам этапных линий.

§ 9. При начальниках этапных линий, а в случае надобности и при начальниках участков, иметь вольнонаемных переводчиков монгольского[369] и киргизского[370] языков, с отнесением расходов на аванс, распоряжении начальников отрядов находящийся.

§ 10. На каждый этап, для заведования им, назначается распоряжением начальника этапной линии этапный комендант из состава чинов охраны этапа.

В сел. Кош-Агач этапным комендантом назначить офицера.

§ 11. Ведению этапного коменданта подлежат, независимо пункта расположения этапа, также и все ближайшие окрестности оного. Район, под ответственный

этапному коменданту, простирается: по направлению дороги — половины пути соседнего этапа, по всем же прочим направлениям — тех пунктов, куда, в зависимости от местных условий, этапный комендант имеет возможности распространить свое влияние.

§ 12. В подведомственном ему районе, этапный комендант есть *другой* представитель военной власти и непосредственный начальник всех воинских команд и чинов, находящихся на этапе для местной, караульной, конвойной и военно-полицейской службы.

§ 13. На обязанности этапных комендантов лежит охранение порядка и благоустройства на этапах.

§ 14. Распоряжение об охране каждого этапа в отдельности исходит от этапного коменданта. При отражении нападения на этапе, он руководствует над всеми, находящимися на этапе, войсками, если на этапе не находится старшего его в чине или звании строевого военного

Л. 65.

начальника; в последнем случае начальство над войсками принимает сей начальник.

§ 15. В отношении внутренней службы на этапе этапный комендант руководствуется существующими уставами и законоположениями.

§ 16. Следование подкреплений и транспортов со всякого рода запасами, отравляемыми к отрядам и обратный отвоз всего, подлежащего отправлению из отрядов, и в особенности движения нештатных и маршевых команд, почте и курьеров совершается не иначе, как по военным дорогам.

§ 17. Все, подлежащие отправлению в отряды и возвращению из них, направляется на начальные ли го-

ловные этапы дорог и распоряжением комендантов этапов отправляется от одного этапа до другого места назначения.

§ 18. При следовании транспортов коменданты этапов обязаны удостоверяться по наружному виду в целости грузов, требовать от старшего конвойного транспорта устроения замеченных неисправностей, делать дополнительный наряд конвоировать в случае надобности из числа людей охраны этапов и принимать все меры, чтобы транспорты следовали без задержки.

§ 19. Военные дорог с этапными пунктами устраиваются по распоряжению начальников отрядов, по мере продвижения отрядов в глубь Кобдоского и Алтайского округов. Перенесение в случае надобности, в стороны и изменение направления военных дорог производится также распоряжением начальников отрядов.

§ 20. Оборудование этапов и установление порядка службы возлагается на начальников этапных линий.

§ 21. Этапы и все учреждения при них помещаются: в населенных пунктах — в жилых строениях, в степи же, где нет построек в монгольских и киргизских юртах или в лагерных палатках; в последних в первое время, пока не будут доставлены юрты, а также в случае невозможности нанять юрты у населения.

§ 22. Лагерными палатками, согласно расчетов числа их в списках этапов / приложение № № 1 и 2-й / и подстилочной кошмой снабдить отряды окружному интенданту.

Юрты должны быть выставлены населением /за плату / при содействии Кобдоского консула и пограничной администрации в Зайсанском отряде.

Примечание: сношение сделаны:

§ 23. Оборудование этапов инвентарем произвести согласно прилагаемой

Л. 65 об.

ведомости / приложение № № 1 и 2-й / пограничных линий, распоряжение которых на покупку инвентаря отпустить авансы по 1000 руб.

§ 24. Снабжение этапов продовольствием производится попечением интендантства по требованию начальника этапной линии или участка. Пора снабжения печеным хлебов указан в приложениях №№ 1-й и 2-й.

§ 25. На всех этапах должны содержаться неприкосновенные запасы продовольствия, фуража и топлива в трехдневной пропорции. На текущее довольствие этапов организовать подвоз по мере надобности распоряжением интендантства.

§ 26. Пополнение боевых припасов на этапах должно производиться по требованиям начальников этапных линий распоряжением начальника Кош-Агачского передового артиллерийского склада и начальника г. Зайсана. Подлинное подписали: Начальник Штаба Омского военного округа, Генерал-лейтенант Ходорович. За Старшего Адъютанта Дорофеев.

Верно:

Вр. и.д. Делопроизводителя

Л.66

Приложение № 1

ПЕРЕЧЕНЬ ЭТАПОВ

на линии селение Кош-Агач — гор. Кобдо

Номер этапа	Пункты расположения этапа	Охрана	Оборудование
Начальный этап	С. Кош-Агач	35 н.ч.[1]/с офиц. и 6 монголов	Чины охраны [2]/ команда хлебопеков все проходящие команды разместиться насколько то позволят местные условия, по обывательским квартирам
	Всего…	41 человек	
			На случай невозможности полностью использовать квартиры, для нужд этапа отпускаются 9 палаток и 9 юрт [3]/
			На этапе открывается хлебопекарня[4]/ снабжающая хлебом, кроме начального этапа, этапы №. №. 1—3.
			Заболевающие чины сдаются в местное лечебное заведение.
	Промежуточные этапы		
1.	Р. Чуя /25 верст от предыдущего этапа /.	7 н.ч. 3 монгола --- 10 челов.	На каждый этап потребно 4 палатки и 4 юрты
2.	пик. Ташанты / 25	7 н.ч. 3 монгола --- 10 челов.	Хлеб, а также и медицинская помощь на этапах №.№. 1—3 получается с начального этапа, а на этапах №.№ 4—5 с этапа № 6

Номер этапа	Пункты расположе-ния этапа	Охрана	Оборудование
3.	Р. Бурчут / 30 верст /.	7 н.ч. 3 монгола ------------ 10 челов.	
4.	р. Хулик /18-ть верст /.	7 н.ч. 3 монгола ------------ 10 челов.	
5.	ур. Урукту /24 верст/.	7 н.ч. 3 монгола ------------ 10 челов.	
Л. 66 об.			
6.	р. Кобдо «…» верст	«…» с ун-офиц. 5 монгол ------------ 40 челов.	«…» открывается хлебопекарня и околоток. 3/ Хлебопекарня снабжается этапы №.№. 4—8 4/
7.	оз. Тон-Шара-Нор /23 в. /	7 н.ч. 3 монгола ------------ 10 челов.	На каждый этапе потребно 4 палатки и 4 юрты 3/
8.	оз. Толбо-Нор / 22 версты/	7 н.ч. 3 монгола ------------ 10 челов.	Хлеб, а также и медицинская помощь получается на этапах №.№. 7—8 с этапа № 6, а на этапах № 9—10 с этапа № 11
9.	р. Толбо /мойка Поповых / 25 верст/.	7 н.ч. 3 монгола ------------ 10 челов.	
10.	р. Бураты / 20 верст/.	7 н.ч. 3 монгола ------------ 10 челов.	

Номер этапа	Пункты расположения этапа	Охрана	Оборудование
11.	ур. Хонгурлень	25 н.ч. с учн-офиц. и 5 монгол ------------------- 30 челов.	На этапе потребно 8 палаток и 8 юрт в виду того, что на этапе открывается хлебопекарня и околоток [3/] Хлебопекарня снабжает хлебом этапы №.№ 9—13[4/]
12.	р. Хошаты /24 версты/	7 н.ч. 3 монгола ------------------- 10 челов.	На каждый этап потребно 4 палатки и 4 юрты[3/]
13.	ур. Хонго /16 верст/.	7 н.ч. 3 монгола ------------------- 10 челов.	Хлеб, а также и медицинская помощь получается на этапах №.№ 12—13 с этапа №. 11, на этапах № 14—15 с головного этапа
14.	р. Тархэ-Шурюк / 28-м верст/.	7 н.ч. 3 монгола ------------------- 10 челов.	
15.	оз. Шара-Нор /29 верст/.	7 н.ч. 3 монгола ------------------- 10 челов.	
Л.67.			
Головной этап	Гор. Кобдо /23 вер. /		Охрана этапа, а также и все продовольствие деть производиться самим отрядом по распоряжению начальника такого. Прибывающие команды будут препровождаться непосредственно в войсковые части [7/]
	Всего………	186 н.ч. пехоты и 55 ч. монголов	

Примечание: 1. В это число входит команда хлебопеков в рабочих всего 10 н.ч.

2. На всех этапах нижние чины пехоты назначаются из состава Барнаульского отряда.

Монголы назначаются для постов летучей почты, находящихся в пункте расположения этапа и подчиненных начальнику этапа, при чем монголы назначаются при содействии нашего консула в Кобдо, независимо от той линии летучей почты, которая существует в мирное время между Кош-Агачем и Кобдо.

3. Палатки выдаются интендантством, а юрты выставляются при содействии нашего консула в Кобдо по следующему расчету: на 10—15 н.ч. охраны 1 палатка /юрта/, кроме того нужна палатка /юрта/ для припасов и две палатки /юрты/ для проходящих команд /приблизительно на 25—30 чел. /; на этапах, где функционирует околоток 1 палатка /юрта/.

4. Суточная производительность хлебопекарни должна быть не менее 15 пуд. при чем выпечка хлеба на проходящие команды должна производиться в мере действительной надобности, по уведомлении о приходе таковых команд.

5. Взять усиленный состав охраны ввиду того, что от охраны потребуется **Л. 67 об.** содействие переправ через Кобдо проходящих команд и транспортов, кроме того, названная охрана будет служить участковым резервом.

6. Взять усиленный состав охраны, ввиду того, что охрана будет служить участковым резервом.

7. На случай, если бы потребовалось удлинение этапной линии, видимо иметь в запасе не менее 10 палаток.

8. На всю этапную линию необходимо 78 палаток, а с запасными 88, и 78 юрт.

9. Начальником всей этапной линии назначаются офицеры Барнаульского отрадя, которому иметь местопребывание по указанию начальника отряда, которому иметь местопребывание по указанию начальника отряда, которому он и подчинятся. — Подписали: Начальник Штаба Омского военного округа, Генерал-Лейтенант Ходорович. За Старшего Адъютанта, Генерального Штаба Капитан Шепихин. —

Верно:
Вр. и.д. Делопроизводителя.

Л. 68

Приложение № 2.

ПЕРЕЧЕНЬ ЭТАПОВ
На линии Зайсан — Шара-Сумэ.

Номер этапа	Пункты расположения этапа	Охрана	Оборудование
Начальный этап	Гор. Зайсане	25 н.ч. с ун.-офиц., 2 казака и 3 джигита. ------------------------ 30 челов. 1/	Помещение для этапа отводится в освободившихся казармах Зайсанского гарнизона. Хлебопекарня и приемный покой не открываются на этапе, ввиду наличия в гор. Зайсан местного лазарета и функционирующих войсковых хлебопекарен гарнизона.

Номер этапа	Пункты расположения этапа	Охрана	Оборудование
	Промежуточные этапы:		
1.	Май-Капчегай /верст от предыдущего этапа/.	5 н.ч. пехоты, 2 казака и 2 джигита --- 9 челов.	Чины охраны и все проходящие команды помещаются в палатках и юртах, в зависимости от состояния погоды, коих потребно 6 палаток и 6 юрт, включая сюда палатки и юрты, потребные для пограничного поста №.2[3/] Хлеб на этапе получается из гор. Зайсана, куда отправляются все заболевающие чины
2.	Урочище Туманды 2-е / 46 верст /.	15 н.ч. с. ун.-офиц., 2 казака и 2 джигита --- 19 челов.	На этапе потребно 5 палаток и 5 юрт[3/] Хлеб на этапе получается с этапа №.3, где функционирует полевая пекарня; заболевающие чины пользуются медицинской помощью с этапа № 3, где открыт околоток.
Л. 68 об.			
3.	Пик Мухурдай /42 [1/] / 2 вер./	25 н.ч. [4/] ун.-офиц., 1 фельд., 2 казака и 3 джигита --- 30 челов.	На этапе потребно 8 палаток и 8 юрт ввиду того, что на этапе открываются хлебопекарня и околодок[3/] Хлебопекарня снабжает хлебом этапы №.№. 2, 3 и 4 [5/]

Номер этапа	Пункты расположения этапа	Охрана	Оборудование
4.	оз. Улюнгур /42 версты/.	15 н.ч. 6/ ун.-офиц., 2 казака и 3 джигита ------------------------ 20 челов.	На этапе потребно 5 палаток и 5 юрт. Хлеб получается с этапа № 3; заболевающие чины пользуются медицинской помощью с этапа № 3, где открыт околоток.
5.	Сарыхулсунская переправа /42 версты/.	25 н.ч. 6/ ун.-офиц., 2 казака и 3 джигита ------------------------ 30 челов.	На этапе потребно 6 палаток и 6 юрт3/ Хлеб получается с головного этапа туда же отправляются и заболевшие чины.
Головной пункт	Гор. Шара-Сумэ		Охрана этапа, а также и все продовольствие будет производиться самим отрядом по распоряжению начальника такового. Прибывающие команды будут препровождаться непосредственно в войсковые части 7/
	Всего……	100 чел. 8/пехоты, 12 казаков и 15 джигитов	

Л. 68 об.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. На всех этапах нижние чины пехоты назначаются из состава Зайсанской местной команды.

Казаки и джигиты / киргизы назначаются для постов летучей почты, находящиеся в пункте расположения этапа и подчиненных начальнику этапа; а казаки берутся из состава 3-го Сибирского казачьего полка, / а джигиты назначаются распоряжением местной администрации и будут потребованы начальником отряда при недостатке казаков.

Л. 69

2. Назначение большого числа чинов для охраны этапа обстановкой не вызывается, так как в этом пункте имеется пост для охраны границы / № 2-я-25 чел. пехоты и 5 казаков /, который всегда может оказать содействие охране этапа.

3. Палатки выдаются интендантством, а юрты выставляются распоряжением местной администрации по следующему расчету:

На 10—15 ниж. чин. Охраны 1 палатка /юрта/, кроме того нужна одна палатка /юрта/ для припасов и 2 палатки /юрты/ для проходящих команд /приблизительно, на 25—30 чел. /: на этапах, где открывается хлебопекарня добавляются 2 палатки /юрты/ — для нижних чинов хлебопекарни, а на этапах, где функционирует околодок — 1 палатка /юрта/.

4. В это число входит команда хлебопеков и рабочих, всего 10 ниж. чин.

5. Суточная производительность хлебопекарни должна быть не менее 10 пудов, при чем выпечка хлеба

на проходящие команды должна производиться в мере действительно надобности, по уведомлении о предстоящем проходе таковых команд.

6. Взять усиленный состав охраны ввиду того, что от ее чинов потребуется содействие переправы через р. Черный Иртыш проходящих команд и транспортов.

7. На случай, если бы потребовалось удлинение этапной линии, необходимо иметь в запасе не менее 10 палаток.

8. На всю этапную линию необходимо 30 палаток, а с запасными 40, и 30 юрт.

9. Начальником всей этапной линии назначается офицер Зайсанской местной команды, которому иметь место пребывание по указанию начальника отряда, которому он и подчиняется. — Подписали: За Старшего Адъютанта, Генерального Штаба Капитан. Щепихин. —

Верно:
Вр. и.д. Делопроизводителя.

Примечания и комментарии

[1] См. список литературы в приложениях.

[2] [*Ишменецкий*]. Монголия. Очерк *Б.И. Ишменецкаго.* — П., 1915. С. 8—9.

[3] *Баторский А.А.* Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 1. — СПб., 1889.

[4] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 281.

[5] *Алтанцэцэг Н.* «Внутренняя Монголия» во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. — Улан-Батор, 1981. С. 59.

[6] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 277.

[7] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 289.

[8] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 376.

[9] *Велецкий С.Н.* Приилийский Кульджинский край. — П., 1915. С. 4—5.

[10] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 281—288.

[11] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 370.

[12] *Намсараева С. Б.* Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 2003. С. 133—134.

[13] [*Михайлов*]. Краткий очерк Восточной Монголии (Чжасатусский и Чжаримский сеймы) и Северной Маньчжурии (Хэйлунцзянская провинция). Ч. II. — Хабаровск, 1911. С. 14.

[14] *Баторский А.А.* Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. — СПб., 1891. С. 14.

[15] [*Ишменецкий*]. Монголия. Очерк *Б.И. Ишменецкаго.* — П. 1915. С. 16.

[16] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 278.

[17] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 48. Д. 771. Л. 61об-62об.

[18] *Палибин И.В.* Предварительный отчет о поездке в Восточную Монголию и Застенные части Китая. — СПб., 1901.

[19] *Price M.P.* Siberia. — L., 1912. С. 270.

[20] *Палибин И.В.* Предварительный отчет о поездке в Восточную Монголию и Застенные части Китая. — СПб., 1901. С. 42.

[21] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (Сборник материалов по Азии). Вып. XXXIV. С. 2.

[22] Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). Ф.188. Д. 811. Л. 18.

[23] *Дюгаев.* Военно-статистические сведения об Илийском крае, собранные в октябре 1900 г. // Штаба Туркестанского военного округа. Сведения касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XXVII. — 1901. С. 21.

[24] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 299—300.

[25] *Костенко Л.Ф.* Чжунгария. Военно-статистический очерк. — СПб., 1887. С. 109.

[26] *Костенко Л.Ф.* Чжунгария. Военно-статистический очерк. — СПб., 1887. С. 111.

[27] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 279.

[28] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 385.

[29] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 384.

[30] *Новицкий В.Ф.* Путешествие по Монголии в 1906 году // Известия ИРГО. Т.XLV. Вып.IV—VI. — СПб., 1909. С. 272.

[31] [*Михайлов*]. Краткий очерк Восточной Монголии (Чжасатусский и Чжаримский сеймы) и Северной Маньчжурии (Хэйлунцзянская провинция). Ч. II. — Хабаровск, 1911. С. 6—7.

[32] Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. — 1915. С. 19.

[33] *Дюгаев.* Военно-статистические сведения об Илийском крае, собранные в октябре 1900 г. // Штаба Туркестанского военного округа. Сведения касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. Вып. XXVII. — 1901.

[34] *Мшанецкий С.И.* Вооруженные силы Внешней Монголии в 1911—1924 гг. // Россия и АТР. — 1997. — № 1. С. 83.

[35] *Баторский А.А.* Монголия. Опыт военно-статистического очерка: Ч. 1, 2. — СПб., 1889, 1891.

[36] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп.12. Д.287. Л.51.

[37] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.44об.

[38] *Позднеев А.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». — СПб., 1883. С. 310.

[39] Цин дай гэ ди цзянцзюнь дутун дачэнь дэн нянь бяо (Хронологические таблицы цинских цзянцзюней и дутунов) (1796—1911). — Пекин, 1965.

[40] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. — СПб., 1888. С. 301.

[41] *Чернышев А.И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. — М., 1990. С. 97.

[42] *Чернышев А.И.* Общественное и государственное … С. 109.

[43] Архив Российского географического общества (АРГО). Разряд 90. Оп.1. Д.11. Л.2.

[44] *Закржевский Р.* Краткий очерк северного склона Джунгарского Алатау. — Зап. Зап-Сиб отдела ИРГО. Кн. XV. Вып. I. Омск, 1893. С. 23.

[45] *Лысенко Ю.А.* Проблема устройства китайских беженцев в Семиреченской области в 1868—1874 гг. // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. — Барнаул, 2008. С. 327.

[46] *Остроумов Н.П.* Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. — Казань, 1879. С. 51.

[47] *Лысенко Ю.А.* Проблема устройства … С. 321.

[48] *Кожирова С.Б.* Миграционные процессы казахстано-китайского приграничья: историческая динамика // Международные отношения в Центральной Азии: история и современность. — Барнаул, 2008. С. 330.

[49] Сибирский торгово-промышленный календарь. — Томск, 1898. С. 165.

[50] Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАИО). Ф.24. Оп.11/3. Д.118.Л.47об.

[51] Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). Ф.188. Д.811. Л.18.

[52] *Дюгаев.* Военно-статистические сведения об Илийском крае, собранные в октябре 1900… // Штаба Туркестанского Военного

Округа. Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом. — 1901. — Вып. XXVII. С. 20.

[53] АВПРИ. Ф.188. Д.811. Л.34.

[54] *Велецкий С.Н.* Прилийский Кульджинский край. — П., 1915. С. 4—5.

[55] *Оссендовский Ф.* И звери и люди и боги. — М., 1994. С. 146.

[56] Данный материал опубликован в сборнике «Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений в первой четверти XX века. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 45—54».

[57] Все даты даны по старому стилю.

[58] Ихэтуань данъань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). — Т. 2. Пекин, 1959. С. 151.

[59] Ихэтуань данъань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). — Т. 2. Пекин, 1959. С. 176.

[60] Ихэтуань данъань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). — Т. 2. Пекин, 1959. С. 159.

[61] Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. — Пекин, 1959. С. 444.

[62] Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. — Пекин, 1959. С. 265.

[63] Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. — Пекин, 1959. С. 442.

[64] Ихэтуань данань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях): Т. 2. — Пекин, 1959. С. 443.

[65] АВПРИ. Ф.133. Оп.470. Д.111. Т. 1. Л.390.

[66] Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 3 Депеши, полученные военным министром и Главным штабом. Кн. 1. — СПб., 1902. С. 178.

[67] Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 3 Депеши, полученные военным министром и Главным штабом. Кн. 2. — СПб., 1903. С. 100.

[68] Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 3 Депеши, полученные военным министром и Главным штабом. Кн. 1. — СПб., 1902. С. 162.

[69] Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 2 Депеши, отправленные Военным министром и Главным штабом. Кн. 1. — СПб., 1902. С. 133.

[70] Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 3 Депеши, полученные военным министром и Главным штабом. Кн. 1. — СПб., 1902. Кн. 2. С. 165.

[71] Ихэтуань даньань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. — Пекин, 1959.С. 527.

[72] Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 3 Депеши, полученные военным министром и Главным штабом. Кн. 2. — СПб., 1903. С. 244.

[73] Ихэтуань даньань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. — Пекин, 1959. С. 414.

[74] Ихэтуань даньань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. — Пекин, 1959. С. 527.

[75] Ихэтуань даньань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. — Пекин, 1959. С. 501—502.

[76] Ихэтуань даньань шиляо (Архивные материалы об ихэтуанях). Т. 2. Пекин, 1959. С. 596.

[77] Материалы для описания военных действий в Китае: Отд. 2 Депеши, отправленные Военным министром и Главным штабом. Кн. 3. — СПб., 1904. С. 80.

[78] *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. — Иркутск, 1989. С. 122.

[79] Сибирская торговая газета. — 1900. — № 165.

[80] О событиях 1900 г. в Монголии см.: *Дацышен В.Г.* Монголия во время военного конфликта между Россией и Цинской империей 1900 г. // Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений в первой четверти XX века. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 45—54.

[81] *Фрозе Б.* Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. № 10. — Харбин, 1911. С. 93.

[82] *Синаева Е.В.* Хух-Хото в Синьхайской революции // Мир Евразии. — 1010. — № 4. С. 45.

[83] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. — М., 2011. С. 39.

[84] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 377.

[85] Цин дай гэ ди цзянцзюнь дутун дачэнь дэн нянь бяо (Хронологические таблицы цинских цзянцзюней, дутунов и дачэней) (1796—1911). — Пекин, 1965. С. 200—202.

[86] Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук (АВ ИВР РАН). Ф.42. Оп.1. Д.17. Л.7.

[87] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.47.

[88] [*Корнилов*]. Вооруженные силы Китая. — Иркутск, 1911. С. 15—17.

[89] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.62.

[90] [*Михайлов*]. Краткий очерк Восточной Монголии (Чжасатусский и Чжаримский сеймы) и Северной Маньчжурии (Хэйлунцзянская провинция). Ч. II. — Хабаровск, 1911. С. 53.

[91] См. подробнее: *Дацышен В.Г.* Армия и военные реформы в Маньчжурии во второй пол. XIX — нач. XX вв. //Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. 1. — Владивосток, 2010.

[92] АВ ИВР РАН. Ф.42. Оп.1. Д.17. Л.25.

[93] *Baabar B.* History of Mongolia. — Cambridge, 1999. P. 128.

[94] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 135.

[95] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 136.

[96] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 137.

[97] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 138.

[98] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 370.

[99] *Baabar B.* History of Mongolia. — Cambridge, 1999. P. 129.

[100] *Baabar B.* History of Mongolia. — Cambridge, 1999. P. 129.

[101] АВ ИВР РАН. Ф.42. Оп.1. Д.41. Л. 1.

[102] АВ ИВР РАН. Ф.42. Оп.1. Д.17. Л. 26—30.

[103] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 307.

[104] [*Корнилов*]. Вооруженные силы Китая. — Иркутск, 1911. С. 16.

[105] *Новицкий В.Ф.* Путешествие по Монголии в 1906 году // Известия ИРГО. T.XLV. Вып. IV—VI. — СПб., 1909. С. 272—273.

[106] Архив Русского географического общества (АРГИ). Ф.30. Оп.1. Д.32. Л.1.

[107] Государственный архив Российской федерации (ГАРФ). Ф.818. Оп.1. Д.62. Л.2.

[108] *Новицкий В.Ф.* Путешествие по Монголии в 1906 году // Известия ИРГО. T.XLV. Вып. IV—VI. — СПб., 1909. С. 254—255.

[109] *Новицкий В.Ф.* Путешествие по Монголии в 1906 году // Известия ИРГО. T.XLV. Вып. IV—VI. — СПб., 1909. С. 255.

[110] *Новицкий В.Ф.* Путешествие по Монголии в 1906 году // Известия ИРГО. Т.XLV. Вып. IV—VI. — СПб., 1909. С. 261.

[111] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.47об.

[112] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.61—62.

[113] [*Корнилов*]. Вооруженные силы Китая. — Иркутск, 1911. С. 16.

[114] История Монгольской Народной Республики. Изд.3. М., 1983. С. 233.

[115] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. — М., 2011. С. 39.

[116] [*Ишменецкий*]. Монголия. Очерк *Б.И. Ишменецкаго.* — П. 1915. С. 36.

[117] *Price M.P.* Siberia. — L., 1912. P. 280.

[118] *Калинников А.* Национально-революционное движение в Монголии. — М.-Л., 1926. С. 20—21.

[119] *Бруннерт И.С., Гагельстром В.В.* Современная политическая организация Китая. Под. ред. *Н.Ф. Колесова.* — Пекин, 1910. С. 384.

[120] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.62.

[121] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.25. Оп.11. Д.12. Л.143—143об.

[122] [*Михайлов*]. Краткий очерк Восточной Монголии (Чжасатусский и Чжаримский сеймы) и Северной Маньчжурии (Хэйлунцзянская провинция). Ч. II. — Хабаровск, 1911. С. 27.

[123] *Тарасов А.П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. — Чита, 2003. С. 202.

[124] История Монгольской Народной Республики. Изд. 3. — М., 1983. С. 233.

[125] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.48.

[126] *Мшанецкий С.И.* Вооруженные силы Внешней Монголии в 1911—1924 гг. // Россия и АТР. — 1997. — № 1. С. 83—84.

[127] *Калинников А.* Национально-революционное движение в Монголии. — М.-Л., 1926. С. 25.

[128] [*Ишменецкий*]. Монголия. Очерк Б.И. Ишменецкаго. — П., 1915. С. 37.

[129] *Синаева Е.В.* Хух-Хото в Синьхайской революции // Мир Евразии. — 1010. — № 4. С. 46.

[130] *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX века. — М., 1997. С. 129—130.

[131] *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. — М., 2011. С. 41.

[132] Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПбФАРАН). Ф.761 Оп.2. Д.24. Л. 83—85.

[133] АВ ИВР РАН. Ф.42. Оп.1. Д.17. Л.70.

[134] *Петров В.И.* Мятежное сердце Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. — М., 2003. С. 254.

[135] [*Молодых*]. Краткий отчет о работах Монгольской экспедиции 1919 года под начальством *И.Ф. Молодых*. — Иркутск, 1920. С. 13—15.

[136] [*Молодых*]. Краткий отчет о работах Монгольской экспедиции 1919 года под начальством *И.Ф. Молодых*. — Иркутск, 1920. С. 13—15.

[137] *Мшанецкий С.И.* Вооруженные силы Внешней Монголии в 1911—1924 гг. // Россия и АТР. — 1997. — № 1. С. 85.

[138] *Ностаева Е.В.* Харчинский вопрос в Барге (1917 г.) // Восточный архив. — 2010. — № 1(21). С. 44.

[139] *Дэмбэрэл Колягийн.* Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. — Иркутск, 2002. С. 53.

[140] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.170. Оп.1. Д.646. Л.5.

[141] ГААК. Ф.170. Оп.1. Д.646. Л.25.

[142] *Кузьмин Ю.В.* Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений. — Иркутск, 2000. С. 45.

[143] История Монгольской Народной Республики. 3-е изд, перераб. и дополн. — М., 1983. С. 260—276.

[144] *Дэмбэрэл Колягийн.* Влияние международной среды на развитие Монголии: Сравнительный анализ в историческом контексте XX века. — Иркутск, 2002. с. 53.

[145] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.595. Оп.48. Д.707. Л.1

[146] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.707. Л.4об.

[147] Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф.42. Оп.1. Д.41.

[148] АВ ИВР РАН. Ф.42. Оп.1. Д.17.

[149] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.38.

[150] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.52.

[151] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.25. Оп.11. Д.10. Л.231.

[152] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.44об.

[153] ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.17. Л.6об.

[154] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771.

[155] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФАРАН). Ф.761. Оп.2. Д.24. Л.85.

[156] Успенский В.Л. Журнал «Монгол-ун сонин бичиг» о событиях в Монголии в 1911—1912 годах // Актуальные проблемы современного монголоведения. — Улан-Батор, 1987. С. 74.

[157] ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.17. Л.133.

[158] Рукописный фонд Института гуманитарных исследований Республики Тува (РФ ИГИ РТ). Ф.81. Оп.1. Д.8. Л.87.

[159] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.4.

[160] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.5.

[161] Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ). Ф.143. Оп.491. Д.3113. Л.63.

[162] Сведения о государствах Дальнего Востока за июнь месяц 1912 г. — Иркутск, 1912. С. 6.

[163] АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д. 3112. Л.179.

[164] АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3114. Л.9.

[165] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.8—8об.

[166] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.25.

[167] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.13.

[168] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.32.

[169] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.22.

[170] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.19—20.

[171] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.14а. Л.25.

[172] ГАТО. Ф.Р-26. Оп.1. Д.6а. Л3.

[173] АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3114. Л.66.

[174] АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.3114. Л.70.

[175] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.892. Оп.3. Д.131. Л.27об-28.

[176] См.: *Дацышен В.Г., Ондар Г.А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911—1921 гг. — Кызыл, 2003.

[177] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-64. Оп.1. Д.640. Л.1—7.

[178] *Сафьянов М.* Танну-Тува в годы революции // Северная Азия. — 1929 — № 2. С. 59.

[179] История Тувы. Т.II. — Новосибирск, 2007. С. 91.

[180] Минусинский Край. — 1919. — 13 июня (31 мая).

[181] Минусинский Край. — 1919. — 24 (11) июля.

[182] Минусинский Край. — 1919. — 13 июня (31 мая).

[183] История Тувы. Т.II. — Новосибирск, 2007. С. 93—94.

[184] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 141.

[185] *Рощин С.К.* Политическая история Монголии (1921—1940). — М.. 1999. С. 54.

[186] Минусинский Край. — 1919. — 24 (11) июля.

[187] Минусинский Край. — 1919. — 24 (11) июля.

[188] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 140.

[189] *Щетинкин П.Е.* Борьба с колчаковщиной. — Новосибирск, 1929. С. 40.

[190] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-64. Оп.1. Д.641. Л.12—16.

[191] *Щетинкин П.Е.* Борьба с колчаковщиной. — Новосибирск, 1929. С. 44.

[192] *Мармышев А.В.,* Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. — Красноярск, 2008. С. 175.

[193] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-64. Оп.1. Д.640. Л.1—7.

[194] *Щетинкин П.Е.* Борьба с колчаковщиной. — Новосибирск, 1929. С. 50.

[195] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 142.

[196] *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. — Красноярск, 2008. С. 178.

[197] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 141.

[198] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-64. Оп.1. Д.640. Л.1—7.

[199] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // *Сафьянов И.Г.* Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 143.

[200] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.11. Л.6б-6б об.

[201] МГА. Ф.61.. Оп.1. Д.11. Л.7—7об.

[202] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.15—17.
[203] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.11. Л.61.
[204] МГА. Ф.6 Ф.61. 1. Оп.1. Д.11. Л.73
[205] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.11. Л.74.
[206] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.640. Л.1—7.
[207] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.641. Л.61.
[208] МГА. Ф.61. Оп.1. Д12. Л..31.
[209] МГА. Ф.61. Оп.1. Д12. Л.55.
[210] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.625. Л.4—4об.
[211] МГА. Ф.24. Оп.1. Д12. Л.30.
[212] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.3.
[213] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.3об.
[214] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.4—4об.
[215] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.5.
[216] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.9об.
[217] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.9.
[218] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.12. Л.49.
[219] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.640. Л.1—7.
[220] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.625. Л.4—4об.
[221] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.625. Л.5об.
[222] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.640. Л.7.
[223] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.625. Л.5.
[224] ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.625. Л.6.
[225] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.21.
[226] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.81.
[227] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.82—82об.
[228] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.25—25об.
[229] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.11.
[230] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // *Сафьянов И.Г.* Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 145.
[231] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.12.
[232] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.14.
[233] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.14.
[234] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.14об-15об.
[235] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.14об-15об.
[236] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.16.
[237] МГА. Ф.24. Оп.1. Д.3. Л.17об-18.
[238] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.63.
[239] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.64—64об.

[240] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.65.

[241] ГАКК. Ф.7. Оп.1. Д.163. Л.1.

[242] *Сафьянов И.Г.* Повесть о жизни // *Сафьянов И.Г.* Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 83.

[243] *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. — Красноярск, 2008. С. 335.

[244] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // *Сафьянов И.Г.* Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 154.

[245] Сафьянов И.Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 154.

[246] Сафьянов И.Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 155.

[247] *Моллеров Н.М.* История советско-тувинских отношений (1917—1944 гг.) — М., 2005. С. 24.

[248] См.: *Дацышен В.Г.* Русско-китайский конфликт в селе Верхне-Усинском. К проблеме межнациональных отношений в период иностранной оккупации на юге Сибири // Люди и судьбы. XX век. / Тез. докл. и сообщ. — Красноярск, 2003.

[249] МГА. Ф.61. Оп.1. Д.14. Л.154—154об.

[250] *Сафьянов И.Г.* Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 146

[251] Сафьянов И.Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 160.

[252] За свободу народа… С. 261.

[253] Сафьянов И.Г. Моя автобиография // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 1. — М., 2012. С. 230.

[254] Сафьянов И.Г. Гражданская война в Туве (Воспоминания участника) // Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2. — М., 2012. С. 162.

[255] ГАНО. Ф.П-1 — Оп.1. Д.32. Л.141—143.

[256] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922 гг.) / Сб. док. — Новосибирск, 1996. С. 158.

[257] Дальневосточная политика… С. 209.

[258] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-7. Оп.1. Д.163. Л.1.

[259] ГАКК. Ф. П-7. Оп.1. Д.163. Л.2.

[260] ГАКК. Ф. П-7. Оп.1. Д.163. Л.9.

[261] ГАКК. Ф. П-7. Оп.1. Д.163. Л.6.

[262] РФ ТИГИ. Ф. 42. П. 4.

[263] За свободу народа. Сборник воспоминаний красных партизан Тувы. — Кызыл, 1957. С. 239.

[264] Центральный государственный архив Республики Тува (ЦГАРТ). Ф. Р-29. Оп.1. Д.25. Л.48.

[265] ГАКК. Ф. П-1. Оп.1. Д.3. Л.69об.

[266] ГАКК. Ф. Р-49. Оп.1. Д.23. Л.2—2об.

[267] Дальневосточная политика... С. 158—159.

[268] Дальневосточная политика… С. 274.

[269] Дальневосточная политика ... С. 248.

[270] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп.2. Д.55. Л.133.

[271] Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований (РФ ТИГИ). Ф.42. Папка 2. Л.41.

[272] ГАНО. Ф. Р-1. Оп.1. Д.607. Л.2об.

[273] За свободу… С. 266.

[274] Дальневосточная политика... С. 304.

[275] ГАКК. Ф. П-1. Оп.1. Д.110. Л.6—7.

[276] ГАКК. Ф. П-1. Оп.1. Д.125. Л.1.

[277] ГАКК. Ф. Р-49. Оп.1. Д.394. Л.8об.

[278] ГАКК. Ф. Р-1299. Оп.1. Д.171. Л.8.

[279] ГАКК. Ф. П-7. Оп.1. Д.523. Л.2.

[280] ГАКК. Ф. П-1. Оп.1. Д.439. Л.77.

[281] ГАКК. Ф. П-1. Оп.1. Д.110. Л.26.

[282] В 1917 г. в России официально еще действовал Юлианский календарь (Старый стиль), который на 13 дней отставал от принятого в большинстве стран мира Григорианского календаря. Поэтому, при указании событий, произошедших до 1918 г., когда Россия так же перешла на Григорианский календарь, принято указывать даты и по Старому и по Новому стилям.

[283] В числе редких исключений можно назвать имя китаеведа А.А. Иванова, бывшего в 1917 г. некоторое время сотрудником дипломатической миссии Временного правительства в Китае и секретаря консульства в Кульдже А.П. Зинкевича.

[284] Документы внешней политики СССР. Т. 1. — М.: Политиздат, 1957. С. 314—315.

[285] Крюков В.М. К вопросу о «переговорах НКИД с посланником Лю Цзинжэнем» (1917—1918 гг.) // Общество и государство в Китае : XLII научная конференция. — М. 2012. С. 65.

[286] Крюков В.М. К вопросу о «переговорах НКИД с посланником Лю Цзинжэнем» (1917—1918 гг.) // Общество и государство в Китае : XLII научная конференция. — М. 2012. С. 65.

[287] Обращение Совнаркома к монгольскому народу и правительству автономной Монголии.

[288] Chen Lu 陳籙 (1877—1939). В 1919 г. занимал пост министра иностранных дел Китайской республики.

[289] Русский Восток. — 1919. — 4 апреля (22 марта).

[290] Chen Yi 陳毅 (1873-?).

[291] Xibei choubanshi (西北籌辦使) и bianfang siling (邊防司令).

[292] Xu Shuzheng 徐樹錚 (1880—1925). Уроженец южного Китая, воспитанник японской военной академии, ближайший сподвижник Дуань Цижуя. После возвращения из Европы был убит в Пекине.

[293] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 59—60.

[294] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 106.

[295] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 121.

[296] Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921—1940). — М., 1999. С. 32—33.

[297] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 99—100.

[298] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 108.

[299] Guo Songling 郭松龄 (1883—1925).

[300] Юзефович Л. Самодержец пустыни. — М., 1993. С. 62.

[301] Макеев А. Бог войны барон Унгерн // Белая эмиграция в Китае и Монголии. — М., 2005. С. 35.

[302] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 152.

[303] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 153—154.

[304] Шинкарев Л.И. Цеденбал и его время. Т. 2: Документы. Письма. Воспоминания. — М., 2006. С. 37.

[305] Документы внешней политики СССР. Т. 3. — М., 1959. С. 324.

[306] Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.) — М., 1997. С. 61.

[307] Документы внешней политики СССР. Т. 3. — М., 1959. С. 346.

[308] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 188.

[309] Белов ЕА. Барон Унгерн фон Штенберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920—1921 гг. — М., 2003. С. 50.

[310] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1 Сиббюро ЦК РКП(б). Оп.2. Д.45. Л.2об.

[311] ГАНО. Ф. П-1 Сиббюро ЦК РКП(б). Оп.2. Д.45. Л.2—3об.

[312] Документы внешней политики СССР. Т. 3. — М., 1959. С. 472.

[313] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док. — Новосибирск, 1996. С. 207.

[314] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 204.

[315] ГАНО. Ф. Р-1. Оп.2а. Д.24. Л.48.

[316] ГАНО. Ф. Р-1. Оп.2а. Д.24. Л.42.

[317] Рощин С.К. Политическая история Монголии (1921—1940). — М.. 1999. С. 19.

[318] Коронация состоялась 26 февраля 1921 г., а независимость была провозглашена 24 марта. При этом богдо-гэгэн был объявлен правителем «Великой Монголии и Тибета», а Унгерн взял себе должность начальника штаба монгольской армии.

[319] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 210.

[320] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 210.

[321] Дальневосточная политика Советской России (1920—1922). Сб. док — Новосибирск, 1996. С. 260.

[322] Зачем Красная Армия вступила в 1921 году в Монголию // Сибирский архив. Вып. 2. — Иркутск, 2000. 89—90.

[323] Зачем Красная Армия вступила в 1921 году в Монголию // Сибирский архив. Вып. 2. — Иркутск, 2000. С. 93—98.

[324] Российско-монгольское военное сотрудничество 1911—1946. Сб. док. Т. 1. — Улан-Батор, 2006. С. 212.

[325] Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф.1. Оп.1. Д.83. Л.84.

[326] Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917—1922 гг.) — М., 1997. С. 117.

[327] Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. — М., 2007. С. 180.

[328] Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. Кн. 1: 1900—1934. — М., 2005. С. 203.

[329] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.Р-10. Оп.1. Д.624. Л.183.

[330] Майский И.М. Избранная переписка с российскими корреспондентами: в 2 кн. Кн. 1: 1900—1934. — М., 2005. С. 208.

[331] Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом : документы, август 1923 г. — 1926 г. сост. А.И. Картунова. — М., 2008. С. 96.

[332] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.805. Оп.1. Д.78. Л.74.

[333] Материал подготовлен совместно с аспирантом А.В. Дудниковой.

[334] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте. — СПб., 1888. С. 012.

[335] *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте. — СПб., 1888. С. 020.

[336] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.3. Оп.2. Д.1892. Л.1.

[337] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1892. Л.2.

[338] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1892. Л.3.

[339] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1892. Л.4—5

[340] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1892. Л.6.

[341] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1892. Л.8.

[342] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1950. Л.1.

[343] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1950. Л.2—3.

[344] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1950. Л.4.

[345] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.1.

[346] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.2.

[347] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.7.

[348] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.8.

[349] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.10.

[350] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.16.

[351] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.21.

[352] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.1999. Л.23.

[353] ГАТО. Ф.3. Оп.2. Д.2112. Л.12.

[354] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.2449. Л.2—4.

[355] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.2627. Л.13.

[356] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.2611. Л.99об.

[357] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.287. Л.4.

[358] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.287. Л.7.

[359] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.287. Л.10.

[360] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.287. Л.51.

[361] ГАТО. Ф.3. Оп.12. Д.287. Л.52.

[362] Цин дай гэ ди цзянцзюнь дутун дачэнь дэн нянь бяо (Хронологические таблицы цинских цзянцзюней, дутунов и дачэней) (1796—1911). — Пекин, 1965.

[363] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.25. Оп.11. Д.10. Л.231.

[364] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.15

[365] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.60об-62об.

[366] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.67об.

[367] ГАКК. Ф.595. Оп.48. Д.771. Л.68.

[368] Материал составлен совместно с аспирантом А.В. Дудниковой и опубликован в сборнике «Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. — Кн. 3, ч. 2 : История отношений России Монголии в документах : сб. арх. док. — Иркутск; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014».

[369] На линии Кош-Агач-Кобдо

[370] На линии Зайсан-Шара-Сумэ